

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

На правах рукописи

Герелишин Роман Игоревич

**Методологические основы стратегирования социально-экономического
развития ресурсоориентированного региона
(на материалах Ямало-Ненецкого автономного округа)**

**Специальность 5.2.3. – Региональная и отраслевая экономика
(региональная экономика)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
кандидат экономических наук, доцент
Власюк Людмила Ивановна

Москва – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСУРСООРИЕНТИРОВАННОГО РЕГИОНА.....	11
1.1. Основные подходы к анализу регионального развития.....	11
1.2. Особенности социально-экономического развития экономических систем ресурсного типа	34
1.3. Методологические аспекты и инструментарий стратегирования развития регионов ресурсного типа	57
ГЛАВА II. РЕСУРСООРИЕНТИРОВАННЫЕ РЕГИОНЫ: ДЕФИНИЦИЯ, АЛГОРИТМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СТРАТЕГИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	74
2.1. Определение группы ресурсоориентированных регионов Российской Федерации на базе отраслевой структуры	74
2.2. Анализ существующих стратегий развития ресурсоориентированных регионов Российской Федерации с точки зрения методологии стратегирования.....	97
2.3. Построение концептуальной модели стратегирования социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов.....	109
ГЛАВА III. ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВООЧЕРЕДНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СТРАТЕГИИ И ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА).....	144
3.1 Определение тенденций, анализ внутренней и внешней среды Ямало-Ненецкого автономного округа	144
3.2 Формирование миссии и видения Ямало-Ненецкого автономного округа	169
3.3 Подходы к выбору стратегических приоритетов и оценке социально-экономических эффектов от их реализации	176
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	184
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	186
ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВ.....	217
ПЕРЕЧЕНЬ ТАБЛИЦ.....	219

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Экономическое благополучие РФ во многом зависит от отраслей ТЭК, в том числе связанных с добычей полезных ископаемых, обеспечивающих экономическую и энергетическую безопасность. При этом фундамент национальной экономики государств с федеративным устройством закладывается на мезоэкономическом уровне – в регионах, что обуславливает необходимость разработки систематизированного подхода к стратегическому социально-экономическому развитию регионов, специализирующихся на добыче полезных ископаемых. Проведенное исследование посвящено изучению особенностей подобных регионов в контексте теории стратегии и методологии стратегирования, а также разработке методологических основ стратегирования их социально-экономического развития.

С учетом критической значимости указанных регионов для функционирования национальной экономики, а также обеспечения энергетической и экономической безопасности стратегическое развитие ресурсоориентированных регионов занимает особое место в современной региональной экономической проблематике. Учитывая чувствительность ресурсоориентированных региональных систем к динамике внешней среды, тенденции на глобальном рынке энергоресурсов и иные тренды, важной задачей становится максимизация экономических эффектов от использования природно-ресурсного потенциала для повышения качества жизни и увеличения степени диверсификации.

Ресурсоориентированные регионы обладают особенностями, отличающими их от других регионов: макроэкономические, инфраструктурные, природно-климатические, институциональные и др. – они формируют уникальную среду, предполагающую особый подход к стратегированию и обуславливают необходимость разработки концептуальной модели для последующей разработки практических стратегий

с учетом локальной специфики объекта стратегирования, стратегических интересов и приоритетов, что определяет актуальность заявленной темы.

Степень разработанности рассматриваемой проблемы и изученности темы научного исследования. Теоретическая основа настоящего исследования в части вопросов развития экономических систем, в том числе региональных, восходит к работам крупнейших ученых, таких как Нобелевские лауреаты П. Кругман, С. Кузнец, Г. Мюрдаль, Д. Норт, К. Писсаридес, П. Ромер, К. Симс, Р. Солоу, Дж. Стиглиц, Э. Фелпс, К. Эрроу. Значительный вклад в изучение вопросов регионального развития внесен классиками пространственной экономики, как А. Вебер, В. Кристаллер, В. Лаунхардт, А. Лёш, И. фон Тюнен, Г. Хоттелинг, а также представлен в исследованиях Ж. Будвиля, Ф. Перру, П. Потье, Э. Тирлуолла, Х. Хойта и др.

В диссертационном исследовании в качестве теоретической базы используются наработки ведущих отечественных ученых в области региональной экономики, таких как академики А.Г. Аганбегян, А.Г. Гранберг, В.Л. Квинт, В.Л. Макаров, П.А. Минакир, А.Д. Некипелов, В.В. Окрепилов, члены-корреспонденты РАН А.Р. Бахтизин, С.Д. Бодрунов, а также ведущие теоретики и практики в области региональной экономики и регионального стратегирования Л.И. Власюк, Л.А. Гамидуллаева, Д.М. Журавлев, Л.Э. Лимонов, И.В. Манаева, Р.А. Мусаев, А.В. Мясков, С.М. Никоноров, И.В. Новикова, С.Н. Растворцева, А.М. Фадеев, В.А. Шамахов и др.

Особенностям развития экономических систем, основанных на природно-ресурсном потенциале, посвящены исследования и наработки Р. Аути, А.К. Белан, К. Бруншвейлер, Е.В. Гоосен, И.В. Гришиной, Е.С. Каган, Д.В. Кислицына, М.В. Курбатовой, Д.Ф. Ларичкина, С.Н. Левина, Н.Н. Михеевой, К. Моэне, С.М. Никонорова, М. Росса, А.О. Польшева, Дж. Сакса, Р. Торвика, А. Уорнера, А.М. Фадеева, А.Е. Череповицына, В.В. Шмата и др.

Основу научной работы сформировали труды теоретико-методологической школы стратегирования под руководством академика, Иностранного члена РАН В.Л. Квинта. Теоретическая база в области

стратегирования исследуется в фундаментальных трудах как зарубежных ученых как М. Портер, Э. Фелпс и др., так и отечественных, как академики А.Г. Аганбегян, В.Л. Квинт, В.Л. Макаров, А.Д. Некипелов, В.В. Окрепилов, члены-корреспонденты А.Р. Бахтизин и С.Д. Бодрунов, а также ведущие теоретики и практики стратегирования: М.К. Алимуратов, Л.И. Власюк, Д.М. Журавлёв, А.А. Козырев, И.В. Манаева, А.З. Мидов, А.В. Мясков, И.В. Новикова, С.Н. Растворцева, Н.И. Сасаев, А.М. Фадеев, А.С. Хворостяная, И.З. Чхотуа, В.А. Шамахов, И.В. Шацкая и др.

Целью исследования является разработка теоретических и методологических основ стратегирования социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов.

Для достижения заявленной цели сформулированы следующие **задачи**:

– обобщение существующих подходов к изучению социально-экономического развития региональных экономических систем и их систематизация в контексте релевантности теории стратегии и методологии стратегирования;

– анализ закономерностей и особенностей социально-экономических процессов в экономических системах ресурсного типа с точки зрения роли природно-ресурсного потенциала и связи с процессами стратегирования;

– систематизация подходов к определению ресурсных регионов и формирование авторской дефиниции «ресурсоориентированный регион», релевантной методологии стратегирования;

– математическая формализация алгоритма определения группы ресурсоориентированных регионов для последующего анализа степени методологической обоснованности действующих стратегических документов ресурсоориентированных регионов;

– разработка концептуальной модели стратегирования социально-экономического развития ресурсоориентированного региона и предложений по развитию и формализации отдельных этапов регионального стратегирования;

– формирование базовых элементов концепции стратегии социально-экономического развития ЯНАО с учетом предложенной концептуальной модели.

Объект научного исследования – ресурсоориентированные регионы как социально-экономические системы Российской Федерации.

Предметом исследования являются управленческие и организационно-экономические отношения, возникающие в процессе стратегирования социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов.

Теоретической и методологической основой исследования служат труды российских и зарубежных ученых, результаты их теоретических исследований и практических разработок, касающихся вопросов регионального социально-экономического развития и его закономерностей в условиях обеспеченности природными ресурсами, а также исследования, проведенные учеными и специалистами в различных областях теории стратегии. В исследовании использовались методы логического и системного подхода, статистические и графические методы анализа, методы эконометрического моделирования, а также следующие методы познания: сравнительный анализ, синтез, обобщение, экспертные суждения, OTSW-анализ.

Информационной базой диссертации являются нормативные и законодательные акты, данные официальной международной и российской статистики, аналитические источники и публикации в СМИ, материалы зарубежных и отечественных авторов. В исследовании использованы данные, размещенные в открытых источниках и не имеющие ограничений на использование в научных и аналитических целях. Использование указанных источников позволяет сформировать обоснованное представление о внешней и внутренней среде объекта стратегирования, выявить существующие и зарождающиеся тенденции, обоснованно сформулировать стратегические приоритеты.

Соответствие диссертации паспорту научных специальностей. Диссертация выполнена в соответствии с паспортом специальности 5.2.3 –

«Региональная и отраслевая экономика» (Региональная экономика): Региональное экономическое развитие и его факторы. Проблемы сбалансированности регионального развития. Сбалансированность региональных социально-экономических комплексов; Мониторинг социально-экономического развития регионов; Оценка и прогнозирование перспектив развития региональных экономических систем.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в развитии теоретико-методологических положений, основных элементов и этапов стратегирования социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов в контексте теории стратегии и методологии стратегирования.

Наиболее значимые научные результаты, отражающие личный вклад автора в развитие темы диссертации, заключаются в следующем:

1. Выявлены ключевые положения и стратегические аспекты различных теоретических подходов к анализу социально-экономического развития региональных экономических систем, что позволяет расширить представления о взаимосвязи различных экономических школ и теории стратегии как кросс-парадигмальной науки.

2. Определены ключевые особенности экономических систем, обладающих значительным природно-ресурсным потенциалом, а также представлена их интерпретация в контексте методологии стратегирования.

3. Сформулировано авторское определение «ресурсоориентированный регион», семантически отличающееся от существующих в научной литературе дефиниций в части роли ресурсов как ограниченного во времени конкурентного преимущества.

4. Предложен алгоритм определения группы ресурсоориентированных регионов на базе векторных расстояний, вычисляемых на основе доли добычи природных ископаемых в структуре ВРП, структуре региональной занятости и степени отраслевой концентрации.

5. Результаты кластерного анализа, consistentные предложенному автором алгоритму, подтверждают, что данные ресурсоориентированные регионы обладают структурной близостью, в том числе в отсутствие ресурсных метрик.

6. Сформулированы предложения по развитию и формализации отдельных этапов стратегирования развития ресурсоориентированных регионов, обладающие потенциалом применения как для иных региональных систем, так и для других направлений стратегирования.

7. Разработана концептуальная модель стратегирования социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов.

8. Определены ключевые тенденции, проанализированы внешняя и внутренняя среды ЯНАО как объекта стратегирования, а также сформированы первоочередные элементы стратегии социально-экономического развития ЯНАО в соответствии с предложенной концептуальной моделью.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Методология регионального стратегирования является комплексной кросс-парадигмальной дисциплиной, позволяющей агрегировать гетерогенные факторы социально-экономического развития региональных систем, в том числе систем ресурсного типа, что способствует более эффективному определению стратегических приоритетов и конкурентных преимуществ.

2. Авторское определение ресурсоориентированных регионов, семантически отличающееся от существующих дефиниций, позволяет акцентировать внимание на обеспеченности природными ресурсами, как на ограниченном во времени конкурентном преимуществе, эффективная реализация которого является фундаментом дальнейшего социально-экономического развития региональных систем.

3. Использование предлагаемого алгоритма определения ресурсоориентированных регионов на базе отраслевых структур производства и занятости, а также степени отраслевой концентрации позволяет обосновать

наличие группы структурно близких регионов, подтверждаемое кластерным анализом, в том числе без учета ресурсных метрик.

4. Применение предлагаемой концептуальной модели стратегирования социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов обеспечивает последовательное исполнение предусмотренных методологией стратегирования этапов разработки региональных стратегий, обуславливая ее значимость и эффективность, а содержащиеся в ней формализованные аналитические инструменты способствуют совершенствованию методологического аппарата регионального стратегирования.

5. Сформированные в соответствии с предлагаемой концептуальной моделью первоочередные элементы концепции стратегии социально-экономического развития ЯНАО являются научно обоснованной базой для актуализации действующей региональной стратегии, полное и последовательное исполнение которой позволяет обеспечить эффективную реализацию стратегических приоритетов, а также общественную и экономическую эффективность.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении и развитии теоретических и методологических основ стратегирования социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов. Представленные в диссертации положения могут быть использованы в качестве теоретической базы при изучении региональных экономических систем со значительным природно-ресурсным потенциалом в контексте регионального стратегирования, а также в качестве теоретико-методологического базиса при разработке региональных стратегий.

Практическая значимость исследования. Результаты представленного диссертационного исследования, а также сформулированные рекомендации могут быть использованы органами государственной власти различного уровня в практике стратегирования развития региональных систем.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность проведенного исследования подтверждалась на семинарах, выступлениях на различных научных конференциях, таких, как: СПЭК-2025 (2025 г.), VIII, VII, VI МНПК «Теория и практика стратегирования»: сессия «Московский Университариум Стратега» (2023-2025 гг.), сессия «Индустриальный Университариум Стратега» (2024 г.), сессия «Арктический Университариум Стратега» (2024 г.); Научная конференция «Ломоносовские чтения» (2024 г.); XXVII, XXX МНК студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (2020 г., 2023 г.); Четвертый Российский экономический конгресс (2020 г.); Всероссийская НПК «Экономика и управление в XXI веке: новые вызовы и возможности» (2019 г.); X Международная научно-практическая конференция, посвященная празднованию 20-летия Института экономики НИУ «БелГУ» (2017 г.).

Материалы исследования используются в учебном процессе МШЭ МГУ имени М.В. Ломоносова, и по результатам рассмотрения в Департаменте экономики ЯНАО могут использоваться при актуализации стратегии ЯНАО.

Публикации. Всего работ автора – 13. Все опубликованные научные работы посвящены заявленной теме диссертации, включая 6 статей (общим объемом 6,32 п.л., вклад автора 100%) в научных изданиях из перечня, рекомендованного Минобрнауки РФ, по соответствующим специальностям и отраслям наук на основании решения Ученого совета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», и 1 монографию (включая авторские 14,125 п.л. или 100%).

Объем и структура научного исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, а также содержит 37 рисунков, 31 таблицу, список использованной литературы из 313 наименований. Научная работа изложена на 185 страницах.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСУРСООРИЕНТИРОВАННОГО РЕГИОНА

1.1. Основные подходы к анализу регионального развития

На современном этапе экономического развития, характеризующемся высокой степенью экономической турбулентности, обусловленной факторами как экономической, так и неэкономической природы, все большую значимость обретают вопросы стратегического развития. Подобный подход невозможен без анализа и интерпретации трендов, одним из которых является глобальная регионализация, в связи с чем самые разные социально-экономические процессы можно рассматривать в региональном разрезе. Например, с точки зрения международных отношений указанный тренд создает конфигурацию, «в рамках которой основное взаимодействие протекает между различными региональными группировками, а не между отдельными крупными державами или коалициями государств, географически отдаленных друг от друга»¹, однако подобная логика может быть распространена и на экономических агентов уровнем ниже.

Подобные изменения глобального рыночного пространства приводят к расширению понятия «регион», которое не имеет общепринятого определения, так как «трактовка зависит от подхода к его анализу и интерпретации»². Так, в литературе встречается множество определений, в соответствии с которыми «регион» рассматривается как:

---

¹ *Троицкий М.А.* Глобальный регионализм и внешняя политика России // Свободная мысль. 2009. № 11. С. 35–46.

² *Леонова О.Г.* Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. 2013. Выпуск № 1 (11). С. 59–66.

- «тождественное понятие района, представляющее собой локализованную территорию, которой присущи взаимосвязанность и единство составляющих элементов, а также целостность»³;
- «часть народнохозяйственного комплекса страны, отличающаяся по природно-ресурсной специализации и географическим условиям»⁴;
- «большая территория страны с примерно одинаковыми природными условиями, а главным образом, с характерной направленностью развития производительных сил, в основе которого лежит сочетание комплекса природных ресурсов и соответствующей социальной структуры»⁵;
- «сложный территориально-экономический комплекс, имеющий ограниченные внутренние ресурсы, свою структуру производства, определенные потребности и связи с внешней средой»⁶;
- «территория, отличающаяся от других территорий по ряду признаков и обладающая некоторой целостностью и взаимосвязанностью составляющих ее элементов»⁷;
- «экономическая подсистема, характеризующаяся сильной взаимосвязанностью своих основных элементов»⁸;
- «не только подсистема социально-экономического комплекса страны, но и относительно самостоятельная часть с законченным циклом воспроизводства и специфическими особенностями протекания социальных и экономических процессов»⁹;
- «целостный участок территории, отличающийся некоторой однородностью в своей основе, но не обладающий четкими границами»¹⁰;

---

³ *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983 – 325 с.

⁴ *Кожурин Ф.Д.* Совершенствование регионального управления. М.: Экономика, 1990 – 122 с.

⁵ *Некрасов Н.Н.* Региональная экономика: теория, проблемы, Методы. М.: Экономика, 1978 – 344 с.

⁶ *Долятовский В.А.* Зарубежный опыт комплексного развития регионов // Регионология. – 1994. – № 2-3. – С. 149–156.

⁷ *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики: Учебник для вузов. – 2-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – С. 16.

⁸ *Фетисов Г.Г., Орешин В.П.* Региональная экономика. – Москва: ИНФРА-М. 2006. – С. 39.

⁹ *Маршалова А.С., Новоселов А.С.* Основы теории регионального воспроизводства. – Москва, 1998. – С. 14.

¹⁰ *Джеймс П., Мартин Д.* Все возможные миры // М.: Прогресс. – 1988. – Т. 22. – С. 672.

– «общенаучная категория, обозначающая конкретно-историческую целостность, обладающую свойством ресурсной, технологической и этнокультурной самодостаточности для расширенного социального воспроизводства»¹¹;

Обширный, но далеко не полный список возможных трактовок понятия «регион» наглядно демонстрирует, что толкование зависит от подхода, в рамках которого ведется анализ – среди них выделяют административно-территориальный, территориально-хозяйственный (при том, что «в контексте процессов глобализации и усложнения структуры экономических взаимосвязей территориальный принцип может утрачивать свое значение¹²»), экономический, производственно-технологический, институциональный, социокультурологический и другие. В общем виде «генезис региональных категорий может характеризоваться объединением пространственной сущности с другими характеристиками, играющими роль системообразующих признаков»¹³, а выбор того или иного значения зависит от характера задач, стоящих перед конкретно взятым исследователем¹⁴. Подобную позицию формулировал У. Изард, заключая, что «по мере углубления в чисто пространственное теоретизирование регион как дефиниция исчезает вообще и появляется лишь в связи с понятийными задачами той или иной науки»¹⁵. В то же время рассмотрение можно вести под разными углами в рамках междисциплинарных исследований, выходя за границы конкретно взятого подхода для достижения синергетического эффекта. Но данный подход также подвергается критике, так как предполагается, что изучение регионов необходимо проводить с позиции конкретной теоретической базы, так как в этом случае устраняется беспорядочность в понятийно-терминологической

---

¹¹ *Абрамов Ю.А., Куйбарь В.И.* Глобальная регионализация: к обоснованию понятия // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 1. – С. 242–250.

¹² *Журавлев Д.М.* Региональная социально-экономическая система: устойчивость и конкурентоспособность // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2018. – № 10(116). – 13 с.

¹³ *Гнатенко А.И.* Теоретико-концептуальные подходы к определению понятия «регион» в государственном управлении // Вопросы теории и методологии управления. – 2013. – Выпуск № 3 (11). – С. 27–34.

¹⁴ *Сергунин А.А.* Проблемы и возможности регионалистики // Полис, 1994, № 5, С. 149–150.

¹⁵ *У. Изард.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах: пер. с англ. – Прогресс, 1966. 659 с.

системе, а исследование делает более выдержанным и целенаправленным¹⁶ (близкого подхода придерживался и Й. Шумпетер, ставя под сомнение «возможность получения выгод от одобряемого дилетантами сотрудничества, так как оно влечет за собой утрату преимуществ узкой специализации»¹⁷).

С точки зрения государственного управления наиболее подходящим является подход, отождествляющий «регион» с субъектом Федерации¹⁸, что соответствует одной из существующих парадигм «регион-квазигосударство»¹⁹ и наиболее эффективно с позиции государственного управления. При этом с научной точки зрения регион, как отмечает академик А.Г. Гранберг, можно позиционировать и как «квазикорпорацию», «рынок» и «социум»²⁰, но для целей регионального стратегирования необходимо учитывать характеристики, присущие каждой из указанных категорий, что делает стратегию кросс-парадигмальной, то есть объединяющей в себе элементы различных парадигм.

При этом одной из кросс-парадигмальных особенностей региона, которая прослеживается в большинстве трактовок, является системность. То есть регион можно рассматривать как систему или совокупность элементов и взаимосвязей между ними, образующих целостное пространство, с особенностями протекания экономических, социальных, политических и иных процессов. Рассматривая регион как систему, целесообразно дифференцировать следующие подходы:

1. «Регион как экономическая система рассматривается в качестве части государственной экономической системы, имеющей жесткие внутренние горизонтальные связи»²¹. В этом случае регион определяется, как «часть государственного пространства, являющаяся субъектом

¹⁶ Асаул А.Н., Балакина Г.Ф., Соян М.К. Современные парадигмы региональной экономики // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 4 (48). – С. 257–260.

¹⁷ Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 1. СПб. Экономическая школа, 2004, С. 32.

¹⁸ Межевич Н.М. Определение категории «регион» в современном научном дискурсе // Псковский регионологический журнал. – 2006. – № 2. – С. 3–21.

¹⁹ Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. – 2-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – С. 83.

²⁰ Там же.

²¹ Лапаева М.Г., Лапаев С.П. Регион как пространственная социально-экономическая система государства // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 8 (144). – С. 133–143.

мезоэкономической системы и представляющая собой сформировавшийся в результате территориально-отраслевого процесса общественного разделения труда комплекс воспроизводственных потенциалов территориального образования»²².

2. Регион как «относительно самостоятельная экономическая система, делегирующая часть своих функций общенациональному центру и встроенная в общенациональное экономическое пространство на основе сильных вертикальных связей»²³.

Многоаспектность и широта трактовки категории «регион» обуславливает не менее активную дискуссию в вопросе определения факторов развития в контексте пространственной экономики, а также в вопросах определения наиболее содержательных моделей регионального экономического роста, которые можно разделить²⁴ на:

- модели экономического роста на базе движущих сил предложения;
- модели экономического роста на базе движущих сил спроса;
- гибридные модели.

В целях разработки концептуальной модели регионального стратегирования требуется проанализировать широкий спектр существующих моделей и концепций, базирующихся на различных предпосылках и ограничениях, разных методологиях и точках зрения, что позволит максимально широко охватить возможные детерминанты регионального развития, делая исследование комплексным.

Рассмотрение моделей регионального развития целесообразно начинать с моделей пространственной экономики, в частности с их «классического» направления, в основе которого лежит фактор размещения. К этому

---

²² Гонтарь Ю.А. Асимметрии экономического развития регионов: Современные проблемы. Стратегия регулирования. – Ставрополь: Кн. изд-во, 2001. – 213 с.

²³ Лапаева М.Г., Лапаев С.П. Регион как пространственная социально-экономическая система государства // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 8 (144). – С. 133–143.

²⁴ Исаев А.Г. Экономический рост российских регионов: экзогенные и эндогенные источники / отв. ред. Е.А. Коломак; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2022. – 208 с.

направлению можно отнести модель И. Тюнена²⁵, который изучал вопросы размещения производств и пришел к выводу о кольцевой форме размещения. Развитие идей и визуализация модели И. Тюнена в виде функции в конце XIX века были предложены В. Лаунхардтом – представителем немецкой школы политической экономии и основоположником математического направления в экономической науке. Несмотря на то, что ограничения, накладываемые на данные модели, носили жесткий характер (например, однородная производственная функция, постоянство производительности на единицу площади при любом уровне производства и повсеместно одинаковые цены факторов производства), работы этих ученых заложили фундамент теории размещения и пространственной экономики.

В. Лаунхардт помимо развития идей И. Тюнена занимался практическими вопросами ценообразования и размещения производств²⁶ и сформулировал задачу минимизации транспортных затрат. При относительной простоте его модели, построенной на оптимизационной функции, очевидна ценность самой идеи размещения производственных мощностей в ограниченном пространстве из расчета минимизации издержек, что в более сложном виде актуально и для текущих задач регионального, отраслевого и корпоративного стратегирования.

Дополнения к модели В. Лаунхардта нашли отражения в работе А. Вебера²⁷. На практике решение о расположении производств принимается не только на базе транспортных расходов, в связи с чем А. Вебер вводит в модель ранее не рассматриваемые затраты на рабочую силу (то есть теперь данный вид затрат не принимается постоянным). В контексте стратегирования это означает учет трудовых ресурсов как одного из ключевых факторов, а их анализ – один из системообразующих этапов стратегирования.

---

²⁵ Тюнен И.Г. Изолированное государство. М.: Экономическая жизнь, 1926. – 326 с.

²⁶ *Launhardt W. Mathematical Principles of Economics / translated by H. Schmidt and edited by J. Creedy. Aldershot : Edward Elgar, 1993.*

²⁷ Вебер А. Теория размещения производства / перевод с немецкого Н. Морозова. М. : Книга, 1929 – 223 с.

В условиях рынка рассмотрение целесообразно проводить не на конкретном производстве, а на множестве. В этой связи в рассмотрение включаются агломерационные эффекты, которые можно определить в качестве непроизводственного комплексного фактора, включающего экономию на масштабе, близость предприятий смежных отраслей, более низкую стоимость рабочей силы. В противовес данным эффектам действуют дегломерационные силы, которые проявляются в росте стоимости факторов производств (заработные платы и земельные ренты), росте цен на сырье и материалы.

Включение в рассмотрение конкуренции организаций за рынки сбыта, которых теперь становится более одного, и за рынки факторов производства было предложено американским экономистом Г. Хотеллингом²⁸. От выбора расположения зависит выручка и прибыль фирм, так как потребительский спрос на производимую продукцию определяется ценой продукции и расходами на транспортировку. При заданных условиях очевидно, что для достижения равновесия фирмы будут перемещать расположение, стремясь к центру отрезка, условно определяющего границы рынка, пока не достигнут середины, тем самым поделив рынок пополам. Таким образом объясняются агломерационные и концентрационные процессы, а с точки зрения теории игр подтверждается необходимость кооперации – этот вывод принципиально важен в контексте форм стратегического рыночного взаимодействия, а с позиции региональной экономики – в контексте создания условия для возникновения агломерационных эффектов. Исследования в данном направлении в более сложных формах и разных предпосылках находят отражение в работах Д'Апремона, Ж. Габжевича и Ж-Ф. Тисса²⁹ (доказывают, что в играх определения цен не всегда существуют равновесные по Нэшу состояния, а также демонстрируют наличие возможности вытеснения

---

²⁸ Hotelling H. Stability in Competition // The Economic Journal. – 1929. – V. 39. – № 153. – P. 41–57.

²⁹ d'Aspremont C., Gabszewicz J. J., Thisse J. F. On Hotelling's «Stability in competition» // Econometrica: Journal of the Econometric Society. – 1979. – P. 1145–1150.

конкурента за счет резкого понижения цены при достаточно близком расположении фирм-конкурентов), П. Дасгупты и Е. Маскина³⁰ (решение задачи в смешанных стратегиях), Т. Табукки и Ж-Ф. Тисса³¹ (исследовались двухшаговые задачи с квадратичными функциями затрат при неравномерных распределениях покупателей).

Существенный вклад в развитие региональной экономики на стыке с экономической географией был внесен В. Кристаллером – автором теории центральных мест³². Суть данной теории заключается в том, что города, формирующие иерархически структурированную общность, представляют собой сеть центральных мест, вокруг которых формируется группа более мелких поселений. Для целей настоящего исследования не обязательно углубляться в алгоритмы достижения результатов, однако важно отметить, что в контексте стратегии как науки эти выводы имеют существенную значимость, так как отражают иерархическую структуру стратегии и необходимость согласования стратегий разного уровня.

Значительную роль в развитие вопросов размещения также внес А. Лёш – автор теории организации экономического пространства³³. Идеи были построены на конусообразной форме спроса, зависящей от расстояния между точками производства и точками потребления. Важным шагом в развитии пространственной экономики является модель У. Алонсо³⁴, базирующаяся на идеях И. Тюнена и адаптированная для использования на территории города, в районах которого имеет место конкуренция за землю, предполагающая различные способы ее последующего использования.

Все представленные работы заложили фундамент пространственной экономики и обосновали важность пространственного аспекта для

---

³⁰ Dasgupta P., Maskin E. The existence of equilibrium in discontinuous economic games, I: Theory // Review of Economic Studies. – 1986. – Т. 53. – № 1. – P. 1–26.

³¹ Tabuchi T., Thisse J.F. Asymmetric equilibria in spatial competition // International Journal of Industrial Organization. – 1995. – Т. 13. – № 2. – P. 213–227.

³² Christaller W. Central places in southern Germany. – Prentice Hall, 1966. – 130 p.

³³ Лёш А. Пространственная организация хозяйства. – М.: Наука, 2007. – 662 с.

³⁴ Alonso W. Location and land use: Toward a general theory of land rent // Harvard University Press. – 1964. – 204 p.

региональных образований. С учетом современных технологий и автоматизированных систем многостадийной логистики представленные наработки могут показаться простыми и неактуальными, однако важна именно идея учета различных пространственных аспектов для обеспечения регионального развития.

Помимо «классиков» теории размещения большой вклад в вопросы регионального развития и экономического районирования внесли российские и советские ученые. Так, известны работы К.И. Арсеньева³⁵, в которой на базе статистических данных были предложены варианты сетей экономического районирования, дифференцированных по уровню развития хозяйства в разных регионах страны, и П.П. Семенова-Тян-Шанского^{36,37}, который полагал необходимым производить разделение на естественные области, состоящие из пространств «сколько-нибудь однородных» в части условий, влияющих на размещение населения, а также при определении пространств выделял количественные и качественные признаки.

Бурная активизация исследований и публикаций в области районирования пришлась на 20-е годы XX в., что было «своеобразной реакцией на государственный заказ»³⁸ и отражено в работах И.Г. Александрова, Л.С. Берга, С.В. Бергштейна-Когана, Д.Н. Анучина, Г.М. Кржижановского, Б.Н. Книповича, Е.Я. Шульгина. Необходимо отметить, что уже в это время в вопросах пространственного развития находили отражение идеи, принципиально важные с точки зрения концепции стратегирования, так, например согласно И.А. Александрову «район не должен иметь в себе всех видов экономической деятельности, а только те,

---

³⁵ Арсеньев К.И. Статистические очерки России. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1848. – 503 с.

³⁶ Семенов-Тян-Шанский П.П. Населенность Европейской России в зависимости от причин, обуславливающих распределение населения империи // Статистический временник Российской империи. – 1871. – Т. 2. – № 1. – С. 125–156.

³⁷ Семенов-Тян-Шанский П.П. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России // Вып. – 1880. Т.1. – № 2. – С. 4.

³⁸ Анимица Е.Г., Иванцкий В.П., Пешина Э.В. В поисках новой парадигмы регионального развития. Екатеринбург: УрО РАН, 2005.

которые в нем являются наивыгоднейшими»³⁹ – данный тезис в явном виде соответствует теории конкурентных преимуществ, которая занимает важнейшее место в системе стратегии.

Согласно П.А. Минакиру и А.Н. Демьяненко в работах вышеуказанного периода «район трактуется как реально существующая либо проектируемая территориальная экономическая система, формирующаяся на основе территориального разделения труда, которое в свою очередь базируется на пространственной неоднородности ресурсов и условий ведения экономической деятельности. Таким образом, термин “экономический регион” получил теоретическое определение в качестве “территориальной экономической системы” или “экономической системы в рамках определенной ограниченной географически территорией”⁴⁰. Кроме того, авторы указывают, что в этот период формируются экономические системы, состоящие из производств специализации («ядро» региональной системы) и вспомогательных отраслей («среда» региональной системы), направленных на удовлетворение спроса со стороны «ядра» и обслуживание потребностей населения. Подобным образом были сформированы территориальные экономические системы, между которыми сложились устойчивые отношения обмена, что привело к появлению территориальных комплексов, на которых были локализованы производства благ и услуг. «Подобные комплексы «накрыли» всю экономически доступную национальную территорию, а национальная экономика предстала в виде территориальных подсистем»⁴¹. В таком же виде национальная экономика существует и в нынешнем виде – фундамент национального экономического развития построен в регионах, а значит для развития страны в целом нужны эффективные региональные стратегии. Данный тезис подтверждает то, что развитие территориального

---

³⁹ Александров И.Г. Производственное районирование и его методология // Плановое хозяйство. – 1928. – Т. 4. – С. 46–58.

⁴⁰ Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. – 2010. – № 3 (50). – С. 7–26.

⁴¹ Там же.

разделения труда во второй половине XX в., сопровождавшееся усилением пространственной фрагментации в рамках национальной экономики, обусловило возможность представления экономических регионов в качестве субнациональных экономических систем, а саму национальную экономическую систему – в качестве агрегации субнациональных экономик. Так, согласно Р.И. Шниперу «экономический регион – это целостный механизм, в пределах которого функционирует локальная воспроизводственная система»⁴², при этом «регион признается неотъемлемой частью единой системы производительных сил и производственных отношений, в рамках которой осуществляются полные циклы воспроизводства»⁴³.

Своеобразным прорывом в области региональной экономики стали исследования У. Изарда, который определял факторами развития наличие у региона ресурсов, необходимых для развития, и динамику потребительского спроса, в совокупности определяющие экономический ландшафт⁴⁴. Современные региональные стратегии невозможны без учета этих факторов, так как ресурсы трактуются как конкурентное преимущество, а наличие совокупного спроса определяет региональную экономическую динамику и способствует развитию межрегиональных связей.

Подобная логика регионального развития представлена и в теории полюсов роста, что позволяет дифференцированно рассматривать различные категории пространств. Так «полюс» в большей степени относится к категории экономического пространства, не имеющего географической привязки, а «центр», напротив, имеет преимущественно географический базис. Кроме того, субъекты экономической деятельности могут классифицироваться как «точка роста» или «экономическое ядро». Основоположником данной теории

---

⁴² Шнипер Р.И. Региональные предплановые исследования: (Экономический аспект). – Наука. Сиб. Отд-ние, 1978.

⁴³ Шнипер Р.И. Регион: экономические методы управления. – Наука, 1991.

⁴⁴ Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах: пер. с англ. – Прогресс, 1966. 659 с.

является Ф. Перру⁴⁵ – он акцентирует внимание на диспропорциях экономических субъектов, возникающих естественным образом в ходе исторического процесса, что приводит к ситуации доминирования одних экономических единиц над другими. Отличительной особенностью идеи Ф. Перру является включение в анализ так называемых факторов «внеэкономической природы», что помимо повышения уровня реализма моделей позволяет рассматривать экономические диспропорции в ракурсах других дисциплин, то есть фактически делает теорию междисциплинарной. Существенное влияние Ф. Перру уделял тенденциям развития отраслей, на базе чего была составлена следующая классификация:

1. Деградирующие отрасли. Подобные отрасли характеризуются низкими темпами роста и постепенным снижением доли в структуре валового продукта (для регионов снижением доли в структуре ВРП).

2. Развивающиеся отрасли, не оказывающие эффект на развитие других отраслей.

3. Динамично развивающиеся отрасли, мультиплицирующие развитие смежных отраслей. По мнению Ф. Перру именно такие отрасли и становятся «полюсами роста».

Отдельно Ф. Перру акцентировал внимание на процессе распространения инноваций и нововведений, берущих начало в полюсах роста – по его мнению, развивающему идеи Й. Шумпетера, именно этот процесс оказывает существенное влияние на экономическое развитие.

Развитием идей Ф. Перру занимался Ж. Будвиль. В своей работе⁴⁶ он утверждает, что не во всех отраслях рост производства носит равномерный характер, что «позволяет выделить пул пропульсивных отраслей в региональной экономической среде, отличающихся динамичным характером

---

⁴⁵ Перру Ф. Экономика XX века // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. – 2000. – Т. 4. – С. 413.

⁴⁶ Boudeville J. R. Problems of regional economic planning. – Edinburgh: Edinburgh UP, 1966.

роста и создающих импульс для развития как смежных отраслей, так и всей региональной экономики в целом»⁴⁷.

Важно, что концепция полюсов роста релевантна для регионов не только как квазигосударственных конструкций, но и как для самостоятельных территориальных образований. Так, Х.Р. Ласуэн⁴⁸ полагал, что полюс роста представляет собой узел предприятий, а не отраслей, связанный с экспортной структурой региона. Рост в этих полюсах обуславливается надрегиональным спросом, экзогенным относительно региональной экономической системы, причем внешний спрос запускает рыночные механизмы конкуренции полюсов друг с другом. Посредством рыночных связей между предприятиями осуществляется передача импульса во второстепенные, не формирующие структуру регионального экспорта предприятия.

Вклад в изучение проблематики полюсов роста внес также П. Потье⁴⁹, который развивал идеи осей развития. Идея заключалась в том, что расположенные между полюсами роста территории имеют своего рода конкурентные преимущества за счет возможности получения дополнительных импульсов от соседних полюсов роста. Эти идеи так же, как и взгляды Ж. Будвиля, близки к транспортному принципу В. Кристаллера. Согласно А.Г. Гранбергу сформированные оси развития совместно с полюсами роста формируют «пространственный каркас» экономического роста⁵⁰.

Повышение роли технического прогресса и инноваций в конце XX в. привели к возникновению идеи о «смерти расстояния»⁵¹, заключающейся в значительном снижении фактора расстояния в вопросах пространственного развития, что стало предметом дискуссии на фоне уже известной на тот

---

⁴⁷ Герелишин Р.И. Применение методологии стратегирования на региональном уровне: возможности и преимущества // Управленческое консультирование. 2023. № 4. С. 93–107.

⁴⁸ Lasuen J.R. On growth poles // Urban studies. – 1969. – Т. 6. – № 2. – P. 137–161.

⁴⁹ Pottier P. Axes de communication et développement économique // Revue économique. – 1963. – Т. 14. – № 1. – P. 58–132.

⁵⁰ Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. – 2-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – С. 87.

⁵¹ Cairncross F. The death of distance: How the communications revolution is changing our lives (Boston, MA: Harvard Business School Press). – 1997.

момент идеи «тирании расстояния»⁵². Итогами этой дискуссии явились появление идеи о «плоском мире», принадлежащей Т. Фридману⁵³ и заключающейся в исчезновении фактора расстояния в пространственной экономике, а также интенсификация эмпирических исследований на базе гравитационных моделей, основа которых была заложена В. Рейли⁵⁴ и развивалась в работах П.Д. Конверса⁵⁵, а также К. Хэда и Т. Майера⁵⁶.

Однако помимо пространственного аспекта в региональном развитии, которое может рассматривать как квазигосударственное, важную роль играют принципы экономического роста и социально-экономического развития государственного уровня, выявляемые на протяжении многих столетий и красной нитью проходящие через подавляющее большинство экономических учений.

Например, в модели экспортирующего региона Х. Хойта⁵⁷ регион рассматривается как квазигосударственное образование с рядом ограничений, накладываемых тем фактом, что регион как часть страны служит национальным интересам: регион не в состоянии в развитии полагаться только на собственные ресурсы; регион не может производить весь спектр товаров и услуг, на которые предъявляется спрос – указанные обстоятельства обстоятельств объясняют специализацию на производстве конкретной продукции. Изначально Х. Хойт увязывал численность населения с определением числа занятых в экономике, предложив рассматривать базовый сектор экономики и сектор услуг. К базовым Х. Хойт относил экспортирующие отрасли региона, а остальные к сфере услуг, при этом исходя из предположения, что отрасль может стать триггером экономического роста

⁵² *Blainey G.* The tyranny of distance: how distance shaped Australia's history. – 1966.

⁵³ *Friedman T.L.* The world is flat [updated and expanded]: A brief history of the twenty-first century. – Macmillan, 2006.

⁵⁴ *Reilly W.J.* The law of retail gravitation. NY, Knickerbocker Press. – 1931.

⁵⁵ *Converse P.D.* New Laws of Retail Gravitation *Journal of Marketing* Vol. 14. – 1949.

⁵⁶ *Head K., Mayer T.* Gravity equations: Workhorse, toolkit, and cookbook // *Handbook of international economics*. – Elsevier, 2014. – Т. 4. – P. 131–195.

⁵⁷ *Capello R.* Regional Economics. London: Routledge, 2006. P. 111. Со ссылкой на: *Weimer A.M. and Hoyt H.* Principles of Urban real estate. New York: The Ronald Press Co., New York. 1939; *Hoyt H.* Homer Hoyt on the Development of Economic Base Concept // *Land Economics*. 1954. P. 182–187.

лишь в том случае, если продукции в данной отрасли будет произведено больше, чем может быть потреблено населением рассматриваемого региона.

Одна из последующих идей, фактически продолжающих и совершенствующих разработки Х. Хойта, построена на базе кейнсианской модели совокупного спроса⁵⁸. В ней переменные занятости заменяются на экономические переменные дохода, а также внешнего и внутреннего спроса⁵⁹. Мультипликативный эффект в данной модели зависит от величин склонностей к потреблению и импортированию, что в региональном аспекте рассматривается как потребление продукции местного производства и производство товаров, не производящихся на территории региона. Склонность к потреблению продукции местного производства определяется⁶⁰ размером региона, ограничивающим диверсификационные возможности, уровнем региональной специализации и местоположением региона.

Развитие кейнсианских идей в долгосрочном периоде представлено в модели Харрода – Домара, которые предложили рассматривать сбережения в качестве источника инвестиций. Темп гарантированного роста определяется перемножением сбережений, равных инвестициям, на коэффициент производительности капитала. Примечательно, что идея о наличии гарантированной траектории роста критикуется представителями кейнсианской школы, базируясь на аргументе, что сбережения носят эндогенный, а не экзогенный характер⁶¹.

Одним из дальнейших шагов в исследованиях природы экономического роста стало включение технического прогресса, накопления капитала и роста трудовых ресурсов в состав факторов экономического роста. Подобный

---

⁵⁸ Capello R. Regional Economics. London: Routledge, 2006. P. 111. Со ссылкой на: North. D. Location Theory and Regional Economic Growth // Journal of Political Economy. 1955. Vol. 63. P. 243–258.

⁵⁹ Региональная экономика и пространственное развитие. В 2 т. Т. 1. Региональная экономика. Теория, модели и методы: учебник для бакалавриата и магистратуры под общ. ред. Л.Э. Лимонова. – М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 155.

⁶⁰ Armstrong, H., Taylor, J. Regional Economics and Policy (3rd edition). Oxford: Blackwell, 2000.

⁶¹ Hartman L., Seckler D. Toward the application of dynamic growth theory to regions // Journal of regional science. 1967. Vol. 7. Issue 2. P. 167–173.

подход был предложен Нобелевским лауреатом Р. Солоу⁶². Его модель предусматривала постоянную отдачу от масштаба в неоклассической форме производственной функции, убывающую отдачу факторов и постоянство нормы сбережения. Помимо этого, уровень инвестиций пропорционален выпуску, то есть уровень сбережений, определяемый предельной склонностью к сбережению, отражает процесс накопления капитала при условии равенства сбережений инвестициям, а уровень капиталовооруженности зависит от уровня износа оборудования, который обозначается в качестве нормы выбытия капитала. Данные зависимости привели к поиску оптимального уровня запаса капитала, который обеспечивал бы с одной стороны максимальное потребление, а с другой устойчивое состояние экономики. Ответ был предложен Нобелевским лауреатом Э. Фелпсом, который показал, что сбалансированный рост экономики достигается при выполнении «золотого правила», заключающегося в равенстве предельного продукта от капитала норме выбытия⁶³.

При этом накопление капитала не объясняет экономический рост, в связи с чем в модель Солоу вводятся темп роста населения, а также технологический прогресс, которые задаются экзогенно. Рост населения и рост эффективности труда совокупно объясняют темп прироста, видоизменяющий «золотое правило» Э. Фелпса, и позволяют сделать вывод о значимости технического прогресса для экономического роста, а также для стратегирования как на национальном, так и на региональном, отраслевом и корпоративном уровнях.

В 1964 году Д. Бортсом и Д. Стейном⁶⁴ была создана неоклассическая односекторная модель экономического роста, построенная на базе предпосылок совершенной конкуренции на рынках товаров и факторов

---

⁶² *Solow R.M.* Technical Change and the Aggregate Production Function // *The Review of Economics and Statistics*. — 1957. — August Vol. 39, №.3. — P. 312–320.

⁶³ *Phelps E.* The Golden Rule of Accumulation: a Fable for Growthmen; *The American Economic Review*, Vol. 51, № 4, P. 638–643, 1961.

⁶⁴ *Borts G.H., Stein J.L.* Economic growth in a free market. New York: Columbia University Press, 1964.

производства, полной занятости, взаимозаменяемости факторов производства и абсолютной межрегиональной мобильности факторов производства при нулевых издержках. Полученные результаты подтверждают сформулированные Р. Солоу выводы о вкладе научно-технического прогресса в экономический рост и показывают, что динамическая устойчивость достигается при равенстве темпов роста капиталовооруженности и населения. Однако выводы, в большей степени подтверждающие практическую значимость, можно сформулировать при рассмотрении варианта открытой региональной экономики: ввиду абсолютной мобильности факторов производства они перемещаются туда, где их производительность выше, что в свою очередь максимизирует доход. В этом случае темп роста капитала определяется как внутренними, так и внешними факторами, а именно размером внутренних сбережений, в логике неоклассических моделей определяющих размер доступных инвестиций, и разницей между доходностью капитала в регионе относительно внешних рынков. Темп роста населения аналогично определяется внутренними и внешними факторами: ростом населения непосредственно в регионе и разницей в заработной плате в регионе и на внешних рынках, фактически определяющей потоки трудовой миграции.

Однако предпосылка экзогенности технического прогресса позволяет выявить существенный недостаток моделей: равновесные темпы роста слабо зависят от экономических агентов, поведение которых отражается только нормой сбережений, которая в долгосрочной перспективе не определяет темпы роста. В этой связи была принята попытка интернализировать модельный показатель технического прогресса и объяснить его эндогенно – соответствующая модель была разработана Нобелевским лауреатом П. Ромером⁶⁵. Выпуск продукции при данных предпосылках объясняется не только трудом и капиталом, но и новым показателем – техническими знаниями

---

⁶⁵ Romer P.M. Endogenous technological change // Journal of political Economy. – 1990. – Т. 98. – № 5, Part 2. – P. 71–102.

или интеллектуальным капиталом. В случае сбалансированного роста, характеризующегося постоянством отношения капитала к выпуску, темпы роста капитала и выпуска будут равны, что приводит к трехстороннему равенству темпов роста выпуска, капитала и знаний (интеллектуального капитала). Темп роста интеллектуального капитала зависит от текущего запаса знаний и численности населения (работников). П. Ромер развивает данную идею, акцентируя внимание на снижении влияния числа работников на темп роста интеллектуального капитала, обосновывая его возможным пересечением (дублированием) инноваций. В итоге это привело к выводу, что в модели эндогенного роста прирост выпуска определяется скоростью прироста населения (фактически рабочей силы).

Учитывая тесноту экономических связей вне теоретических моделей, очевидно, что инновации не могут быть автономными, то есть процесс диффузии инноваций как на международном, так и межрегиональном уровне – это объективная реальность. Оставляя за рамками рассмотрения институциональные (в частности, правовые) аспекты, можно утверждать, что инновации имеют свойство перетекать из одних экономических систем в другие, что при определенных условиях способствует сокращению технологических диспропорций и конвергенции регионов. Очевидна прикладная значимость данного вывода: федеральные органы власти в вопросах пространственного развития должны принимать во внимание важность снижения межрегиональных барьеров для интенсификации потоков инновационной диффузии. С точки зрения регионов вопрос необходимо рассматривать под несколько другим углом ввиду того, что регион как квазигосударство с большой долей вероятности не заинтересован в усилении конвергенции, так как таким образом могут быть нивелированы его собственные конкурентные преимущества и ущемлены интересы, что, в свою очередь, может стать причиной отчасти оппортунистического поведения

региона⁶⁶. При этом решение задачи по минимизации антагонизма – это прерогатива федерального центра, ответственного за построение и развитие институциональной инфраструктуры.

Между тем, согласно неоклассическим положениям в долгосрочной перспективе пространственная дифференциация по удельным доходам будет нивелирована, что будет обусловлено инвестированием из более богатых регионов в менее развитые с противонаправленным движением рабочей силы, что будет происходить до момента выравнивания уровней оплаты труда. При этом конвергенция может типизироваться по-разному, а именно:

- снижение дисперсии удельных доходов между регионами (σ -конвергенция);
- превышение темпов роста менее развитых регионов над темпами роста более развитых (β -конвергенция).

Проблематика экономического роста в терминах конвергенции была одной из центральных тем в работах Мэнкью-Ромера-Вэйла⁶⁷, Барро-Сала-и-Мартина⁶⁸.

При одним из слабых мест неоклассического подхода является предположение о постепенном выравнивании факторных цен, что приведет к ликвидации разницы в ценах между регионами, что ограничивает возможности использования данного подхода в краткосрочной и среднесрочной перспективе и, кроме того, способствует развитию альтернативных подходов, базирующихся преимущественно на анализе долгосрочного регионального спроса, а не предложения⁶⁹.

⁶⁶ Герелишин Р.И. Преимущества стратегического подхода к экономико-социальному развитию регионов // Экономика и управление в XXI веке: новые вызовы и возможности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Саранск, 29—30 ноября 2019 г.) / редкол.: С.М. Вдовин (председатель) [и др.]; ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва». – Саранск: Издатель Афанасьев В.С., 2019 – С. 57–61.

⁶⁷ Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. A contribution to the empirics of economic growth // The quarterly journal of economics. – 1992. – Т. 107. – № 2. – P. 407–437.

⁶⁸ Barro R.J., Sala-i-Martin X. Convergence // Journal of political Economy. – 1992. – Т. 100. – № 2. – P. 223–251.

⁶⁹ Региональная экономика и пространственное развитие. В 2 т. Т. 1. Региональная экономика. Теория, модели и методы: учебник для бакалавриата и магистратуры под общ. ред. Л.Э. Лимонова. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 397 с. – Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс.

Одним из ярких представителей кейнсианской школы, критиковавших неоклассический подход к экономическому росту является Э. Тирлуолл⁷⁰. Согласно его концепции, региональный экспорт призван обеспечивать сбалансированность торгового баланса и финансировать объема импорта, требуемого для удовлетворения внутрирегионального спроса. Принимая к учету предлагаемую Э. Тирлуоллом схему зависимости регионального экспорта от дохода внешнего по отношению к региону мира, а импорта – от темпа роста регионального дохода, умноженных на соответствующие коэффициенты эластичности, можно прийти к выводу о необходимости стимулирования создания структуры экономики региона, предусматривающей наличие экспорт-ориентированных отраслей с высокой эластичностью по «доходам внешнего мира» и импорта, слабо эластичного по региональному доходу. Данная модель относится к классу моделей региональной экспортной базы и региональных торговых балансов, которым посвящены работы Дж. Сиркина⁷¹, Дж. Ингрэма⁷², У. Льюиса⁷³, Л. Хартмана⁷⁴, Ш. Доу⁷⁵.

Однако связывание уровня регионального дохода к уровню экспорта является чрезмерным упрощением⁷⁶, так как структурные изменения в экономической системе региона, обусловленные появлением новых видов деятельности и влияющие на экспортную базу, могут напрямую повлиять на региональную экономическую динамику. Так, например, Ч. Тибу отмечал, что

---

⁷⁰ *Thirlwall A.P.* Regional problems are «balance-of-payments» problems // *Regional studies*. – 2007. – Т. 41. – № 1. – P. 89–95.

⁷¹ *Sirkin G.* The theory of the regional economic base // *The Review of Economics and Statistics*. – 1959. – P. 426–429.

⁷² *Ingram J.C.* State and regional payments mechanisms // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1959. – Т. 73. – № 4. – P. 619–632.

⁷³ *Lewis W.C.* A critical examination of the export-base theory of urban-regional growth // *The Annals of Regional Science*. – 1972. – Т. 6. – № 2. – P. 15–25.

⁷⁴ *Hartman L.M.* The Input-output model and regional water management // *Journal of Farm Economics*. – 1965. – Т. 47. – № 5. – P. 1583–1591.

⁷⁵ *Dow S.C.* The capital account and regional balance of payments problems // *Urban studies*. – 1986. – Т. 23. – № 3. – P. 173–184.

⁷⁶ *Исаев А.Г.* Экономический рост российских регионов: экзогенные и эндогенные источники / отв. ред. Е.А. Коломак; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2022. – 208 с.

регион может находиться в стадии роста и в отсутствие увеличения экспортной базы за счет интенсификации внутренней автономной деятельности, тем самым, чем больше регион, тем больше спектр сил, способных привести к росту регионального дохода⁷⁷. В дискуссии Ч. Тибу и Д. Норта был сформулирован подход, предполагающий способность региона к эндогенному росту, а его ключевым элементом являются индуцированные инвестиции. В модели данного типа инвестиции представляются динамической функцией и являются «регионально эндогенными»⁷⁸, определяемыми в том числе лаговыми значениями переменных. Исследованиями в этом направлении занимались Л. Хартман и Д. Сэклер⁷⁹, Г. Йи⁸⁰. Путем решения разностных уравнений было показано, что эндогенный рост возможен и может быть как неколебательным (вероятность увеличивается по мере диверсификации отраслевой структуры), так и колебательным (с затухающей и возрастающей траекторией).

Другое направление регионального развития представляется комплексом теорий кумулятивного роста, основу которых заложил Нобелевский лауреат Г. Мюрдаль⁸¹ в концепции «взаимной и кумулятивной обусловленности». Главенствующую роль в этой системе играют процессы, создающие условия для развития, а аккумуляция эффектов от данных процессов, находящихся под воздействиями импульсов разного характера и происхождения, предопределяет конечный результат в конкретный момент времени, который существенно превосходит первоначальный импульс. Также в своей работе Г. Мюрдаль пришел к выводам, что на базе специализации и за счет эффекта от масштаба незначительные преимущества могут быть развиты

---

⁷⁷ *Tiebout C.M.* Exports and regional economic growth // *Journal of political economy*. – 1956. – Т. 64. – № 2. – P. 160–164.

⁷⁸ *Ghali M., Renaud B.* Regional investment and regional growth: some empirical evidence // *Southern economic journal*. – 1971. – P. 219–229.

⁷⁹ *Hartman L., Seckler D.* Toward the application of dynamic growth theory to regions // *Journal of regional science*. 1967. Vol. 7. Issue 2. P. 167–173.

⁸⁰ *Yi G.J.L.* Towards the application of dynamic growth theory to regions: generalizations and comments // *Journal of Regional Science*. – 1976. – Т. 16. – № 1. – P. 117–124.

⁸¹ *Myrdal G., Sitohang P.* Economic theory and under-developed regions. – 1957.

и приумножены. Переводя данные выводы в плоскость региональных исследований, становится очевидным, что если регион располагает конкурентным преимуществом в начале рассматриваемого периода, то за счет его развития на межрегиональном уровне наблюдаются процессы дивергенции – регионы не сближаются по уровню развития, а, напротив, отдаляются друг от друга. При этом природа взаимовлияния позволяет не исключать возможности выравнивания (или, как минимум, сокращения разрыва) регионов – это возможно в случае, если условно отстающий регион окажется под влиянием сил нового полюса роста, создаст конкурентное преимущество или получит какого-либо вида поддержку от властей (региональных или федеральных). Существенный вклад в формализацию идей Г. Мюрдаля был внесен Н. Калдором⁸².

Своеобразным синтезом представленных ранее моделей экономической теории и пространственного анализа является новая экономическая география. Более детально данная связь была описана М. Фуджитой и Т. Мори: «новая экономическая география представляет собой новый раздел пространственной экономики, главной целью которого – объяснить формирования различных типов экономической агломерации в географическом пространстве, используя концепцию общего равновесия»⁸³. Отправной точкой новой экономической географии является 1991 год и опубликование статьи Нобелевского лауреата П. Кругмана «Increasing returns and economic geography»⁸⁴, посвященной объяснению перемещений факторов производства в модели «ядро-периферия», для объяснения которой П. Кругман обращался к модели монополистической конкуренции А. Диксита и Нобелевского лауреата Дж. Стиглица⁸⁵, в которой перемещение факторов производства определяется

---

⁸² *Kaldor N.* The case for regional policies // *Scottish journal of political economy*. – 1970. – Т. 17. – № 3. – P. 337–348.

⁸³ *Fujita M., Mori T.* Frontiers of the new economic geography // *Papers in Regional Science*. – 2005. – Т. 84. – № 3. – P. 377–405.

⁸⁴ *Krugman P.* Increasing returns and economic geography // *Journal of political economy*. – 1991. – Т. 99. – № 3. – P. 483–499.

⁸⁵ *Dixit A.K., Stiglitz J.E.* Monopolistic competition and optimum product diversity // *The American economic review*. – 1977. – Т. 67. – № 3. – P. 297–308.

уровнем транспортных издержек, долей промышленного производства в структуре дохода и возрастающей отдачей от масштаба.

Под другим углом вопрос перемещения факторов производства был рассмотрен в модели Э. Венаблеса⁸⁶, который предложил рассматривать ситуацию с двумя типами фирм, производящих продукцию промежуточного потребления и производящих конечную продукцию (соответственно, предъявляющих спрос на промежуточную продукцию). В модели было показано, что фирмы, производящие конечную продукцию, способны уменьшать транспортные издержки в случае размещения поблизости от фирм, производящих промежуточную продукцию, а фирмы, создающие продукцию промежуточного потребления, ориентируются на размер больший размер конечного спроса.

Агломерационные процессы в условиях одной агломерации были рассмотрены в работе М. Фуджиты⁸⁷, одним из ключевых выводов которой является то, «что оптимальная модель использования земельных участков домашними хозяйствами и фирмами реализуется в условиях общего равновесия земельного рынка и потребительского, функционирующего в условиях монополистической конкуренции. В ходе изучения свойств этой модели выяснилось, что рыночные механизмы, основанные на ценовых взаимодействиях, способствуют возникновению агломераций»⁸⁸.

Указанные работы впоследствии усложнялись за счет внесения уточнений или отклонений от модели монополистической конкуренции Диксита-Стиглица, включения в модели неоднородности факторов производства, перевода моделей в динамическую плоскость и моделирования пространственных неоднородностей. Исследования в этом направлении

---

⁸⁶ Venables A.J. Equilibrium locations of vertically linked industries // International economic review. – 1996. – P. 341–359.

⁸⁷ Fujita M. A monopolistic competition model of spatial agglomeration: Differentiated product approach // Regional science and urban economics. – 1988. – Т. 18. – № 1. – P. 87–124.

⁸⁸ Изотов Д.А. Новая экономическая география: границы возможностей // Пространственная экономика. – 2013. – № 3. – С. 124–160.

проводились в работах Ж. Оттавиано, Т. Табучи и Ж.-Ф. Тисса⁸⁹, И. Мураты⁹⁰, Т. Мори и А. Туррини⁹¹, К. Де Брюйне⁹², М. Амита и К. Писсаридеса⁹³, Д. Оямы⁹⁴, П. Моссея⁹⁵, К. Мацуямы и Т. Такахашаи⁹⁶, Р. Болдуина и Т. Окубо⁹⁷ и других.

Таким образом, понятие «регион» не просто трактуется по-разному, но и спектр возможных факторов регионального развития довольно широк. Изолированное влияние какого-либо фактора важно с модельной точки зрения, однако для обеспечения утилитарности и интеграции в практическую плоскость необходимо рассматривать не один фактор, а комплекс. Данное требование обеспечивается в теории стратегии, которая, являясь кросс-парадигмальной и междисциплинарной наукой, предполагает синтез категорий различной природы и их интерпретацию как с научной точки зрения, так и для использования на практике.

1.2. Особенности социально-экономического развития экономических систем ресурсного типа

Как было отмечено в параграфе 1.1, в экономической науке известно множество факторов регионального социально-экономического развития и экономического роста. При этом регионы зачастую находятся в разных

---

⁸⁹ *Ottavino G., Tabuchi T., Thisse J.F.* Agglomeration and trade revisited // *International economic review*. – 2002. – P. 409–435.

⁹⁰ *Murata Y.* Product diversity, taste heterogeneity, and geographic distribution of economic activities: market vs. non-market interactions // *Journal of Urban Economics*. – 2003. – Т. 53. – № 1. – P. 126–144.

⁹¹ *Mori T., Turrini A.* Skills, agglomeration and segmentation // *European Economic Review*. – 2005. – Т. 49. – № 1. – P. 201–225.

⁹² *De Bruyne K. et al.* The location of economic activity. First versus second nature core-periphery theories // *Review of Business and Economic Literature*. – 2006. – Т. 51. – № 1. – P. 75–104.

⁹³ *Amiti M., Pissarides C.A.* Trade and industrial location with heterogeneous labor // *Journal of International Economics*. – 2005. – Т. 67. – № 2. – P. 392–412.

⁹⁴ *Oyama D.* Agglomeration under forward-looking expectations: Potentials and global stability // *Regional Science and Urban Economics*. – 2009. – Т. 39. – № 6. – P. 696–713.

⁹⁵ *Mossay P.* A theory of rational spatial agglomerations // *Regional Science and Urban Economics*. – 2013. – Т. 43. – № 2. – P. 385–394.

⁹⁶ *Matsuyama K., Takahashi T.* Self-defeating regional concentration // *The Review of Economic Studies*. – 1998. – Т. 65. – № 2. – P. 211–234.

⁹⁷ *Baldwin R.E., Okubo T.* Heterogeneous firms, agglomeration and economic geography: spatial selection and sorting // *Journal of economic geography*. – 2006. – Т. 6. – № 3. – P. 323–346.

стартовых условиях, в том числе с точки зрения обеспеченности природными ресурсами. Так, отдельные регионы обладают значительным ресурсным потенциалом, а добыча природных ресурсов является главенствующей отраслью в структуре производства. Регионы подобного типа играют значительную роль в экономике Российской Федерации, в связи с чем анализ закономерностей и особенностей их развития, в том числе с точки зрения экономической теории – это актуальная задача.

Определять подобные регионы можно как регионы ресурсного типа, ресурсоизбыточные или ресурсообеспеченные регионы – как и в случае с понятием «регион» имеется множество подходов и толкований. По одному из определений к данному типу регионов можно отнести «регионы с доминирующим в структуре их экономики природоэксплуатирующим сектором (прежде всего, минерально-сырьевым комплексом)»⁹⁸. Изучение вопросов экономического развития подобных регионов располагается на стыке различных направлений экономической науки – может рассматриваться не только с позиции региональной экономики, но и с институциональной точки зрения.

С одной стороны, наличие природных ресурсов является очевидным конкурентным преимуществом не только на уровне национальной экономики, но и на региональном уровне: освоение ресурсов способствует созданию рабочих мест, природные ресурсы используются в производстве (являются фактором производства), способствуют развитию энергетики и могут являться существенной статьей национального или регионального экспорта, существенным образом положительно влияя на экономический рост. Однако вопрос зависимости, возникающей вследствие наделенности природными ресурсами, оказался не столь очевидным, так как в ходе множественных исследований было выявлено, что «экономики, обильно наделенные природными ресурсами, как правило, растут медленнее, чем экономики без

---

⁹⁸ Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. акад. Кулешова В.В. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – 308 с.

существенных запасов природных ресурсов»⁹⁹. Парадоксальное при первом рассмотрении явление послужило появлению большого количества работ, посвященных его объяснению.

Так, Р. Пребиш¹⁰⁰ и Х. Зингер¹⁰¹ отмечали наличие тенденции к снижению цен на сырье (по отношению к готовой продукции), предполагая последующее снижение доли сырьевых производств в структуре ВВП в силу технического прогресса и развития. На базе данных предположений следовало, что экономики стран, специализирующихся на сырьевом секторе, будут расти медленнее, чем экономики стран с развитым производством готовых изделий, то есть промышленно развитых.

Другой вариант обоснования отрицательной взаимосвязи экономического роста и ресурсной обеспеченности базировался на «теории развития, опирающегося на главные экспортные продукты», постулирующей, что экономики ресурсообеспеченных стран формировались вокруг ключевых экспортоориентированных сырьевых отраслей, а рост определялся сменой одной группы экспортных товаров другой¹⁰². А. Хиршман отмечал, что воздействие ресурсного экспорта на экономику может быть как положительным, так и отрицательным, что определяется типом связи ресурсного сектора с другими отраслями¹⁰³.

Иным вариантом объяснения взаимосвязи ресурсной обеспеченности и экономического развития стала теория «голландской болезни». Механизм «голландской болезни» заключается в том, что в условиях увеличения цен на ресурсы происходит рост валютных доходов от экспорта, что в свою очередь вызывает рост курса национальной валюты, что снижает конкурентоспособность товаров нересурсного сектора на мировом рынке, а

---

⁹⁹ Sachs J.D., Warner A. Natural resource abundance and economic growth. – 1995.

¹⁰⁰ Prebisch R. The economic development of Latin America and its principal problems. – 1949.

¹⁰¹ Singer H. Comments to the terms of trade and economic development // Review of Economics and Statistics. – 1950. – Т. 40. – № 1. – P. 84–89.

¹⁰² Innis H.A. The Cod Fisheries: The History of an International Economy. Toronto: University of Toronto Press, 1954.

¹⁰³ Hirschman A.O. The strategy of economic development. – Yale University Press, 1958.

также приводит к увеличению импорта и относительных цен в рассматриваемой стране. Подобные обстоятельства объясняют уменьшение инвестиций в нересурсный сектор, что приводит к замедлению долгосрочных темпов роста в экономике в целом. Данные вопросы рассматривались во множестве работ, например, работа П. Дасгупты, Р. Иствуда и Дж. Хила¹⁰⁴ посвящена вопросам поиска оптимального баланса между экспортом ресурсов за рубеж и потреблением внутри страны, а также распределения полученных средств между импортом капитала для формирования внутреннего капитала и приобретением иностранных активов, которые могли бы приносить процентный доход. В работе М. Кордена и П. Нири¹⁰⁵ проводится системный анализ «голландской болезни» и отмечается, что в большинстве случаев взрывной рост и, следовательно, появление «голландской болезни» начинается в добывающих отраслях (газ в Нидерландах, нефть в Великобритании, Норвегии или странах ОПЕК, минеральное сырье в Австралии). Но как отмечают сами авторы, их анализ применим и для стран, в которых «бум» начинается и не в добывающих секторах (в качестве примера приводятся технологические замещения в устаревающих отраслях промышленности Ирландии, Японии и Швейцарии). Также данное явление изучалось и нашло отражение в отдельной работе М. Кордена¹⁰⁶, в которой автор приводит различные варианты усложнения модели: помимо «The core model» предлагается «The paradox model», в которой фактор производства становится мобильным между отраслями, в которых не наблюдается «бум», рассматривается вариант с наличием международной мобильности факторов производства, а также анализируются вопросы миграции, безработицы, протекционизма в отраслях, в которых не наблюдается «бум». Помимо прочего в анализе происходит отход от статического рассмотрения к

---

¹⁰⁴ Dasgupta P., Eastwood R., Heal G. Resource management in a trading economy // The Quarterly Journal of Economics. – 1978. – P. 297–306.

¹⁰⁵ Corden W.M., Neary J.P. Booming sector and de-industrialisation in a small open economy // The economic journal. – 1982. – Т. 92. – № 368. – P. 825–848.

¹⁰⁶ Corden W.M. Booming sector and Dutch disease economics: survey and consolidation // Oxford economic Papers. – 1984. – Т. 36. – № 3. – P. 359–380.

динамическому – в этом контексте рассматриваются вопросы межпериодных расходов, сбережений, инвестиций, что близко по содержанию к работе А. Гелба¹⁰⁷, изучавшего данные вопросы в импортирующих капитал странах-экспортерах нефти (Индонезия, Нигерия, Венесуэла). Также в динамическом аспекте феномен «голландской болезни» изучали М. Бруно и Дж. Сакс¹⁰⁸ – в их работе приводится предпосылка, что полная теоретическая модель должна учитывать целый ряд факторов, как специфичность краткосрочного капитала и мобильность долгосрочного капитала между секторами, международная мобильность капитала, дальновидность поведения фирм и домохозяйств. Важным аспектом их работы также является расширение ранее проведенного М. Бруно анализа¹⁰⁹ двухпериодной модели до бесконечного количества периодов, что по заявлению самих авторов позволяет реалистично оценить эмпирические величины приспособления экономики, но из-за этого делает модель аналитически не трактуемой.

Значительную роль в изучении вопросов экономического роста в странах, относимых к категории стран с «голландской болезнью», сыграли исследования на базе моделей «обучения в процессе деятельности», восходящих к работам Нобелевских лауреатов К. Эрроу¹¹⁰ и П. Ромера¹¹¹. Использование данной модели имеет в место также в работе С. Ван Вийнбергена¹¹², согласно которому существует взаимосвязь производительности торгуемых благ во втором периоде двухпериодной модели с производительностью в первом периоде. Отмечаются также работы:

---

¹⁰⁷ *Gelb A.H.* Capital-importing oil exporters: adjustment issues and policy choices [Monograph]. – 1981.

¹⁰⁸ *Bruno M., Sachs J.* Energy and resource allocation: a dynamic model of the «Dutch Disease» // *The Review of Economic Studies*. – 1982. – Т. 49. – № 5. – P. 845–859.

¹⁰⁹ *Bruno M.* Adjustment and Structural Change under Supply Shocks // *The Scandinavian Journal of Economics*. – 1982. – P. 199–221.

¹¹⁰ *Arrow K.G.* The Economic Implications of Learning by Doing // *Review of Economic Studies*. – 1962. – Т. 29. – P. 155–173.

¹¹¹ *Romer P.M.* Increasing returns and long-run growth // *Journal of political economy*. – 1986. – Т. 94. – № 5. – P. 1002–1037.

¹¹² *Wijnbergen S.* The «Dutch Disease» : a disease after all? // *The economic journal*. – 1984. – Т. 94. – № 373. – P. 41–55.

Нобелевского лауреата П. Кругмана¹¹³ в части модели торговли, в которой конкурентные преимущества развиваются со временем за счет «обучения в процессе деятельности» и предполагается возрастающая отдача от масштаба; Дж. Сакса и А. Уорнера¹¹⁴, использующих модель эндогенного роста для объяснения негативной взаимосвязи высокой доли экспорта природных ресурсов в структуре ВВП и экономическим ростом в последующие периоды; Т. Гильфасона¹¹⁵, изучавшего, в том числе, влияние «голландской болезни» на волатильность валютного курса, вопросы инвестиций и производительности. Дальнейшее изучение данной проблематики показало, что эффект от «обучения в процессе деятельности» может быть сгенерирован как в торгуемом, так и в неторгуемом секторе, а также, что возможен переток знаний из одного сектора в другой – к таким выводам пришел Р. Торвик¹¹⁶.

Помимо попыток теоретического обоснования и моделирования «голландской болезни» в экономической науке имеется большой пласт эмпирических работ, например, исследование М. Фардманеша¹¹⁷, в котором анализировались временные ряды с 1966 по 1986 год для Алжира, Эквадора, Индонезии, Нигерии и Венесуэлы, исследование С. Янгера¹¹⁸, посвященное связи «голландской болезни» в Гане с потоками капитала от стран-доноров и международных финансовых институтов, способными идти вразрез с проводимыми в стране-реципиенте экономическими реформами. Также проводились исследования в различиях механизмов государственного реагирования на ресурсные «бумы» в разных странах, например, в работе

---

¹¹³ *Krugman P.* The narrow moving band, the Dutch disease, and the competitive consequences of Mrs. Thatcher: Notes on trade in the presence of dynamic scale economies // *Journal of development Economics*. – 1987. – Т. 27. – № 1-2. – P. 41–55.

¹¹⁴ *Sachs J.D., Warner A.* Natural resource abundance and economic growth. – 1995.

¹¹⁵ *Gylfason T., Herbertsson T.T., Zoega G.* A mixed blessing: Natural resources and economic growth. Centre for Economic Policy Research. – Discussion Paper 1668, 1997.

¹¹⁶ *Torvik R.* Learning by doing and the Dutch disease // *European economic review*. – 2001. – Т. 45. – № 2. – P. 285–306.

¹¹⁷ *Fardmanesh M.* Dutch disease economics and oil syndrome: An empirical study // *World Development*. – 1991. – Т. 19. – № 6. – P. 711–717.

¹¹⁸ *Younger S.D.* Aid and the Dutch disease: macroeconomic management when everybody loves you // *World Development*. – 1992. – Т. 20. – № 11. – P. 1587–1597.

Н. Усуи¹¹⁹ приводится анализ различий в политиках, проводимых Мексикой и Индонезией, и показано, что существовал резкий контраст в фискальной политике, иностранных заимствованиях и режиме валютного курса, а также, что государственная экономическая политика при появлении «голландской болезни» должна быть консервативной. Проводились исследования по выявлению влияний потоков от экспорта на реальный валютный курс с целью выявления симптомов «голландской болезни» в Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуаре, Сенегале и Того¹²⁰, Ботсване¹²¹. Подобные исследования проводились и для Российской Федерации, например, в работах К. Калчевой и Н. Умс¹²², Б. Алгиери¹²³, В. Миронова и А. Петроневич¹²⁴ и К. Ито¹²⁵.

При том, что исследований, показывавших, что ресурсобеспеченные страны показывают более скромные результаты в темпах экономического роста, чем менее обеспеченные ресурсами страны, довольно много, среди них отсутствует консенсус в подходе к измерению ресурсоизбыточности: в некоторых работах использовались единичные индикаторы, как доля экспорта (Д. Сакс и А. Уорнер¹²⁶), площадь территории на душу населения (А. Вуд и К. Бердж¹²⁷), доля рабочей силы (Т. Гильфасон¹²⁸), в то время как в других работах использовались двойные индексы, например экспортная ориентация и размер населения (М. Сиркин и Х. Шенери¹²⁹). Или, например, в работе

¹¹⁹ *Usui N.* Dutch disease and policy adjustments to the oil boom: a comparative study of Indonesia and Mexico // *Resources policy*. – 1997. – Т. 23. – № 4. – P. 151–162.

¹²⁰ *Adenauer I., Vagassky L.* Aid and the real exchange rate: Dutch disease effects in African countries // *Intereconomics*. – 1998. – Т. 33. – № 4. – P. 177–185.

¹²¹ *Pegg S.* Is there a Dutch disease in Botswana? // *Resources Policy*. – 2010. – Т. 35. – № 1. – P. 14–19.

¹²² *Oomes N., Kalcheva K.* Diagnosing Dutch disease: does Russia have the symptoms? – BOFIT Discussion Papers, 2007. – № 7/2007.

¹²³ *Algieri B.* The Dutch disease: evidences from Russia // *Economic Change and Restructuring*. – 2011. – Т. 44. – № 3. – P. 243–277.

¹²⁴ *Mironov V.V., Petronevich A.V.* Discovering the signs of Dutch disease in Russia // *Resources Policy*. – 2015. – Т. 46. – P. 97–112.

¹²⁵ *Ito K.* Dutch disease and Russia // *International economics*. – 2017. – Т. 151. – P. 66–70.

¹²⁶ *Sachs J.D.* et al. Economic reform and the process of global integration // *Brookings papers on economic activity*. – 1995. – Т. 1995. – № 1. – P. 1–118.

¹²⁷ *Wood A., Berge K.* Exporting manufactures: human resources, natural resources, and trade policy // *The Journal of Development Studies*. – 1997. – Т. 34. – № 1. – P. 35–59.

¹²⁸ *Gylfason T., Herbertsson T.T., Zoega G.* A mixed blessing: Natural resources and economic growth. Centre for Economic Policy Research. – Discussion Paper 1668, 1997.

¹²⁹ *Syrquin M.* et al. *Patterns of Development, 1950 to 1983*. – Washington, DC: World Bank, 1989. – № 41.

Р. Аути¹³⁰, введшего в научный оборот термин «ресурсное проклятие», также используется двойной критерий: площадь пашенных земель на душу (как показатель земельного фонда) и ВВП, после чего проводится различие между экономиками, движущими силами которых является земледелие, и экономиками, построенными на полезных ископаемых, которые в свою очередь разделяются на подкатегории экспортеров нефти и экспортеров твердых полезных ископаемых, что сам Р. Аути объясняет различной долей ренты в подкатегориях.

Тем не менее, «ресурсное проклятие» не стало неоспоримым явлением и подвергалось критике, под сомнение ставился даже сам факт его существования. Например, М. Алексеев и Р. Конрад¹³¹ пришли к выводу, что крупные запасы нефти или иных полезных ископаемых не замедляют долгосрочный экономический рост, сфокусировав внимание не на темпах роста, а на уровне подушевого ВВП. Также авторы обозначили возможность использования в регрессионных моделях показателей, связанных с запасами нефти – они в расчетах авторов обладали статистической значимостью, и подчеркивали, что на результаты предыдущих исследований мог оказать влияние выбор периода наблюдений, так как на более ранних этапах мог иметь место интенсивный рост, который впоследствии перешел в фазу замедления.

Ж-Ф. Стийнс в одной из своих работ¹³² как раз поставил задачу проверить наличие отрицательной взаимосвязи, ранее выявленной Д. Саксом и А. Уорнером, между наличием избытка природных ресурсов и экономическим ростом при использовании в расчетах запасов природных ресурсов и их производства. Расчеты Ж-Ф. Стийнса показали, что ранее достигнутые Д. Саксом и А. Уорнером результаты не являются устойчивыми при изменении способа измерения обеспеченности/избыточности природных

---

¹³⁰ *Auty R.M. et al. (ed.). Resource abundance and economic development. – Oxford university press, 2001.*

¹³¹ *Alexeev M., Conrad R. The Elusive Curse of Oil // The review of Economics and Statistics. – 2009. – Т. 91. – № 3. – P.586-598.*

¹³² *Stijns J.P.C. Natural resource abundance and economic growth revisited // Resources policy. – 2005. – Т. 30. – № 2. – P. 107–130.*

ресурсов, а одним из выводов явилось то, что природные ресурсы сами по себе не имеют значительного влияния на темпы экономического роста, а наибольшую важность представляет то, каким образом страны используют природные ресурсы – этот тезис во многом определяет логику регионального стратегирования и подтверждается в актуальных исследованиях¹³³.

Необходимость поиска иного показателя, позволяющего более точно определить уровень ресурсной обеспеченности, для последующего анализа взаимосвязи с экономическим ростом обозначена также и работе К. Бруншвейлер¹³⁴. Автор ссылается на предшествующие работы, в которых модификации переменных ресурсного экспорта позволяли усомниться в наличии ресурсного проклятия: например, в работе Д. Ледермана и У. Мэлони¹³⁵ выявлено, что при использовании в качестве регрессора чистого экспорта природных ресурсов в расчете на одного занятого обнаруживается положительное влияние на экономический рост, в работе М. Лейте и Й. Вайдманна¹³⁶ природные ресурсы разбиты по нескольким категориям (топливо, руда, сельско-хозяйственная продукция), экспорт которых оказывает разнонаправленное влияние на экономический рост, а в работе Э. Ноймайера¹³⁷ замена регрессора происходит в другой логике, предполагающей использование реального дохода вместо ВВП, то есть на ВВП за вычетом амортизации произведенного капитала, что позволило выявить отрицательное, однако значительно более слабое влияние ресурсного экспорта на экономический рост. Упомянутая работа М. Лейте и Й. Вайдманна предполагает включение в анализ и рассмотрение такой

---

¹³³ Некучелов А.Д. О ресурсном проклятии и его влиянии на тактику и стратегию экономического развития // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2015. – № 2. – С. 209.

¹³⁴ Brunnschweiler C.N. Cursing the blessings? Natural resource abundance, institutions, and economic growth // Natural Resource Abundance, Institutions, and Economic Growth // World development. – 2008. – Т. 36. – № 3. – P. 399-419.

¹³⁵ Lederman D., Maloney W. Trade structure and growth. World Bank Policy Research Working Paper N 3025 // The World Bank, Washington, DC, USA. – 2003.

¹³⁶ Leite M.C., Weidmann J. Does mother nature corrupt? Natural resources, corruption, and economic growth. – International Monetary Fund, 1999.

¹³⁷ Neumayer E. Does the «resource curse» hold for growth in genuine income as well? // World development. – 2004. – Т. 32. – № 10. – P. 1627–1640.

институциональной категории, как коррупция, продиктованная рентоориентированным поведением – это принципиально важно, так как подобная модификация регрессионных моделей позволяет переходить от сугубо модельного и изолированного анализа к более реалистичным предпосылкам и учитывать внутрисистемные взаимодействия рассматриваемой экономики, а также включать факторы неэкономического характера, имеющих влияние на экономику. Эта же логика имеется в работе Х. Сала-и-Мартина и А. Субраманьяна¹³⁸, которые показали, что наличие природных ресурсов, в том числе полезных ископаемых, негативно воздействует на качество институтов в рассматриваемой стране, через которые оказывается влияние на долгосрочный экономический рост, причем это воздействие носит нелинейный характер. Однако при контроле институтов эффект от природных ресурсов снижается и даже может становиться положительным, то есть речь может идти не о «ресурсном проклятии», а даже о «ресурсном благословении».

К. Бруншвейлер отказалась от идеи использования экспортных показателей как прокси-метрики ресурсной обеспеченности и выбрала в качестве показателя, наиболее эффективно отражающего наделенность природными ресурсами, подушевой природный капитал (по данным Всемирного банка^{139, 140}, отражающим природное богатство в долларах США на душу населения на базе чистой приведенной стоимости ренты). Данные Всемирного Банка, по мнению К. Бруншвейлер, наиболее пригодны, так как статистика по разным странам, использовавшаяся в расчетах ранее, не была унифицированной и не предусматривала различные веса для категорий природных ресурсов, которые обладали разной стоимостью. Кроме того, автор полагал, что данная метрика обеспеченности природными ресурсами

---

¹³⁸ *Sala-i-Martin X., Subramanian A.* Addressing the Natural Resource Curse: An Illustration from Nigeria // *Journal of African Economies*. – 2013. – Т. 22. – № 4. – P. 570-615.

¹³⁹ World Bank, «Expanding the Measure of Wealth: Indicators of Environmentally Sustainable Development», *Environmentally Sustainable Development Studies and Monographs Series, № 17*, World Bank, Washington DC, 1997.

¹⁴⁰ World Bank. 2005. *Where is the Wealth of Nations? Measuring Capital for the 21st Century*. Washington, DC.

наилучшим образом отражала подушевой доход. Путем внесения подобных изменений автор предпринимал попытки проверить гипотезу проклятия избыточных природных ресурсов, в отличие от проклятия зависимости от экспорта природных ресурсов, изучением которого, по мнению К. Бруншвейлер, занимались предшествовавшие исследователи в своих работах. Кроме того, автором была поддержана общая тенденция к включению в расчеты и рассмотрение институциональных факторов – в ее работе в качестве показателей, отражающих институциональную среду, были выбраны агрегированное качество законодательства (измеряющее качество исполнения контрактов, полиции и судов, а также вероятность преступности и насилия) и эффективность правительства. Проведенные расчеты как обычным методом наименьших квадратов, так и двухшаговым вариантом показали результаты, противоречащие распространенным в экономической литературе выводам, так как была обнаружена положительная взаимосвязь между количеством природных ресурсов и темпами роста реального ВВП в период 1970-2000 гг. Кроме того, не было подтверждено негативное влияние природных ресурсов на институциональную среду, что также противоречило гипотезе о «непрямом ресурсном проклятии», выраженном в рентоориентированном поведении в богатых природными ресурсами странах. Таким образом парадигма «ресурсного проклятия» была поставлена под сомнение, а наличие/избыток природных ресурсов стал рассматриваться не только в качестве «проклятия», но и в качестве своего рода «благословения».

Важным шагом в исследованиях взаимосвязи обеспеченности природными ресурсами с институциональной экономикой стал учет качества институциональной среды и сформулированный вывод о существовании институционального порога. Одной из первых работ в данном направлении стало исследование Х. Мехлума, К. Моэне и Р. Торвика¹⁴¹, показавших, что сочетание избытка ресурсов и институтов, способствующих политике

---

¹⁴¹ *Mehlum H., Moene K., Torvik R. Institutions and the resource curse // The economic journal. – 2006. – Т. 116. – № 508. – P. 1–20.*

присвоения (рентоориентированному поведению), негативно влияет на экономический рост, в то время как институты, способствующие развитию производственного сектора, позволяют богатым ресурсами странам использовать весь их потенциал.

В работе Р. Двумфура и М. Нтоу-Гьямфи¹⁴² исследование вопросов «ресурсного проклятия» смещается в сторону изучения влияния природных ресурсов на финансовый сектор, так как авторы подчеркивают, что в ранней литературе этому вопросу уделяется недостаточно внимания, даже несмотря на то, что развитие финансового сектора является одним из важных механизмов достижения долгосрочного экономического роста. Авторы отмечают, что сектор природных ресурсов может стимулировать банки и финансовые организации к выдаче кредитов ввиду получения доходов от продажи за рубеж природных ресурсов. То есть фактически ориентированные на экспорт природных ресурсов страны получают дополнительную ликвидность, что может способствовать развитию финансового сектора за счет стимулирования кредитов и, соответственно, инвестиций. Кроме того, данная взаимозависимость должна изучаться в связи с тем, что нестабильность рынка природных ресурсов (волатильность цен, а также подверженность влиянию неэкономических факторов) может приводить к нестабильности финансового рынка. Отдельно Р. Двумфур и М. Нтоу-Гьямфи обращают внимание на важность институционального фактора, феномен рентоориентированного поведения и коррупцию, ссылаясь на уже ранее обозначенную статью Х. Мехлума, К. Мозне и Р. Торвика. Помимо прочего авторы, как и, например, К. Бруншвейлер, указывают на нерешенность и важность вопроса наиболее подходящей метрики для определения ресурсного богатства – они предлагают использовать в качестве подобного показателя средневзвешенную ресурсную ренту на основе ренты, рассчитанной для газа, природных ископаемых, нефти и продукции лесной промышленности в соответствии с подходом, ранее

---

¹⁴² *Dwumfour R.A., Ntow-Gyamfi M. Natural resources, financial development and institutional quality in Africa: is there a resource curse? // Resources Policy. – 2018. – Т. 59. – P. 411–426.*

изложенным в работе Р. Двумфура, Э. Агблойора, Дж. Абора¹⁴³. Критике также подвергается использованные ранее методики оценивания – указывается, что в исследованиях «ресурсного проклятия» необходимо тщательно изучать вопрос эндогенности показателей ресурсной зависимости – сами авторы вместо метода наименьших квадратов в различных формах используют обобщенный метод моментов. Подобная критика коррелирует с подходом, представленным в статье Ф. ван дер Плоэга и С. Полхекке¹⁴⁴, в которой «ресурсное проклятие» изучалось в контексте волатильности мировых цен на природные ресурсы и связанной с этим волатильностью выпуска на душу населения в странах зависящих от экспорта этих ресурсов. Ф. ван дер Плоэг и С. Полхекке пришли к выводу, что волатильность непредвиденного роста оказывает сильное негативное влияние на долгосрочный рост и уже само по себе является «проклятием», а выход из подобной ситуации заключается в развитии финансовой системы, способной сглаживать эффекты от неожиданных флуктуаций объема ресурсных доходов.

Более узконаправленным типом исследования является анализ влияния ресурсов не просто на финансовый сектор, а конкретно на банковскую сферу. Подобный анализ проведен в работе М. Умара, Джи Сянфэна, Н. Мирза и Б. Рахат¹⁴⁵, которые показали на данных с 2001 по 2019 год по коммерческим банкам из 12 стран-нефтепроизводителей (доля нефтяной ренты в которых превышает 20% ВВП) влияние «ресурсного проклятия» на прибыльность банков, качество активов и платежеспособность. Полученные результаты свидетельствуют, что в периоды ценового «бума» эффективность банковского сектора снижается, а вероятность дефолта возрастает.

---

¹⁴³ *Dwumfour R.A., Agbloyor E.K., Abor J.Y.* Correlates of poverty in Africa: Exploring the roles of remittances, financial development, and natural resources // *International Journal of Social Economics*. – 2017. – Т. 44. – № 12. – P. 2033-2051.

¹⁴⁴ *Van der Ploeg F., Poelhekke S.* Volatility and the natural resource curse // *Oxford economic papers*. – 2009. – Т. 61. – № 4. – P. 727–760.

¹⁴⁵ *Umar M. et al.* The impact of resource curse on banking efficiency: Evidence from twelve oil producing countries // *Resources Policy*. – 2021. – Т. 72. – P. 102080.

Еще одним показателем, который исследовался в контексте взаимосвязи с ресурсным проклятием, является уровень налогообложения. В работе Ш. Девараiana и К-Т. До¹⁴⁶ низкое качество управления в богатых ресурсами странах объясняется тем, что правительства этих стран слабо полагаются на налогообложение, которое является важным инструментом для граждан, способным удерживать правительства подотчетными и призывать к ответственности. Авторы используют игровую модель, посредством которой подтверждают, что правительства ресурсообеспеченных стран не имеют стимулов отчитываться перед гражданами и способствовать транспарентности, в связи с чем граждане не имеют стимулов к уплате налогов. Ш. Девараян и К-Т. До сводят все пространство исходов к 4 вариантам, которые зависят от решений государства (быть коррумпированным или сдерживать коррупцию) и населения (платить или не платить налоги). Один из вариантов, в котором высокие доходы от ресурсного экспорта (и, как следствие, отсутствие необходимости у государства в высоких налогах для финансирования инвестиций) сочетаются с низким уровнем уплаты налогов (аналог «проблемы безбилетника» – популярной концепции в экономике общественного сектора), авторы называют «ресурсное проклятие» – ситуация с низким качеством управления и низкими налоговыми поступлениями на фоне больших доходов от продажи ресурсов. Причем по расчетам исследователей данная стратегия является равновесной, так как ни одной из сторон не выгодно отклоняться от данного состояния. Однако роль налогов, а конкретнее зависимость от налоговых поступлений от ресурсных компаний, способная ослабить степень связи между населением государством и, как следствие, государственные институты, рассматривалась значительно раньше, например в работе Т. Карла¹⁴⁷.

---

¹⁴⁶ *Devarajan S., Do Q.T.* Taxation, accountability, and cash transfers: Breaking the resource curse // *Journal of Public Economics*. – 2023. – Т. 218. – P. 104816.

¹⁴⁷ *Karl T.L.* The paradox of plenty: Oil booms and petro-states. *Studies in international political economy* (Т. 26) – University of California Press, 1997. – 342 p.

Одним из новых взглядов на проблематику «ресурсного проклятия» стал подход, экстраполирующий симптоматику «ресурсного проклятия», ранее изучаемую на примере невозобновляемых природных ресурсов, на возобновляемые ресурсы. Отмечается, что наличие определенных сходств между возобновляемыми и невозобновляемыми ресурсами с экономической и политической точки зрения создают условия для возможного «проклятия возобновляемых ресурсов» (одной из работ, в которых проведено обобщение анализа сходств и различий возобновляемых и невозобновляемых ресурсов является статья Р. Вакульчука, И. Оверланд и Д. Шолтена¹⁴⁸, в которой сравнение ведется на базе следующих параметров: нехватка ресурсов, важность месторасположения, контроль за ресурсами, геополитическая сила, международная конкуренция, степень международной взаимозависимости, безопасность поставок, тип потенциального конфликта, важность кибербезопасности, ключевые характеристики рынка). Согласно Л. Эйсгруберу¹⁴⁹ при использовании возобновляемых ресурсов возможно избежать некоторых проблем, возникающих вследствие экспорта невозобновляемых ресурсов, а именно: 1) шоков после истощения ресурсов, 2) макроэкономических колебаний и 3) конкуренции за ограниченное количество ресурсов. Однако при этом сохраняются проблемы, свойственные «ресурсному проклятию», например, негативное влияние на производственный сектор, стимулы для коррупции и снижение государственной подотчетности.

В литературе вопрос возможности появления «ресурсного проклятия» в секторе возобновляемой энергетики остается дискуссионным. Так, в работе А. Менегаки указывается¹⁵⁰, что при анализе данных по Европейскому союзу возобновляемые источники энергии не показывают признаков «ресурсного

---

¹⁴⁸ *Vakulchuk R., Overland I., Scholten D.* Renewable energy and geopolitics: A review // *Renewable and sustainable energy reviews.* – 2020. – Т. 122. – P. 109547.

¹⁴⁹ *Eisgruber L.* The resource curse: analysis of the applicability to the large-scale export of electricity from renewable resources // *Energy Policy.* – 2013. – Т. 57. – P. 429–440.

¹⁵⁰ *Menegaki A.N.* An antidote to the resource curse: The blessing of renewable energy // *International Journal of Energy Economics and Policy.* – 2013. – Т. 3. – № 4. – P. 321–332.

проклятия». Одним из объяснений может являться то, что получение возобновляемых ресурсов требует определенного уровня технологий, то есть решение об использовании возобновляемых ресурсов дает толчок к развитию высокотехнологичных производств и инноваций, которые посредством перетока знаний способны привести к экономическому росту, минимизируя негативные эффекты от рентоориентированного поведения. Похожее мнение представлено и в статье И. Оверланд¹⁵¹, в которой утверждается, что использование и экспорт возобновляемых ресурсов в отличие от газа, нефти и других полезных ископаемых, на базе которых проводилось большинство исследований «ресурсного проклятия», требуют более длительного обслуживания инфраструктуры, что способствует созданию рабочих мест и стабильности доходов от экспорта, что обусловлено особенностями экспорта электричества, добытого из возобновляемых ресурсов: экспорт зачастую осуществляется в близлежащие страны на основе долгосрочных контрактов, а получаемые доходы используются для финансирования создания необходимой инфраструктуры. Помимо этого, отмечается, что возобновляемая энергетика обретает все большую значимость в период, когда «ресурсное проклятие» перестало быть устойчивым феноменом в том смысле, что государства находили новые решения по уходу от негативных эффектов превалирующего ресурсного сектора – в качестве примеров указывается создание национальных фондов благосостояния, которым посвящено множество работ, например, Б. Алхашела¹⁵². И. Оверланд при этом приводит в качестве примера фонды в России и Саудовской Аравии, которые использовали доходы от экспорта энергоресурсов, чтобы поддерживать экономику в период спада нефтяных цен в период 2014-2018 гг.

Сама симптоматика «ресурсного проклятия» находила и автономное применение. Например, в работе А. Леонард, А. Ахсан, Ф. Чарбонье и

---

¹⁵¹ *Overland I.* The geopolitics of renewable energy: Debunking four emerging myths // *Energy Research & Social Science.* – 2019. – Т. 49. – P. 36–40.

¹⁵² *Alhashel B.* Sovereign wealth funds: A literature review // *Journal of Economics and Business.* – 2015. – Т. 78. – P. 1–13.

С. Хирмер¹⁵³ предлагается использовать симптомы «ресурсного проклятия» для оценки рисков в странах с низким и средним доходом при реализации инициатив, связанных с внедрением технологий, основанных на возобновляемых ресурсах. Авторы предполагают, что таким образом лица, ответственные за принятие решений, могут выявить потенциальные риски в контексте объекта внедрения и превентивно их нивелировать. При этом, как отмечается, данных, необходимых для регрессионного анализа, пока еще недостаточно, поэтому несмотря на теоретический фундамент, эконометрическое подтверждение проклятия возобновляемых ресурсов пока не представляется возможным.

Один из наиболее обширных и детальных обзоров литературы по вопросам «ресурсного проклятия» приведен в статье М. Росса¹⁵⁴ – акцент в данной работе делается на взаимосвязи ресурсов со следующими категориями: уровень демократии, качество институциональной среды, гражданские войны. При этом, М. Росс подчеркивает, что в дальнейших исследованиях эффекты от наличия природных ресурсов можно рассматривать в различных измерениях политической и социальной жизни, а именно: гендерное равенство, уровень транспарентности деятельности органов власти, демографические тренды, различные виды международных взаимодействий и др. Кроме того, автор отмечает, что исследователям необходимо выходить за рамки изучения знаков регрессионных коэффициентов, рассматривая более широкие каналы влияния, а также акцентировать внимание не столько на изучении самого ресурсного проклятия, сколько на анализе и подготовке предложений по выработке мер для борьбы с негативными последствиями.

Несмотря на глубокую проработку и изучение вопросов «ресурсного проклятия» в научной литературе 20 века и начала 21 века, данное явление и его взаимосвязь как с экономическим ростом, так и с другими показателями,

---

¹⁵³ Leonard A. et al. The resource curse in renewable energy: A framework for risk assessment // *Energy Strategy Reviews*. – 2022. – Т. 41. – P. 100841.

¹⁵⁴ Ross M.L. What have we learned about the resource curse? // *Annual review of political science*. – 2015. – Т. 18. – P. 239–259.

до сих пор являются актуальной темой исследования, что подтверждается большим количеством работ, посвященных данной тематике. Данное явление исследуется для стран MENA¹⁵⁵ (страны Ближнего Востока и Северной Африки, Middle East and North Africa страны Ближнего Востока и Северной Африки), для стран N-11¹⁵⁶ (Next Eleven – группа стран, в число которых входят Мексика, Нигерия, Египет, Турция, Иран, Пакистан, Бангладеш, Индонезия, Вьетнам, Южная Корея, Филиппины), для стран БРИКС¹⁵⁷, для отдельных стран, показывающих симптоматику «ресурсного проклятия». При этом как в современных работах, так и в более ранних исследованиях, применялись самые различные методы: МНК, двухшаговый МНК, обобщенный метод моментов, метод инструментальных переменных, авторегрессии с распределенным лагом, динамический МНК, квантильные регрессии, векторная модель коррекции ошибок и другие эконометрические методы. Большое количество различных методов, метрик и предполагаемых каналов взаимовлияний между различными подсистемами обуславливают отсутствие консенсуса в научной литературе относительно влияния избытка ресурсов/ресурсной ориентации на экономический рост. Более того, полученные результаты разнятся в зависимости от выборки стран и рассматриваемого временного диапазона, что является дополнительным аргументом в пользу тезиса о невозможности однозначного определения характера влияния и системы причинно-следственных связей.

По этой причине особую важность как в теоретической, так и в практической плоскости приобретает вопрос действий, которые необходимо предпринимать, чтобы использовать ресурсообеспеченность как конкурентное преимущество для придания импульса экономическому

---

¹⁵⁵ Msann G., Karthiayani V.P. Resource curse and growth challenges in MENA oil exporter countries: A case for governance reforms in the post Arab Spring uprisings context // *Regional Science Policy & Practice*. – 2023. – Т. 15. – № 5. – P. 992–1008.

¹⁵⁶ Liu K. et al. Investigating the resource curse: Evidence from MENA and N-11 countries // *Resources Policy*. – 2023. – Т. 80. – P. 103215.

¹⁵⁷ Badeeb R.A. et al. Innovation dynamics in the natural resource curse hypothesis: A new perspective from BRICS countries // *Resources Policy*. – 2023. – Т. 81. – P. 103337.

развитию. В работе К. Смита¹⁵⁸ проводится систематизация признаков, характеризующих экономики, базирующиеся на ресурсах (к этой категории автор относит площадь земель, пригодных для сельского хозяйства, лес и древесину, рыбу, нефть, газ и другие полезные ископаемые).

Таблица 1 – Характеристики ресурсных регионов

Критерий сравнения	Отличительные характеристики ресурсных регионов
Структура производства	<ul style="list-style-type: none"> – упор на сельское хозяйство; – небольшой производственный сектор; – высокая доля выпуска, сконцентрированная в низко- и среднетехнологичных отраслях; – высокий доля услуг социальной направленности.
Структура экспорта	Значительная часть экспорта базируется на природных ресурсах.
Объем НИОКР	Зачастую интенсивность НИОКР невысокая.
Структура платежного баланса	Обычно отмечается дефицит технологического платежного баланса, что выражается в значительном импорте технологий.
Географические и демографические особенности	Значительные территориальные и популяционные дисбалансы, приводящие к проблемам с коммуникациями и инфраструктурным вызовам.

Источник: составлено автором на базе материалов (Smith K. Innovation and growth in resource-based economies // Growth. – 2007. – № 58. – P. 50–57.)

На примере Норвегии, Швеции, Финляндии, Нидерландов и Дании К. Смит указывает, что эти страны, обладая указанными характеристиками (Таблица 1), смогли развить на базе ресурсных секторов низко- и среднетехнологичные отрасли, тем самым простимулировав рост. Примеры того, как менялась в этой связи структура производства в указанных странах, представлены в таблице ниже (Таблица 2).

Таблица 2 – Исторические отрасли и современные специализации

Страна	Исторические отрасли	Современная специализация
Норвегия	<ul style="list-style-type: none"> – рыболовство; – лесная промышленность; – морской транспорт; – цветная металлургия; – гидроэнергетика. 	<ul style="list-style-type: none"> – рыболовство; – морские биотехнологии; – лесная промышленность; – нефть; – морской транспорт; – морская электроника (навигационные и подводные технологии); – цветная металлургия производство алюминия.
Нидерланды	<ul style="list-style-type: none"> – сельское хозяйство; – торговля и финансы; – машиностроение. 	<ul style="list-style-type: none"> – сельское хозяйство (включая новые направления); – сельскохозяйственные и торговые биржи; – аквакультура; – электроника;

¹⁵⁸ Smith K. Innovation and growth in resource-based economies // Growth. – 2007. – № 58. – P. 50–57.

		– финансы и страхование.
Финляндия	– лесная промышленность; – машиностроение; – оборудование для транспорта; – химическая промышленность.	– машиностроение и химическая промышленность (особенно для целлюлозно-бумажной промышленности); – телекоммуникационное оборудование; – судостроение.
Дания	– лесная промышленность; – судоходство.	– высокотехнологичное сельское хозяйство; – производство мебели; – архитектурное проектирование; – сельскохозяйственное оборудование; – фармацевтика; – электроника.
Швеция	– лесная промышленность; – добыча железной руды; – черная металлургия; – морской транспорт.	– деревообработка (включая строительные материалы и покрытия); – машиностроение; – автомобильная промышленность; – телекоммуникации; – аэрокосмическая промышленность (военного и гражданского назначения); – судостроение.

Источник: Smith K. Innovation and growth in resource-based economies // Growth. – 2007. – № 58. – P. 54.

Несмотря на то, что указанные примеры сформированы по данным на 2007 год, сама тенденция изменения отраслевой структуры производства в сторону более высокотехнологичных отраслей подтверждает возможность преодоления «ресурсных проклятий» и ситуации с превалированием низкотехнологичных отраслей. По мнению К. Смита, смена траекторий развития возможна по трем каналам: 1) развитие через совершенствование знаний и инвестиционные стратегии в ресурсных отраслях; 2) развитие через перенаправление ресурсов более низкие элементы цепочки накопления стоимости; 3) развитие компетенций посредством инфраструктуры знаний.

В монографии «Ресурсная модель модернизации экономики: возможности и ограничения», подготовленной коллективом Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской Академии Наук отмечается, что «некоторые ресурсные страны озабочены идеей использования подходов Азиатских Тигров к экономическому развитию – стимулированию быстрого роста обрабатывающей промышленности и продвижения вверх по цепочке добавленной стоимости в целях производства со временем более сложных товаров. Однако эта модель, как и одинаковый для всех стран подход, не в

состоянии учесть уникальные условия каждой страны. В этой связи ресурсным экономикам необходима новая модель роста для трансформации потенциальных дополнительных ресурсных доходов в долгосрочное экономическое процветание. Такая модель, прозванная «ресурсным тигром», аккумулирует в себе успешные подходы ряда ресурсных стран. Эта модель включает в себя шесть ключевых элементов (которые должны быть привязаны к специфическим условиям страны): формирование институтов и механизма управления ресурсным сектором; развитие инфраструктуры; проведение активной финансовой политики и политики конкурентоспособности; поддержка политики локализации; разработка механизма эффективного использования дополнительных ресурсных доходов; а также механизма трансформации ресурсного богатства в более широкое экономическое развитие»¹⁵⁹.

Рассмотренные работы, как и в целом большинство исследований по тематике «ресурсного проклятия», преимущественно сосредоточены на страновом уровне, однако общая симптоматика, трансмиссионные механизмы и закономерности могут быть релевантны и региональному уровню в контексте парадигмы «регион-квазигосударство». Более того, как указано в работе Дж. Каста и С. Полхекке¹⁶⁰, взаимодействия на внутривнутристрановом уровне могут создавать трансмиссионные механизмы для «ресурсного проклятия» на уровне страны. Кроме того, подавляющее большинство предполагаемых каналов влияния природных ресурсов на различные экономические и неэкономические категории зависит от факторов на субнациональном уровне, например, рентоориентированное поведение, региональный фаворитизм, ценовые межпространственные различия, неравномерное распределение инвестиций. При этом важно понимать, что отдельные причины проявления «ресурсного проклятия» могут быть

---

¹⁵⁹ Кондратьев В.Б. и др. Ресурсная модель модернизации экономики: возможности и ограничения. – М.: МИЭМО РАН, 2016. – С. 65.

¹⁶⁰ Cust J., Poelhekke S. The local economic impacts of natural resource extraction // Annu. Rev. Resour. Econ. – 2015. – Т. 7. – № 1. – Р. 251–268.

нивелированы действиями органов власти на национальном уровне, в то время как некоторые проявляются преимущественно на субнациональном уровне, поэтому при изучении ресурсного проклятия необходимо принимать во внимание региональное измерение. Обобщение различных подходов к рассмотрению «ресурсного проклятия» на субнациональном уровне сформулировано в статье М. Курбатовой, С.Н. Левина, Е.С. Каган, Д.В. Кислицына: «Суммируя, «ресурсное проклятье» на субнациональном уровне обычно объясняют двумя основными механизмами: «эффектом вытеснения» (субнациональная версия «голландской болезни») и «политическим ресурсным проклятием» – ухудшением качества институтов и экономической политики на субнациональном уровне, обусловленным доступностью ресурсной ренты»¹⁶¹.

Как уже отмечалось ранее, понятие «регион» в экономической литературе не имеет общей дефиниции. Аналогично в научном сообществе отсутствует единое определение «ресурсного региона», так как критерии для их определения разнятся в различных работах. Например:

– в работе И.Н. Ильиной указывается, что «...в качестве ключевого критерия выделения сырьевых регионов России мы использовали показатель доли валовой добавленной стоимости от добычи полезных ископаемых в структуре ВРП (более 30% в период 2000–2010 гг.)»¹⁶²;

– в работе С.Н. Левина, К.С. Саблина, Е.С. Каган предполагается, что к категории «ресурсных регионов» необходимо относить регионы, «основу экономики которых составляют экспортно-ориентированные отрасли и добывающие отрасли первого передела»¹⁶³;

– по мнению С.В. Белоусовой «понятие «ресурсные регионы» является скорее географическим термином и подразумевает лишь наличие

---

¹⁶¹ Курбатова М.В. и др. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // Terra Economicus. – 2019. – Т. 17. – № 3. – С. 94.

¹⁶² Ильина И.Н. Перспективы развития сырьевых регионов РФ в документах стратегического планирования // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – № 2. – С. 94.

¹⁶³ Левин С.Н., Саблин К.С., Каган Е.С. Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). – 2015. – Т. 7. – № 3. – С. 92.

некоторого материального потенциала, могущего служить, наряду с другими, ресурсом хозяйствования. Развитие этого потенциала зависит от индивидуальных решений бизнеса, которые все чаще оцениваются как сложный субъективный механизм, связанный с политической сферой. При этом регион с его природным потенциалом часто остается лишь географическим местом, поскольку характеристика «ресурсодобывающей» для территории практически ничего не меняет в ее социально-экономической жизнедеятельности»¹⁶⁴;

– в статье С.А. Самусенко, Г.И. Попадько и Т.С. Зимняковой приводится предложение классифицировать регионы как ресурсные, если «...добыча полезных ископаемых и их обработка в рамках первичного передела составляют региональную специализацию»¹⁶⁵.

Широта определений приводит к появлению большого количества способов классификации ресурсных регионов, то есть к различным методологиям расчета и типизации, а большое количество выявленных каналов влияния ресурсов на экономические и неэкономические категории как на национальном, так и на региональном уровне, ставит перед научным сообществом и органами управления различного уровня вопрос формирования методологии управления развитием ресурсных регионов, позволяющей учесть максимально широкий перечень факторов и уникальность каждого объекта, а также способной быть как утилитарной, так и обоснованной с теоретической точки зрения. В условиях нестабильности внешней среды, волатильности мировых рынков и неопределенности в области международных отношений, еще большую важность приобретает вопрос стратегического развития, поэтому актуальным является рассмотрение ресурсных регионов в контексте теории стратегии и методологии стратегирования.

---

¹⁶⁴ Белоусова С.В. Ресурсные регионы: экономические возможности и финансовая справедливость // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2015. – № 6 (492). – С. 40.

¹⁶⁵ Самусенко С.А., Попадько Г.И., Зимнякова Т.С. Дефекты инновационных систем в ресурсных регионах // Региональная экономика: теория и практика. – 2019. – Т. 17. – № 2 (461). – С. 236.

1.3. Методологические аспекты и инструментарий стратегирования развития регионов ресурсного типа

Современная экономическая система плотно связана с неэкономическими факторами – так было и ранее, но на современном этапе эта связь становится еще более крепкой и проявляется во все большей степени. Зачастую можно наблюдать нарушение базовых экономических законов и отклонения от фундаментальных экономических взаимосвязей. Так, введение в 2022 году санкций в отношении Российской Федерации со стороны Соединенных Штатов Америки и Европейского союза поменяло существующие логистические цепочки международной торговли, привело к интенсификации использования института параллельного импорта, вызвало турбулентность цен на товарных рынках и значительно повлияло на финансовый сектор, ограничив для Российской Федерации возможности иностранных заимствований. Помимо этого, введено множество секторальных санкций, блокирующих как возможности сбыта продукции Российской Федерации, так и приобретение иностранной продукции. Однако подобные неблагоприятные внешние обстоятельства создают и окно возможностей для Российской Федерации, например, для развития технологического суверенитета (в работе В.Л. Квинта, И.В. Новиковой, М.К. Алимурادова и Н.И. Сасаева рассмотрены вопросы стратегирования технологического суверенитета национальной экономики¹⁶⁶), развития собственных производств, интенсификации товарооборота со странами Азии, Ближнего Востока, Африки и Южной Америки, реализации совместных инфраструктурных проектов и т.д. Данные обстоятельства демонстрируют актуальность и востребованность стратегий, однако они актуальны не только в периоды, которые в теории стратегии называют «чрезвычайными»:

---

¹⁶⁶ *Квинт В.Л., Новикова И.В., Алимуратов М.К., Сасаев Н.И.* Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики // Управленческое консультирование. – 2022. – № 9 (165). – С. 57–67.

стратегия – это системный, научно обоснованный практический документ, ориентированный на реализацию конкурентных преимуществ и успех в долгосрочной перспективе.

Термины «стратегия» и производные от него вошли как в научную литературу, так и в ненаучные сферы общественной жизни, включая бытовой оборот. Однако зачастую вольная трактовка дефиниций в совокупности с широтой их некорректного использования привели к их примитивизации, так как «стратегия» часто ошибочно отождествляется с долгосрочным планированием (например, словарь «Социальные теории организации»¹⁶⁷ приводит следующее определение стратегии – «Разновидность долгосрочного плана развития организации с учетом перспектив взаимодействия с внешней средой») и стратегическим управлением без привязки к ее научной составляющей и философскому базису. Следствием этого стало появление множества разработанных стратегий, не имеющих под собой общей методологической базы, зачастую нереалистичных и не способных обеспечить реализацию стратегических приоритетов конкретного объекта.

Подобный пробел в системе научного знания заполняется представителями научной школы стратегирования академика, Иностранного члена РАН, доктора экономических наук, профессора В.Л. Квинта¹⁶⁸. Согласно В.Л. Квинту стратегия является «системой поиска, формулирования и развития доктрины, которая обеспечит долгосрочный успех при ее последовательной реализации. Это результат системного анализа среды, существующих прогнозов будущих условий на основе стратегического мышления, глубоких знаний и интуиции»¹⁶⁹. Важным акцентом в этом определении является то, что речь идет о достижении успеха в долгосрочной

---

¹⁶⁷ Щербина В.В. Социальные теории организации: Словарь. М.: Инфра-М, 2000. – 264 с.

¹⁶⁸ Герелишин Р.И. Стратегирование в контексте теорий региональной экономики // Теория и практика стратегирования: VI Международная научно-практическая конференция (27–28 февраля 2023 г.). Московский Университариум Стратега: сб. избранных научных статей и материалов конференции / под. науч. ред. В.Л. Квинта. – Москва: Издательство МГУ, 2024 – (Серия «Экономическая и финансовая стратегия». Том IX) – С. 277–286.

¹⁶⁹ Квинт В.Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке // М.: Бизнес Атлас. – 2012. – С. 353.

перспективе, что актуально всегда, но особую значимость приобретает в периоды повышенной неопределенности – методология стратегирования предполагает использование прогнозов будущего состояния среды и позиционирование объекта в динамично меняющихся внешних условиях. Помимо этого, стратегия также определяется как «путеводитель к выверенным приоритетам и целям через хаос будущего и неизвестного. Это мудрость, умноженная на точно выбранный вектор атаки с оценкой ресурсной ограниченности»¹⁷⁰. В данном определении в сжатом виде определяется алгоритм и логика процесса стратегирования: переход сквозь неопределенность будущего состояния среды к приоритетам объекта стратегирования с учетом ограниченности и, как следствие, необходимости оптимального использования ресурсов – в данном случае речь идет о широком спектре ресурсов, в связи в дальнейшем исследовании потребуется разграничить природные ресурсы, используемые в качестве атрибута рассматриваемых региональных экономических систем, и ресурсы в общем смысле, как инструмент обеспечения стратегических приоритетов.

Стратегия как наука во многом отличается от экономических теорий, так как восходит к философии, агрегируя многие положения, которые могут не иметь автономной стратегической направленности, но способны быть полезными для процесса стратегирования. Так, на формирование теории стратегии оказали влияние работы Гомера, Конфуция, Сократа, Платона, Аристотеля, Марка Аврелия Антонина, Р. Декарта, Б. Спинозы, Г.В.Ф. Гегеля, С. Кьеркегора, Ж.-П. Сартра. Важную роль в формировании стратегии, как науки, сыграли работы известных военачальников, в первую очередь Сунь-Цзы и его трактат «Искусство войны», отдельные положения которого сейчас играют значимую роль во всех сферах общественной жизни. В.Л. Квинт отмечает, что стратегу необходимо анализировать труды и достижения исторических и мифологических лидеров для более глубокого понимания и

---

¹⁷⁰ Квинт В.Л. Концепция стратегирования. Т.1. – СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2022. – С. 7.

совершенствования стратегического мышления – как раз этому и посвящена работа «Стратегическое лидерство Амира Тимура: комментарии к Уложению»¹⁷¹. Помимо упомянутых Сунь-Цзы и Амира Тимура на формирование стратегии как науки оказали влияние Ганнибал, Гай Юлий Цезарь, Чингисхан, Александр Невский, Петр I, Наполеон Бонапарт, отдельное влияние уделяется А.-Г. Жомини и К.Ф. фон Клаузевицу, которых относят к первым, кто представил термин «стратегия» в его современном понимании. На более поздних этапах помимо военачальников и государственных деятелей влияние на формирование теории стратегии стали оказывать бизнес-стратеги и предприниматели, к числу которых можно отнести К. Омаэ, Б. Гейтса, С. Джобса, Дж. Ма, И. Маска.

Одной из главных отправных точек теории стратегии и процесса стратегирования является стратегическое мышление. В.Л. Квинт выделяет три подхода стратегического мышления: стратегия новых горизонтов, стратегия совмещения и стратегия улучшений. Наиболее эффективной является стратегия новых горизонтов, так как она предполагает больший широкий взгляд на перспективы в условиях неопределенности, а также выход за рамки текущей повестки. Два других подхода в большей степени связаны с анализом существующих подсистем объекта стратегирования с меньшей или отсутствующей вовсе инновационной составляющей, что заведомо делает их менее эффективными.

При этом стратегическое мышление базируется на 15 сформулированных В.Л. Квинтом правилах¹⁷². Правила не имеют градации по степени важности, в связи с чем для того, чтобы быть эффективным стратегом и разрабатывать стратегические документы наивысшего качества необходимо соблюдать все правила. Так, согласно правилам, мнение большинства зачастую ошибочно, настоящее в стратегии уже является прошлым, опора

---

¹⁷¹ Квинт В.Л. Стратегическое лидерство Амира Тимура: комментарии к Уложению / В.Л. Квинт (предисл., коммент.). СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2021. 204 с. (Серия «Библиотека стратега»).

¹⁷² Квинт В.Л. Концепция стратегирования. Т.1. – СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2022. – С. 34.

только на здравый смысл ошибочна – с точки зрения обыденных поведенческих установок и мышления данные правила могут показаться иррациональными, однако в стратегическом контексте нарушение данных правил неминуемо приводит к неэффективности. Отдельные правила схожи с рекомендациями и наставлениями опытных стратегов: стратеги должны изучать опыт успешно реализованных стратегий; нельзя разрабатывать предсказуемые стратегии; стратегия не может основываться на нечестных методах достижения; стратеги должны всегда оставаться оптимистами и переоценивать конкурента; стратегам необходимо выявлять истинные ценности, интересы и приоритеты стратегируемого объекта.

Крайне важно учитывать, что разрабатываемые стратегии совместно создают систему, в которой стратегии разного уровня имеют взаимное влияние. Стратегии более низкого уровня не должны противоречить стратегиям более высокого уровня, а, напротив, должны быть направлены на реализацию приоритетов более высокого уровня. В региональном аспекте В.Л. Квинт комментирует данный вопрос следующим образом: «региональная стратегия призвана реализовывать интересы населения страны и приоритеты национальной значимости, локализованные в данном регионе»¹⁷³, а также, что «региональные стратегии способствуют повышению эффективности разработки и степени реализации как локальных (городских, муниципальных), так и корпоративных стратегий всех хозяйствующих объектов (вне зависимости от их формы собственности), связанных с деятельностью данного региона»¹⁷⁴.

Другим принципиально важным пунктом является понимание взаимосвязи процессов прогнозирования, стратегирования и планирования, которые зачастую ошибочно используют в качестве контекстуальных синонимов, а не сущностно отличающихся взаимоувязанных процессов.

---

¹⁷³ Квинт В.Л. Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России // Экономика промышленности/Russian Journal of Industrial Economics. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 290–299.

¹⁷⁴ Там же

Прогнозирование представляет собой синтез интуиции и математически обоснованных или экспертно подтвержденных представлений о будущем состоянии среды, а конечным продуктом этого процесса является развернутый прогноз. Для стратегов же важно проводить обзор и анализ тенденций различного уровня, отраслевых и региональных трендов, анализ внешней и внутренней среды объекта стратегирования в увязке с выявленными трендами с учетом детерминирующего фактора времени, что позволяет по результатам сформировать актуальный специфический прогноз для конкретного объекта стратегирования, который в свою очередь уже является отправной точкой для первоочередных документов стратегии. Следующий после этапа стратегирования – это этап планирования, представляющий собой разработку планов реализации стратегии и содержащий акценты на управленческой составляющей. Таким образом, в процесс регионального стратегирования должны включаться рассмотрение и анализ глобальных, отраслевых и региональных трендов (при этом необходимо рассматривать тренды не только экономического характера, но и политические, культурные, демографические и иные), определять взаимосвязи с движением рынков и динамикой региональных производств, учитывая тенденции на субрегиональном уровне, при этом включая в анализ факторные ограничения, накладываемые как внешней, так и внутренней средой с учетом детерминирующего фактора времени. Важно обратить внимание на роль природных ресурсов – они являются одним из ключевых факторов ограничения в анализе внешней среды (их доступность и возможность их использования в контексте экологических ограничений). Однако с точки зрения стратегирования развития регионов ресурсного типа, для которых природные ресурсы будут являться внутренней средой, ресурсы не будут являться главенствующим фактором ограничения, так как в первую очередь потребуется рассматривать технические и научные компетенции, а также материально-техническую базу и инфраструктуру.

Для сканирования внешней и внутренней среды и последующей подготовки специфического прогноза объекта стратегирования методологией

стратегирования предусмотрен OTSW-анализ. Данный инструмент позиционно совпадает с широко распространенным инструментом – SWOT-анализом, в котором анализируются сильные стороны (strengths), слабые стороны (weaknesses), возможности (opportunities) и угрозы (threats), однако предполагает, что с точки зрения стратегического видения более корректно и эффективно начинать анализ не с внутренней, а с внешней среды¹⁷⁵. Однако, помимо этого, использование OTSW-анализа с изучением логики и практики его применения способно подтвердить важность каждого из рассматриваемых элементов с учетом фактора времени и таким образом избежать критики, которой регулярно подвергается SWOT-анализ как в русскоязычной¹⁷⁶, так и в англоязычной литературе¹⁷⁷. SWOT-анализ критикуется за излишнюю простоту, за отсутствие четких критериев определения слабых и сильных стороны, за применимость исключительно в качестве наглядной модели, не способной быть полезной в бизнесе. Отчасти эти замечания справедливы, так как, например, в близкой по логике и содержанию модели SVOR (сильные стороны (strengths), уязвимости (vulnerabilities), возможности (opportunities), риски (risks)) есть такое же разделение на внутреннюю и внешнюю среду, однако помимо этого вводятся математические зависимости между элементами, а также предусматриваются ограничения по срокам, стоимости и качеству. Однако этот метод удобен в проектном управлении, но не слишком подходит для стратегических исследований ввиду более сложных взаимосвязей внутри рассматриваемых систем и большого количества детерминант различной природы. OTSW-анализ в свою очередь позволяет покрыть весь спектр факторов внешней и внутренней среды, влияющих на объект стратегирования с учетом ключевого фактора времени, предусмотреть влияние политического, культурного, регуляторного, демографического и

---

¹⁷⁵ Kvint V. *Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications*. New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2016. 519 p.

¹⁷⁶ Маленков Ю.А. Развитие российских методов стратегического анализа и целесообразность замены SWOT-модели // *Экономическое возрождение России*. – 2023. – № 1(75). – С. 24-34.

¹⁷⁷ Meyer C., Cohen D., Nair S. Swatting at SWOT // *Academy of Management Proceedings*. – Briarcliff Manor, NY 10510: Academy of Management, 2016. – Т. 2016. – № 1. – P. 17447.

иных контекстов и подготовить почву для определения интересов и приоритетов объекта стратегирования. Суть в том, что OTSW (во многом, как и его прообраз SWOT) не дает готовых ответов, которые зачастую требует бизнес, но позволяет дать оценку факторам различной природы, систематизировать представления об окружении объекта стратегирования и обоснованно сформулировать первоочередные документы стратегии, то есть OTSW-анализ – это шаг процесса, а не его завершение.

На следующем этапе разрабатывается миссия – первый практический документ стратегии. «Всего в нескольких предложениях должно быть сформулировано, в какой сфере функционирует объект, в каком регионе, причины создания, а также обоснованность существования объекта, то есть чем данный объект стратегии уникален и ценен для потребителя»¹⁷⁸. То есть миссия определяется как «долгосрочный, ориентированный на внешний мир документ, который должен содержать в себе ответы на следующие вопросы: причины и обоснованность разработки и реализации данной стратегии, краткое описание идей, послание обществу, объяснение уникальности и как объект стратегии будет удовлетворять интересы и потребности общества в глобальном, региональном или местном масштабе»¹⁷⁹.

После формулирования миссии должно быть сформулировано стратегическое видение – квинтэссенция стратегии, в процессе анализа и осмысления которой формируется представление о ценностях, интересах и приоритетах объекта стратегирования. При этом ценности и интересы являются динамическими категориями, способными меняться в будущих периодах в зависимости от различных трансформаций общества, о чем в совместной статье, посвященной вопросам качества жизни и ценностей в национальных стратегиях, указывают В.Л. Квинт и В.В. Окрепилов¹⁸⁰.

---

¹⁷⁸ Квинт В.Л. Концепция стратегирования. Т.1. – СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2022. – С. 61.

¹⁷⁹ Квинт В.Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке // М.: Бизнес Атлас. – 2012. – С. 389.

¹⁸⁰ Квинт В.Л., Окрепилов В.В. Качество жизни и ценности в национальных стратегиях развития // Вестник Российской академии наук. – 2014. – Т. 84. – № 5. – С. 412-425.

Качество жизни и его философский базис, восходящий к трудам Аристотеля и введенной им категории «хорошая жизнь», являются связующим звеном между интересами и ценностями, консолидирующимися в приоритеты, в которых должен проявляться практический смысл стратегии. При этом видение не предполагает количественных оценок, так как эти оценки относятся к более поздним этапам стратегирования.

Для того, чтобы стратегический приоритет был реализован необходимо наличие конкурентных преимуществ. В отсутствие конкурентных преимуществ возможна попытка их создания или приобретения, однако ввиду главенствующего фактора времени, стратегу необходимо принимать решение о целесообразности подобных действий или выборе альтернативных приоритетов, подкрепленных конкурентными преимуществами. В части реализации приоритетов В.Л. Квинт отмечает, что «в повестку Первого периода внедрения стратегии включаются только и исключительно приоритеты, обеспеченные эффективно осуществимыми инновационными, уникальными конкурентными преимуществами. Также в течение Первого периода финансируется создание новых или восстановление ранее утраченных конкурентных преимуществ и осуществляется подготовка высококвалифицированных узкоспециализированных кадров для реализации приоритетов следующих периодов реализации стратегии»¹⁸¹. Важность конкурентных преимуществ восходит к трудам М. Портера¹⁸².

Детализация приоритетов и их качественная ориентация производится на этапе целеполагания. Под каждую стратегическую цель разрабатывается целевая программа, в которой формулируются задачи, обеспеченные ресурсами, взаимосвязанные по времени и носящие количественный характер.

После подготовки вышеуказанных документов методология стратегирования предполагает разработку, как минимум, трех возможных

---

¹⁸¹ Квинт В.Л. Концепция стратегирования. Т.1. – СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2022. – С. 64.

¹⁸² Porter M.E. Competitive advantage of nations: creating and sustaining superior performance. – Simon and Schuster, 2011.

альтернативных сценариев, направленных на реализацию приоритетов посредством достижения целей и задач. Для каждого из сценариев, предусматривающих различные условия, должен быть разработан тактический блок, который, как правило, состоит из трех возможных вариантов тактики для каждого из возможных стратегических сценариев. Лишь после этого можно переходить к планированию, то есть разработке стратегического плана реализации разработанной стратегии.

Таким образом общая схема разработки стратегии развития региона (детализация для ресурсоориентированного региона) выглядит следующим образом (Рисунок 1).

Универсализм методологии стратегирования позволяет применять ее на самых разных уровнях и для самых разных объектов стратегирования. Так, современную систему научных представлений о теории и практике стратегии и методологии стратегирования формируют работы И.В. Новиковой, посвященные стратегированию трудовых ресурсов^{183, 184}. Данное направление исследований представляет значительный научный и практический интерес, так как трудовые ресурсы являются одним из ключевых факторов при разработке стратегий. Другим направлением стратегических исследований является стратегирование в финансовой сфере, изучаемое и развиваемое в работах Р.А. Мусаева¹⁸⁵, М.К. Алимурادова^{186, 187} и М.К. Хабековой¹⁸⁸. Сфера финансов может рассматриваться не только как подсистема в разрабатываемой стратегии, но и как отдельное направление стратегирования.

---

¹⁸³ Новикова И.В. Стратегирование развития трудовых ресурсов: основные элементы и этапы // Стратегирование: теория и практика. – 2021. – Т. 1. – № 1. – С. 57–65.

¹⁸⁴ Новикова И.В. Стратегическое управление трудовыми ресурсами предприятия // Экономика промышленности. – 2018. – № 4. – С. 318–326.

¹⁸⁵ Мусаев Р.А., Панкратов А.А., Астапов К.Л. Кластерный подход к стратегическому планированию на региональном уровне в Российской Федерации // Управленческое консультирование. – 2020. – №. 11 (143). – С. 99–118.

¹⁸⁶ Алимуратов М.К. Элементы и этапы разработки региональных финансовых стратегий // Стратегирование: теория и практика. – 2022. – Т. 2. – № 2. – С. 199–211.

¹⁸⁷ Алимуратов М.К., Новицкая А.М. Стратегические источники финансирования деятельности компании // Стратегирование: теория и практика. – 2023. – Т. 3. – № 1. – С. 97–107.

¹⁸⁸ Хабекова М.К. Стратегирование развития и реализации финансовых технологий в национальных инновационных системах // Управленческое консультирование. – 2022. – № 6. – С. 88–97.

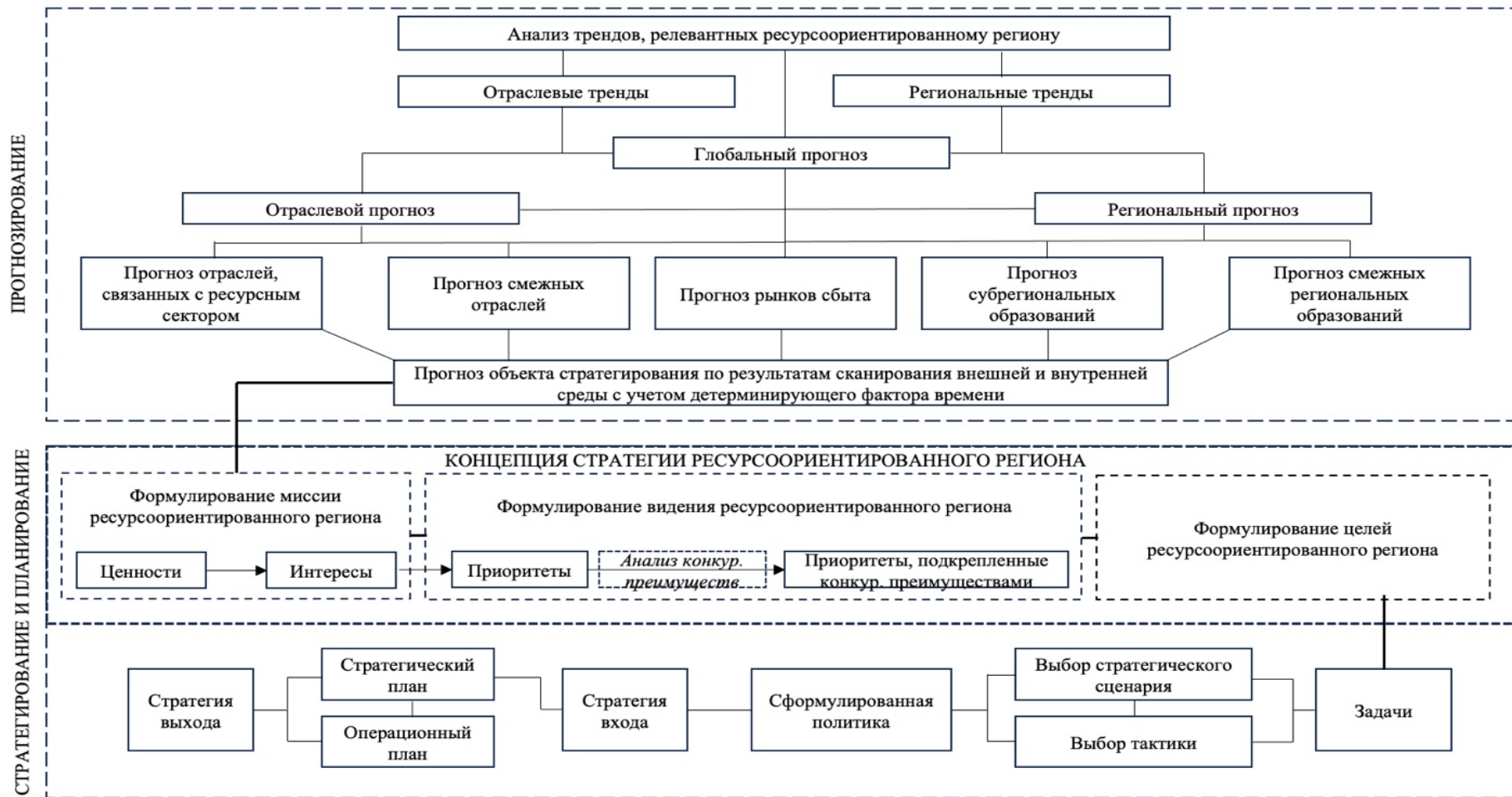

Рисунок 1 – Этапы разработки стратегии развития ресурсоориентированного региона

Источник: составлено автором на основе материалов (Квинт В.Л. Концепция стратегирования. Т.1. – СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2022. – 132 с.: ил. – (Библиотека стратега)).

Исследованиям отраслевого стратегирования посвящены труды Н.И. Сасаева^{189, 190}, касающиеся вопросов развития газовой отрасли, И.З. Чхотуа^{191, 192}, затрагивающие вопросы развития отрасли туризма, А.В. Садовничей^{193, 194}, занимающейся вопросами развития выставочно-ярмарочной деятельности, и А.С. Хворостяной¹⁹⁵, развивающей идеи стратегирования отраслей легкой промышленности и индустрии моды. Каждая из этих отраслей имеют свою специфику, особенности и закономерности развития, движущие силы и структуру конкуренции, однако методология стратегирования позволяет анализировать столь разные отрасли по общей универсальной схеме, не упуская отличительные особенности. Комплексный анализ теории и практики стратегирования, методологии стратегирования в системе научного знания, актуальных разработок и перспектив развития в различных разрезах представлен в исследованиях А.А. Козырева^{196, 197, 198}.

Особое место в системе стратегических исследований занимает региональное стратегирование – для Российской Федерации это принципиально важное направление ввиду особенностей территориального

---

¹⁸⁹ Сасаев Н.И. Первичная оценка эффективности отраслевых стратегических приоритетов (на примере дальневосточной газовой отрасли) // Экономический анализ: теория и практика. 2023. – Т. 22. – № 5(536). – С. 829–845.

¹⁹⁰ Сасаев Н.И. Роль отраслевого стратегирования в период постнормальности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 3 (135). – С. 107–110.

¹⁹¹ Чхотуа И.З., Мурадов А.А. Глобальные и национальные тренды развития туризма в современных условиях // Стратегирование: теория и практика. – 2023. – Т. 3. – № 2. – С. 207–217.

¹⁹² Чхотуа И.З. Стратегические приоритеты развития горнолыжного туризма в мире и России // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 2(72). – С. 123–136.

¹⁹³ Садовничая А.В. Общественная и экономическая эффективность выставочно-ярмарочной деятельности: методология и практика // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1(59). – С. 76–85.

¹⁹⁴ Чхотуа И.З., Садовничая А.В. Трансграничность как стратегический фактор развития туризма и выставочно-ярмарочной деятельности на Дальнем Востоке России // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 2 (76). – С. 119–134.

¹⁹⁵ Khvorostyanaya A. S. Strategizing the sovereignty of domestic brands of light industry and the fashion industry // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 1 (75). – P. 149–162.

¹⁹⁶ Козырев А.А. Исследуя методологические основы стратегирования социально-экономического развития // Экономика промышленности/ Russian Journal of Industrial Economics. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 434–447.

¹⁹⁷ Козырев А.А. Концептуальная схема исследований теории и методологии стратегии // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 2 (72). – С. 110–122.

¹⁹⁸ Козырев А.А. Регионально-отраслевое стратегирование экономического и социального развития // Теория и практика стратегирования: Сборник избранных научных статей и материалов IV Международной научно-практической конференции, Москва, 18 февраля 2021 года. – Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Издательский Дом (типография), 2021. – С. 78–85.

устройства и дифференциации экономического развития различных территорий. Например, изучением особенностей стратегирования развития дотационных регионов на материалах Кабардино-Балкарской республики занимался А.З. Мидов¹⁹⁹. Развитию малых и средних городов посвящено множество работ С.Н. Растворцевой и И.В. Манаевой^{200, 201}. Изучению особенностей развития региональных социально-экономических систем и, в частности, в контексте цифровизации посвящены исследования Д.М. Журавлева и В.К. Чаадаева^{202, 203}, вопросам регионального аспекта цифрового развития и в целом развития региональных систем посвящены работы Л.И. Власюк^{204, 205}. Вопросы устойчивости (резилиентности) экономических систем²⁰⁶, а также создания и управления инновационными системами региона²⁰⁷ рассматриваются в

Являясь комплексным подходом, стратегирование, в том числе региональное, позволяет рассматривать и агрегировать гетерогенные факторы, предложенные и обоснованные экономической теорией, проводить их анализ сквозь призму OTSW с учетом детерминирующего фактора времени. Подобный кросс-парадигмальный подход позволяет охватывать максимально широкий спектр драйверов и детерминант социально-экономического развития, с учетом правил стратегического мышления, предметных глубоких знаний и интуиции определить их возможные механизмы влияния и на этой

¹⁹⁹ Мидов А.З. Стратегирование выхода региона из дотационного экономического состояния на примере Кабардино-Балкарской Республики // Стратегирование: теория и практика. – 2022. – Т. 2. – № 3. – С. 334–345.

²⁰⁰ Manaeva I., Rastvortseva S., Kanishcheva A. Evaluation of interrelatedness of cities in the territorial space of Russia // Journal of Economic Structures. – 2022. – Т. 11. – № 1. – P. 1–18.

²⁰¹ Растворцева С.Н., Манаева И.В. Тенденции и факторы современного развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15. – № 2. – С. 110–127.

²⁰² Журавлев Д.М., Чаадаев В.К. Моделирование процессов сложной социально-экономической системы при выборе стратегических приоритетов развития // Стратегирование: теория и практика. – 2023. – Т. 3. – № 1. – С. 1–20.

²⁰³ Журавлев Д.М., Троценко А.Н., Чаадаев В.К. Методология и инструментарий стратегирования социально-экономического развития региона // Экономика промышленности. – 2022. – № 2. – С. 131–142.

²⁰⁴ Власюк Л.И. Цифровое неравенство российских регионов: стратегические возможности и угрозы // Экономика промышленности. – 2023. – Т. 16. – № 1. – С. 59–68.

²⁰⁵ Власюк Л.И., Сиземов Д.Н., Дмитриева О.В. Стратегические приоритеты цифровой трансформации угольной отрасли Кузбасса // Экономика промышленности. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 328–338.

²⁰⁶ Гамидуллаева Л.А. Региональная экономическая устойчивость: библиометрический анализ исследований // π-Есопоту. – 2024. – Т. 17. – № 1. – С. 70–87.

²⁰⁷ Гамидуллаева Л.А. Подходы к управлению инновационной системой региона // Теоретическая и прикладная экономика. – 2018. – № 3. – С. 22–35.

основе четко определить стратегические приоритеты и проанализировать их эффективность и периодизацию с учетом наличия/необходимости создания обеспечивающих их конкурентных преимуществ, чтобы впоследствии сформировать цели и задачи и завершить все этапы разработки стратегии.

Обобщенный вид представлений экономических школ о детерминантах социально-экономического развития регионов, которые были рассмотрены в параграфе 1.1, и их взаимосвязи с теорией стратегии и методологией стратегирования представлены в таблице (Таблица 3).

Таблица 3 – Стратегические аспекты различных подходов к анализу социально-экономического развития регионов

Автор	Ключевые положения, релевантные методологии стратегирования
<i>1. Модели размещения и организации пространства</i>	
И. Тюнен	Учет фактора расстояния и в целом пространственных факторов при анализе внутренней среды и выявлении конкурентных преимуществ с точки зрения логистики, а также при проведении OTSW-анализа.
В. Лаунхардт	Использование оптимизационных методов для решения стратегических задач (В. Лаунхардт использовал данную логику для минимизации транспортных затрат в условиях трех точек).
А. Вебер	Учет факторов трудовых ресурсов и агломерационных/дегломерационных сил. Подобные факторы играют важную роль в процессе стратегирования, в частности на этапе анализа внутренней среды и существенно влияют на определение конкурентных преимуществ объекта стратегирования.
В. Кристаллер	Различные типы организации пространства (рыночный, административный и транспортный), которые необходимо учитывать при анализе внутренней среды, а также при проведении OTSW-анализа.
А. Лёш	Учет неравномерности расселения в пространстве и дифференциация рыночных зон, а также учет факторов различной природы, влияющих на размер рыночных зон (плотность населения, география, культурные особенности, климат, экономическая политика и т.д.). Данный подход в целом отражает необходимость учета факторов различной природы, что крайне актуально для стратегирования, так как каждый объект представляет собой уникальное сочетание отличительных особенностей.
<i>2. Модели экспортирующего региона</i>	
Х. Хойт	Регион в отличие от государства не обладает полным спектром ресурсов, в связи с чем должен специализироваться на производстве отдельных товаров, а не на полном спектре товаров, на который в регионе может предъявляться спрос. В теории стратегии и методологии стратегирования также постулируется, что в условиях ограниченности ресурсов их использование должно быть эффективным и обусловленным стратегическими приоритетами (неэффективное использование ресурсов приводит к невозможности реализации стратегических приоритетов). Также автор акцентирует внимание на трудовых ресурсах (занятость в базовом секторе и секторе услуг), исследование которых является одним из важнейших этапов анализа внутренней среды.
Э. Тируолл	Необходимость стимулирования экспортно-ориентированных отраслей, доход от которых используется для удовлетворения внутрорегионального спроса на импортные товары (с точки зрения региона). Подобный тезис подтверждает предусмотренную в методологии стратегирования взаимосвязь объекта стратегирования с внешней средой и необходимостью поиска оптимальных механизмов взаимодействия с внешней средой, а также подчеркивает важность участия органов управления в стимулировании экспортно-ориентированных отраслей, что неразрывно связано с использованием/созданием конкурентных преимуществ.

<i>3. Кейнсианские модели</i>	
Р. Харрод Е. Домар Ч. Тибу Д. Норт и др.	Данный класс моделей предусматривает выявление мультипликативных эффектов от увеличения совокупного потребления, инвестиций, государственных расходов и чистого экспорта (при усложнении моделей вводятся дополнительные условия институционального характера и межпериодные зависимости). Понимание ключевых триггеров экономического развития конкретно взятого региона на основании величины мультипликатора позволяет формализовать конкурентные преимущества региона, определить их природу, сформировать и использовать механизмы влияния, в том числе в рамках различных стратегических сценариев. Одну из ключевых ролей в подобных моделях играют инвестиции, за счет которых могут создаваться/приумножаться конкурентные преимущества объекта стратегирования.
<i>4. Неоклассические модели</i>	
Р. Солоу Д. Борте Д. Стейн П. Ромер и др.	Данный класс моделей позволяет анализировать роль принципиально важных в вопросах стратегирования ресурсов (труд и капитал) в региональном развитии. Крайне важным является внедрение в неоклассические модели фактора технического прогресса, который является отправной точкой для создания конкурентных преимуществ и базой для проведения стратегии «новых горизонтов».
<i>5. Теория полюсов роста</i>	
Ф. Перру Ж. Будвиль и др.	Категориальный аппарат теории полюсов роста очень удобен для применения в стратегировании в процессе мониторинга внутренней и внешней среды и позволяет дифференцировать отрасли по степени развития внутри региона, а также определять те отрасли, которые способны мультиплицировать развитие смежных отраслей.
<i>6. Теория кумулятивного роста</i>	
Г. Мюрдаль и др.	Идеи, лежащие в основе концепции взаимной и кумулятивной обусловленности и теории кумулятивного роста, полезны для стратегирования, так как предполагают, что незначительные конкурентные преимущества могут быть развиты и приумножены на базе специализации и эффекта от масштаба. Данные предположения позволяют расширить диапазон потенциально «прорывных» отраслей в регионе, которые при первом рассмотрении могут располагать меньшим набором преимуществ и в этой связи не быть включены в состав приоритетов.
<i>7. Новая экономическая география</i>	
П. Кругман и др.	Спектр идей и предположений, которые могут быть полезны с точки зрения регионального стратегирования, очень широк, однако ключевыми из них являются: <ul style="list-style-type: none"> – повышение роли микроэкономических механизмов, определяющих процессы обмена товарами, мобильность факторов производства и работу рынков (данный тезис особо подчеркивает необходимость учета иерархичности стратегии); – рассмотрение сил, действующих в регионе, как со стороны спроса, так и со стороны предложения; – повышенная значимость вопроса пространства. Обобщить эти предпосылки можно повышенной степенью «реализма» по сравнению с рядом классических экономических теорий, что релевантно и стратегированию, в котором должны учитываться именно «реальные» условия и предпосылки, доподлинно отражающие истинную картину мира, в противном случае стратегирование приведет к нереалистичным выводам.

Источник: Герелишин Р.И. Применение методологии стратегирования на региональном уровне: возможности и преимущества // Управленческое консультирование. – 2023. – № 4. – С. 93–107.

Важно отметить, что указанные положения – это лишь малая часть теорий, так как исследование взаимосвязи методологии стратегирования с любым из направлений экономической теории может быть предметом отдельного исследования.

Представленные в параграфе 1.2 подходы и теории о развитии экономических систем ресурсного типа также проанализированы на предмет взаимосвязи и релевантности методологии стратегирования (Таблица 4).

Таблица 4 – Ключевые положения из экономической теории в области ресурсных стран и регионов и их релевантность методологии стратегирования

Идеи и положения экономической теории в области ресурсных стран и регионов	Релевантность положений методологии стратегирования и их интерпретация
<i>Р. Пребиш, Х. Зингер</i>	
<p>1. Более низкие темпы роста в странах, специализирующихся на сырьевом секторе, чем в промышленно развитых странах.</p> <p>2. Снижение доли сырьевых производств в структуре ВВП в силу технического прогресса.</p>	<p>Технологичные производства создают более высокую добавочную стоимость (большой ВВП/ВРП), в связи с чем с точки зрения методологии стратегирования (далее по тексту таблицы – МС) принципиально важно как стимулировать технологическое развитие в ресурсном секторе, так и обеспечивать трансфер технологий между отраслями.</p>
<i>П. Дасгупта, Р. Иствуд, Дж. Хилл</i>	
<p>Необходимость оптимального распределения между экспортом ресурсов за рубеж и потреблением внутри страны.</p>	<p>Это положение может быть интерпретировано как один из важнейших для ресурсоориентированных стран/регионов вопрос «Каким образом использовать полученные доходы?». Этот вопрос является ключевым с точки зрения реализации/утраты конкурентного преимущества. Помимо этого, важен сам факт использования оптимизационных методов, так как МС строится на оптимизации использования ограниченных ресурсов.</p>
<i>М. Бруно, Дж. Сакс</i>	
<p>Полная теоретическая модель должна учитывать целый ряд факторов (примеры авторов: специфичность краткосрочного капитала, мобильность долгосрочного капитала между секторами, международная мобильность капитала, дальновидность поведения фирм и домохозяйств).</p>	<p>МС предполагает использование максимально возможного количества факторов, которое может быть корректно интерпретировано, так как все элементы стратеглируемых систем взаимосвязаны и взаимообусловлены.</p>
<i>П. Кругман</i>	
<p>Автором представлена модель торговли, в которой конкурентные преимущества развиваются со временем за счет «обучения в процессе деятельности» и предполагается возрастающая отдача от масштаба.</p>	<p>Возможность накопления знаний и их передачи – принципиальная задача на каждом уровне управления, которая должна быть включена в каждую разрабатываемую стратегию. Для ресурсных регионов данная задача важна в не меньшей степени, так как это позволяет не только развивать ресурсные отрасли и сильнее интегрировать их в производственно-экономические цепочки, но и способствует развитию смежных отраслей. Важно отметить, что «Новая экономическая география» в целом является крайне содержательной областью знаний и предлагает множество идей, полезных для использования в МС.</p>
<i>Ж-Ф. Стийнс</i>	
<p>Природные ресурсы сами по себе не имеют значительного влияния на темпы экономического роста, а наибольшую важность представляет то, каким образом страны используют природные</p>	<p>Неправильное использование конкурентного преимущества ведет не только к невозможности реализации стратегических приоритетов, но и приводит к негативным последствиям для экономики в целом. В этой связи с точки зрения МС необходимо задумываться о порядке реализации стратегических приоритетов на базе всестороннего OTSW-</p>

ресурсы (корреляция с выводами П. Дасгупты, Р. Иствуда и Дж. Хилла)	анализа и о том, как именно имеющиеся конкурентные преимущества будут обеспечивать их достижение.
<i>Х. Мехлум, К. Моэне, Р. Торвик</i>	
Сочетание избытка ресурсов и институтов, способствующих политике присвоения (рентоориентированному поведению), негативно влияет на экономический рост, в то время как институты, способствующие развитию производственного сектора, позволяют богатым ресурсами странам использовать весь их потенциал и реализовать собственные конкурентные преимущества.	Рентоориентированное поведение является проявлением инерционного мышления, которое является главным врагом стратегического мышления. Создание институциональной среды, сдерживающей возможности рентоориентированного поведения – один из шагов в достижении стратегических целей как на уровне государства, так и на уровне отдельных регионов и субрегиональных образований.

Источник: Герелишин Р.И. Стратегирование экономического развития в ресурсных странах и регионах: теоретическое осмысление // Экономическое возрождение России. 2023. № 3(77). С. 104–118.

Представленные в таблицах комментарии подтверждают, что методология стратегирования позволяет учесть факторы различной природы, интерпретировать их влияние сквозь призму возможностей, угроз и конкурентных преимуществ, а также функций реакции внутренней среды на возмущения внешней. В совокупности с философским базисом, определяющим первоочередную значимость человека и его интересов, подобные междисциплинарность и кросс-парадигмальность способствуют не только научной значимости, но и утилитарности стратегии как науки. При этом широта взглядов в различных направлениях экономической теории позволяет продолжать исследования с целью расширения факторов, которые могут быть имплементированными в методологию стратегирования.

ГЛАВА II. РЕСУРСООРИЕНТИРОВАННЫЕ РЕГИОНЫ: ДЕФИНИЦИЯ, АЛГОРИТМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СТРАТЕГИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

2.1. Определение группы ресурсоориентированных регионов Российской Федерации на базе отраслевой структуры

Одной из отличительных особенностей государств с федеративным устройством является то, что их экономический рост производится на уровне регионов, С.Д. Бодрунов отмечает, что «будет региональный рост – будет и развитие страны в целом»²⁰⁸. Однако региональный уровень может представлять как однородное пространство, в котором межрегиональные диспропорции по уровню социально-экономического развития, качеству жизни, инновационному потенциалу и иным метрикам минимальны, так и неоднородное. При этом характер межрегиональных диспропорций не статичен – он постоянно меняется за счет мер, принимаемых как на национальном, так и на региональном уровне, и определяется как конвергенция (сближение, отражающее снижение региональных диспропорций) или дивергенция (обратный процесс, отражающий нарастание региональных диспропорций). Изучению природы данных явлений и возможностям управления этими процессами посвящены работы ведущих российских экономистов в области региональных исследований Н.В. Зубаревич²⁰⁹, А.В. Кузнецова и О.В. Кузнецовой²¹⁰.

---

²⁰⁸ Бодрунов С.Д. Территории опережающего развития-важнейшее условие экономического роста России (на примере Уральского региона) // Управленец. – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 2–7.

²⁰⁹ Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Региональное неравенство в крупных постсоветских странах // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2011. – № 1. – С. 17–30.

²¹⁰ Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии. Под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015, 137 с.

Региональный уровень характеризуется комплексом различных метрик, среди которых можно выделить:

– макро- и мезоэкономические. Данные метрики среди прочего включают валовый региональный продукт (а также его отраслевую структуру и динамику), уровень безработицы в различных разрезах (отраслевом, половозрастном, профессиональном, привязанном к уровню образования и т.д.), динамику уровня цен (индексы потребительских цен, индексы цен производителей, индексы физического объема), уровень бюджетной обеспеченности и структуру налоговых и неналоговых поступлений регионального и местных бюджетов, структуру экспорта и импорта, уровень инвестиций;

– демографические. Данные показатели отражают половозрастную структуру, темпы рождаемости и смертности, характеризующие естественный прирост, миграционные потоки;

– географические. Эти показатели показывают наличие природно-ресурсного потенциала, наличие выходов к морям, наличие территорий, пригодных для сельского хозяйства, возможности и потенциал развития туристических кластеров (с географической точки зрения), возможности использования речного транспорта, климатические условия, определяющие характер видов деятельности, близость к государственным границам (возможности торговли и вопросы обеспечения безопасности);

– инфраструктурно-логистические. Эти показатели отражают текущий уровень развития транспортных сетей (автомобильные, речные, железнодорожные транспортные сети, а также авиасообщение), а также необходимость и потенциал их создания/совершенствования;

– институциональные. Данный комплекс мер характеризует институциональную среду региона, характеризующую эффективность взаимодействия региональных подсистем. Одним из примеров является инновационный потенциал региона, определяющий условия и возможности

для осуществления инновационной деятельности, привлекательность для инвестирования в инновационную сферу и возможности имплементации и тиражирования разработок и решений. Исследованиям роли инноваций и знаний в целом в динамично изменяющейся внешней среде посвящены работы С.Д. Бодрунова²¹¹, изучению вопросов инновационного развития в региональном разрезе на базе формирования соответствующих рейтингов посвящены работы А.К. Герелишиной^{212, 213}.

Помимо этого, регионы дифференцируются по степени технологического развития (доля высокотехнологичной продукции в структуре производства), по культурным особенностям (характеризуют особенности ведения бизнеса и создают потенциал для развития туризма) и ряду иных особенностей. Эти и иные метрики, характеризующие отличительные особенности региона, играют важную роль с точки зрения методологии стратегирования. В общем виде функции этих метрик во взаимосвязи с методологией стратегирования могут быть обобщены следующим образом (Таблица 5).

Таблица 5 – Применение количественных и качественных региональных метрик в процессах стратегирования

Функции количественных и качественных метрик, характеризующих регионы	Применение в процессах стратегирования
Использование в качестве базы для проведения моно- или поликритериальной типологизации	Необходимо на этапе разработки концептуальной модели стратегирования развития определенных типов регионов для выявления общих закономерностей развития и характера протекающих в них процессов, а также изучения опыта успешно реализованных стратегий регионов, отнесенных к одному типу в рамках проведенной типологизации.
Формирование уникального портрета региона	Необходимо:

²¹¹ Бодрунов С.Д. Общая теория ноономики. М.: Культурная революция, 2019. 504 с.

²¹² Герелишина А.К. Методология формирования инновационного рейтинга регионов России // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2022. – Т. 19. – № 1 (121). – С. 62–71.

²¹³ Жихарева А.К. Инновационные рейтинги российских регионов: методологические особенности их формирования и практика применения // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2020. – № 2. – С. 121–136.

	<ul style="list-style-type: none"> – на этапе анализа релевантности выявленных трендов (глобальных, отраслевых, региональных и иных) объекту стратегирования; – на этапе анализа внутренней среды региона для определения интересов, приоритетов (в том числе при определении конкурентных преимуществ, необходимых для реализации приоритета), целей и задач, а также формулирования первоочередных документов стратегии.
Использование для проведения межрегиональных сравнений как в пространстве, так и во времени	Необходимо: <ul style="list-style-type: none"> – на этапе проведения анализа внешней среды; – на этапе стратегического мониторинга.

Источник: Герелишин Р.И. Определение группы ресурсоориентированных регионов в системе разработки концепции стратегии регионального развития // Экономика промышленности/Russian Journal of Industrial Economics. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 194–205.

В Российской Федерации ввиду исторически сложившейся структуры производства, обусловленной одним из самых мощных природно-ресурсных потенциалов в мире, особую значимость имеют регионы, на территории которых сконцентрированы природные ресурсы – одно из основополагающих конкурентных преимуществ. Однако, как было показано в параграфе 2 главы 1 настоящего диссертационного исследования, наличие природных ресурсов может приводить к ситуации «ресурсного проклятия» – в таком случае природные ресурсы могут представлять собой не драйвер экономического роста, а, наоборот, сдерживающий фактор. Неэффективное использование природно-ресурсного потенциала в силу различных причин способно приводить к консервативной модели производства, при которой фактически пропульсивная отрасль не дает импульса для развития смежных отраслей, не продуцирует технологии, обладающие потенциалом пенетрации, делает национальную экономику уязвимой от изменения мировой конъюнктуры. С учетом того, что региональная стратегия «призвана реализовывать интересы населения страны и приоритеты национальной значимости, локализованные в данном регионе»²¹⁴, вопрос разработки и эффективной реализации стратегий в регионах с мощным природно-ресурсным потенциалом и ориентированных на

²¹⁴ *Квинт В.Л.* Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России // Экономика промышленности/Russian Journal of Industrial Economics. – 2020. – Т. 13. – №. 3. – С. 290-299.

вид деятельности «добыча полезных ископаемых» (в настоящем исследовании под ресурсами понимаются именно те ресурсы, которые относятся к виду деятельности «Добыча полезных ископаемых», однако потенциально исследование можно расширять и на природные ресурсы в более широком смысле). становится принципиально важным также и с позиции национальной экономики. Разработка подобных стратегий должна начинаться с разработки концептуальной модели, которая, в свою очередь, должна предваряться выделением группы подобных регионов из всех региональных систем.

Изучению вопросов типологизации регионов на базе различных критериев посвящено большое количество работ в отечественной и зарубежной научной литературе. Значительный вклад в изучение региональной экономики, в том числе в вопросы типологизации регионов внесен академиком А.Г. Гранбергом^{215, 216} и академиком А.Г. Аганбегяном^{217, 218}.

Изучению типологизаций также посвящены работы В.Е. Шувалова²¹⁹, вопросы критериев классификации регионов рассматриваются в работах Л.И. Власюк и О.В. Деминой²²⁰, коллектива авторов Института экономики Уральского отделения РАН²²¹.

В более узком вопросе классификации ресурсных регионов также существует множество различных подходов – результаты анализа

²¹⁵ Гранберг А.Г., Суслов В.И., Суслицын С.А. Экономико-математические исследования многорегиональных систем // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 2. – С. 120–150.

²¹⁶ Гранберг А.Г. и др. Воздействие мирового кризиса на стратегию пространственного социально-экономического развития Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 4. – С. 69–101.

²¹⁷ Aganbegyan A. et al. Целевая направленность и системный подход к разработке концепции стратегии развития региона (Target Orientation and Systematic Approach to the Development of the Concept of the Regional Development Strategy) // Available at SSRN 3677906. – 2020.

²¹⁸ Аганбегян А.Г. Анализ и прогнозирование социально-экономического развития регионов (методические заметки) // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14. – № 4. – С. 15–28.

²¹⁹ Шувалов В.Е. Экономико-географическое районирование в контексте модернизации российского общества // Институциональная модернизация российской экономики: территориальный аспект. – 2004. – С. 172–187.

²²⁰ Власюк Л.И., Демина О.В. Эффективные регионы: критерии и классификация // Пространственная экономика. – 2012. – № 1. – С. 29–42.

²²¹ Региональные траектории социально-экономического развития / Г.П. Быстрой, А.В. Васильева, Е.В. Васильева [и др.]. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2013. – 184 с. – ISBN 978-5-94646-444-4.

существующих подходов к определению группы ресурсных регионов представлены в следующей таблице (Таблица 6).

Таблица 6 – Подходы к типологизации ресурсных регионов

КРИТЕРИЙ	КОММЕНТАРИЙ
<i>Р. Ауту</i> ²²²	
8% ВВП и 40% экспорта из отраслей, связанных с добычей полезных ископаемых	*Автор рассматривал проблематику не на уровне регионов, а на уровне ресурсных экономик, однако для регионального аспекта ценен подход по идентификации ресурсной ориентации на базе доли в ВВП и экспорте – логически близкий подход будет использоваться в большом количестве последующих работ.
<i>В.П. Орлов</i> ²²³	
Доля добывающих отраслей минерально-сырьевого комплекса в продукции региона	Автор выделяет регионы: <ul style="list-style-type: none"> – с неразвитой горной промышленностью (<5%); – с развивающейся горной промышленностью (5–20%); – с развитой горной промышленностью (20–50%); – моноотраслевые горно-промышленные (>50%).
<i>Н.Н. Михеева</i> ²²⁴	
Доля добычи полезных ископаемых в структуре ВРП	Автор проводит анализ структурных сдвигов в экономиках ХМАО и ЯНАО, относящихся к «чистым» моделям ресурсодобывающих регионов с экспортной ориентацией. Анализируются риски и возможности в контексте модели стремительно развивающегося региона.
<i>А.О. Польшин</i> ²²⁵	
Соотношение регионального и среднероссийского значений стоимостной оценки минерально-сырьевой базы на душу населения (в рыночных ценах на день оценки)	Согласно автору, данное соотношение показывает уровень обеспеченности региона ресурсно-сырьевым потенциалом и является одним из ключевых факторов конкурентоспособности регионов.
<i>А.О. Польшин, И.В. Гришина</i> ²²⁶	
Доля суммарного объема производства по ВЭД «Добыча полезных ископаемых» и «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» в структуре ВРП региона составляет не менее 50%	Авторы классифицируют в одну группу «Энергоресурсные регионы» не только регионы с высокой долей добычи полезных ископаемых, но и регионы с высокой долей электроэнергетики. Другие группы в данной типологии: <ul style="list-style-type: none"> – «Постиндустриальные»; – «Аграрно-индустриальные»; – «Аграрно-полисервисные»;

²²² *Auty R.* Sustaining development in mineral economies: the resource curse thesis. – Routledge, 2002.

²²³ *Орлов В.П.* Минерально-сырьевой комплекс в долгосрочной стратегии развития экономики России // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2007. – № 2. – С. 3–5.

²²⁴ *Михеева Н.Н.* Двухсекторная модель развития ресурсодобывающих регионов // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 2. – С. 23–42.

²²⁵ *Польшин А.О.* Конкурентные возможности регионов. Методология исследования и пути ее повышения. – М.: КРАСАНД, 2010. – 208 с.

²²⁶ *Польшин А.О., Гришина И.В.* Методические подходы к построению типологии регионов для разработки стратегии пространственного развития России // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7, № 1. С. 29–41.

	<ul style="list-style-type: none"> – «Полисервисные»; – «Индустриально-ресурсооперерабатывающие»; – «Индустриально-диверсифицированные».
И.Н. Ильина²²⁷	
Доля добавленной стоимости от добычи полезных ископаемых в структуре ВРП более 30%	После определения регионов, в которых доля добавленной стоимости от добычи полезных ископаемых превышает 30% ВРП, автор проводит деление регионов на «нефтегазовые» и «прочие сырьевые» на основе статистических данных об объемах извлечения ресурсов, приходя к выводу о доминировании нефте- и газодобычи.
Коллектив авторов Сибирского отделения РАН (под редакцией академика В.В. Кулешова)²²⁸	
Применение методов иерархической кластеризации методом Варда на базе доли вида деятельности «добыча полезных ископаемых» в ВРП, доли занятых в МСК и объема отгруженной продукции МСК на душу населения	<p>Авторами выделено 3 кластера регионов:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Регионы с доминирующей ролью добычи полезных ископаемых. 2. Субъекты Федерации с высокой ролью ресурсного сектора. 3. Нересурсные регионы.
Е.С. Каган, Е.В. Гоосен²²⁹	
Отношение значения доли добывающих отраслей в ВРП региона к значению доли добывающих отраслей в ВВП по Российской Федерации	<p>Авторы используют данный коэффициент для обеспечения сравнимости показателей и выделяют 5 групп:</p> <ul style="list-style-type: none"> – монорегионы с максимальной ресурсной зависимостью (коэффициент >3); – ресурсные регионы с высокой ресурсной зависимостью (2 – 2,99); – регионы со средней ресурсной зависимостью (1 – 1,99); – ресурсные регионы со слабой ресурсной зависимостью (0,5 – 1); – нересурсные регионы (0,1 – 0,5).
П.В. Гуляев²³⁰	
Набор группировочных признаков на базе долей промышленности, добычи полезных ископаемых, сельского хозяйства и сферы услуг в структуре ВРП	<p>Автор приводит следующие границы (критерии) для определения ресурсных регионов:</p> <ul style="list-style-type: none"> – доля промышленности в структуре ВРП больше 40%; – доля добычи полезных ископаемых в структуре ВРП больше 20%; – доля сельского хозяйства в структуре ВРП меньше 10%; – доля сферы услуг в структуре ВРП меньше 50%.

²²⁷ Ильина И.Н. Перспективы развития сырьевых регионов РФ в документах стратегического планирования // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – № 2. – С. 83–102.

²²⁸ Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. акад. Кулешова В.В. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 204.

²²⁹ Каган Е.С., Гоосен Е.В. Ресурсные регионы: качественные и количественные критерии выделения // Научные технологии разработки и использования минеральных ресурсов. – 2017. – № 3. – С. 163–170.

²³⁰ Гуляев П.В. Типология ресурсных регионов // Современная научная мысль. – 2019. – № 1. – С. 170–176.

<i>М.В. Курбатова, С.Н. Левин, Е.С. Казан, Д.В. Кислицын</i> ²³¹	
Двухфакторный критерий, отражающий долю добычи полезных ископаемых в структуре ВРП и соотношение долей добывающей и обрабатывающей промышленности	После анализа статистических данных используется метод нечеткой классификации для типологизации регионов по шкале непрерывных величин.
<i>Дж. Т. Мюллер</i> ²³²	
Структура экономики в контексте природных ресурсов и степень экономического процветания	Автор предлагает выделять 6 «идеальных» типов регионов на базе развития ресурсного сектора (1. Связанного с добычей. 2. Не связанного с добычей. 3. Гибридного) и степени экономического процветания (высокая и низкая степень), разделяя отношение к ресурсам на специализацию и зависимость. На следующем этапе для каждого типа выделяются критерии экономического, социального, территориального, институционального, политического и иного характера для классификации.
<i>Подход USDA (United States Department of Agriculture)</i> ²³³	
Доля добычи в структуре валового дохода больше 13% или доля занятых в отрасли добычи больше 8%	Классификация является частью более широкого подхода, в рамках которого выделяется 6 взаимоисключающих типов территорий – один из типов отражает специализацию на природных ресурсах.

Источник: Герелишин Р.И. Определение группы ресурсоориентированных регионов в системе разработки концепции стратегии регионального развития // Экономика промышленности/Russian Journal of Industrial Economics. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 194–205.

Представленные критерии отражают разные аспекты взаимосвязи региональной системы и ресурсной составляющей. Например, стоимостная оценка минерально-сырьевой базы в большей степени показывает ресурсообеспеченность как экзогенный фактор, определяемый преимущественно географически, так как сам факт наличия данной базы не обязательно предусматривает наличие системы ее эффективной эксплуатации. Доминирующая роль ресурсов в структуре регионального экспорта или валового продукта может отражать другой аспект – ресурсозависимость (подобная категория может быть оценена методами эконометрики, например, регрессии прироста ВРП в зависимости от мировой ценовой конъюнктуры).

²³¹ Курбатова М.В. и др. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // Terra Economicus. – 2019. – Т. 17. – № 3. – С. 89–106.

²³² Mueller J.T. Defining dependence: The natural resource community typology // Rural Sociology. – 2021. – Т. 86. – № 2. – P. 260–300.

²³³ «County typology codes» (<https://www.ers.usda.gov/data-products/county-typology-codes/county-typology-codes>; дата обращения: 20.05.2024)

Подобные категории необходимо дифференцировать – в этом сходятся позиции как российских²³⁴, так и зарубежных²³⁵ исследователей. В контексте использования методологии стратегирования предлагается введение типа «ресурсоориентированный регион», который бы определялся как **«регион, экономическая конфигурация которого направлена в первую очередь на реализацию ограниченных во времени конкурентных преимуществ, обусловленных природно-ресурсным потенциалом»**²³⁶. Данное определение позволяет учесть не только сам факт наличия ресурсов, но и наличие выстроенной системы их эксплуатации, то есть реализации конкурентного преимущества, которая бы выражалась не только через долю в структуре ВРП, но и через структуру занятости, а также общую характеристику концентрации отраслевой структуры валового регионального продукта, что можно определить как степень диверсификации.

Классификацию регионов предлагается осуществлять по следующему алгоритму:

1. Расчет доли вида деятельности «Добыча полезных ископаемых» в структуре ВРП региона и структуре занятости (для расчета используются данные Федеральной службы государственной статистики «Росстат»).

2. Определение уровня концентрации. Для этих целей может использоваться индекс Херфиндаля-Хиршмана (использование данного индекса для расчетов степени концентрации в региональных системах можно найти в исследованиях С.Н. Растворцевой²³⁷), который представляется как:

$$HHI = \sum_{i=1}^n S_i^2, \quad (2)$$

²³⁴ Курбатова М.В. и др. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // Terra Economicus. – 2019. – Т. 17. – № 3. – С. 89–106.

²³⁵ Brunnenschweiler C.N. Cursing the blessings? Natural resource abundance, institutions, and economic growth // Natural Resource Abundance, Institutions, and Economic Growth // World development. – 2008. – Т. 36. – № 3. – P. 399-419.

²³⁶ Герелишин Р.И. Определение группы ресурсоориентированных регионов в системе разработки концепции стратегии регионального развития // Экономика промышленности/Russian Journal of Industrial Economics. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 194–205.

²³⁷ Растворцева С.Н. Экономическая активность регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11. – № 1. – С. 84–99.

где S_i представляет собой долю вида деятельности в структуре ВРП региона²³⁸. Однако данный показатель может быть заменен, например, на индекс Шеннона²³⁹ (был разработан в рамках теории информации, как мера энтропии, а впоследствии был адаптирован Р. МакАртуром²⁴⁰ при анализе пищевых сетей):

$$H = - \sum_{i=1}^n \left(\frac{x_i}{\sum_{i=1}^n x_i} \right) \log_2 \frac{x_i}{\sum_{i=1}^n x_i}, \quad (3)$$

в котором x_i представляет собой долю вида деятельности i в отраслевой структуре ВРП. Данный показатель по своей логике обратен логике индекса Херфиндаля-Хиршмана, так как показывает не концентрацию, а, напротив, разнообразие, в экономическом контексте – степень диверсифицированности. При расчете ранговой корреляции было выявлено, что они имеют близкую к единице по модулю корреляцию²⁴¹ (что отражает экономический смысл, но при необходимости может быть скорректировано путем ранжирования по индексу Шеннона от большего к меньшему).

3. Стандартизация рассчитанных долей для перехода в безразмерные величины по формуле:

$$y_i = \frac{x_i - \bar{x}}{\delta}, \quad (4)$$

где $\bar{x}$ и δ – среднее значение и стандартное отклонение по выборкам регионов. После проведения стандартизации уже можно определить значения выше и ниже среднего (то есть общероссийского на базе выбранных регионов), что

²³⁸ Герелишин Р.И. Эффект ресурсной колее как сдерживающий фактор стратегического развития регионов РФ // Современные проблемы социально-экономических систем в условиях глобализации: сборник научных трудов X Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 20-летия Института экономики НИУ БелГУ. — Белгород: Издательский дом БелГУ, 2017. — С. 348–353.

²³⁹ Shannon C.E. A mathematical theory of communication // The Bell system technical journal. – 1948. – Т. 27. – № 3. – Р. 379–423.

²⁴⁰ MacArthur R. Fluctuations of animal populations and a measure of community stability // ecology. – 1955. – Т. 36. – № 3. – Р. 533–536.

²⁴¹ Герелишин Р.И. Определение группы ресурсоориентированных регионов в системе разработки концепции стратегии регионального развития // Экономика промышленности/Russian Journal of Industrial Economics. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 194–205.

уже может являться критерием для классификации. Полученные стандартизированные значения записываются в виде вектора:

$$Y_i = \begin{pmatrix} y_{i1} \\ y_{i2} \\ y_{i3} \end{pmatrix}, \quad (5)$$

в котором y_{i1} , y_{i2} и y_{i3} – это соответственно стандартизированные доли вида деятельности «Добыча полезных ископаемых» в структуре ВДС, отраслевой структуре региональной занятости, а также стандартизированное значение индекса отраслевой концентрации.

4. Составление аналогичного вектора для модельного региона, который бы представлял собой своего рода «эталонный» («чистый») ресурсоориентированный регион. Так как данный регион модельный, то значения его вектора могут рассчитываться по-разному: могут быть рассмотрены максимальные выборочные значения соответствующих переменных, может быть проведен анализ международной статистики для поиска экстремально высокого значения, могут быть использованы статистические методы – общее требование к параметрам «чистого» ресурсоориентированного региона заключается в использовании экономически обоснованного подхода с учетом структуры выборки. В настоящем исследовании, учитывая исторически сложившиеся особенности производства и наличие монорегионов, специализирующихся на добыче полезных ископаемых, было принято решение определять значения модельного региона из расчета уровне $\max(x_i) + 0,1\delta$ – подобный уровень позволяет учесть особенности выборки (что важно с учетом наличия регионов с преобладающей долей добычи в структуре ВДС) и одновременно заложить определенное отклонение от максимального выборочного значения.

5. Расчет расстояния вектора каждого региона от вектора модельного региона. Для этого используется формула:

$$d_i = \left((y_{model_1} - y_{i1}) + (y_{model_2} - y_{i2}) + (y_{model_3} - y_{i3}) \right)^2 \quad (6)$$

Чем меньше будет данное значение, тем меньше отклонение рассматриваемого региона от модельного, что позволяет с учетом предложенной спецификации считать его более ресурсоориентированным.

Полученные величины будут безразмерными, но их ранжирование позволит выявить пул регионов, значительно отличающихся от остальных. Одним из преимуществ данного подхода является то, что в расчеты могут включены дополнительные метрики (сколь угодно большое количество, так как логика расчета будет сохраняться для любого n -мерного пространства). Сама же процедура расчетов может быть адаптирована и для иных объектов стратегирования: как для регионов на базе иных метрик, так и при правильной спецификации для, например, отраслевого стратегирования.

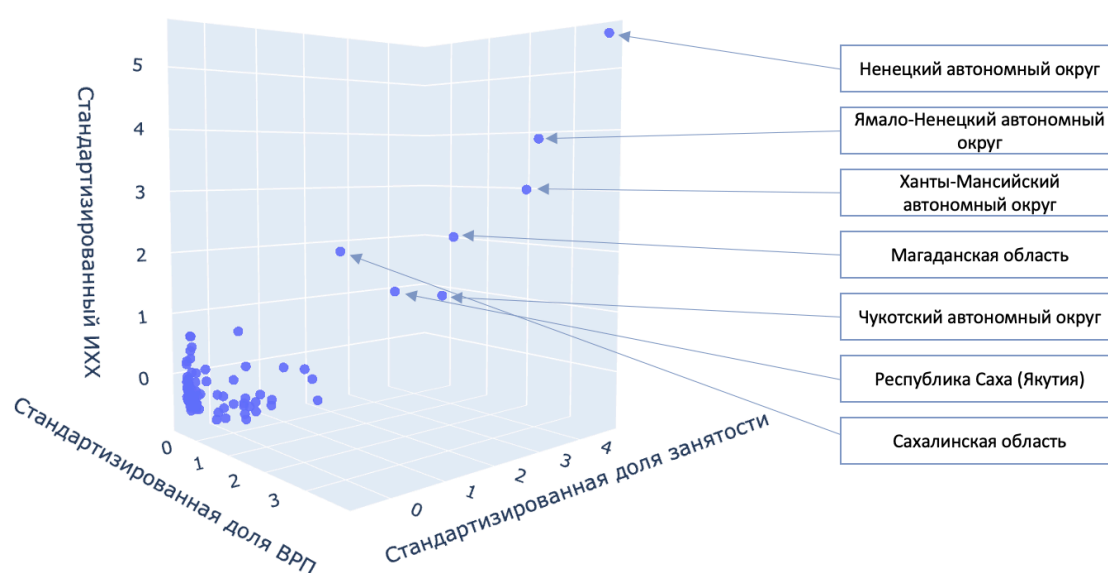

Рисунок 2 – Диаграмма рассеяния стандартизированных значений по предлагаемому алгоритму по регионам РФ в 2020 году

Источник: составлено автором на материалах (<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>)

Результаты предварительных расчетов наиболее показательны при визуализации в трехмерном пространстве (Рисунок 2) (для расчетов были использованы данные из сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели»²⁴²). Были использованы данные за 2020 год по 83

²⁴² «Регионы России. Социально-экономические показатели» (<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; дата обращения: 24.06.2025)

субъектам Российской Федерации (без учета г. Севастополя и Республики Крым), Тюменская и Архангельская области анализировались отдельно (без учета входящих в их состав автономных округов – они рассматриваются отдельно).

В рамках развития данного алгоритма возможно использование рядов данных по годам с применением различных вариантов средних значений, которые также будут сведены к массиву данных по регионам с аналогичными последующими шагами.

Визуальное представление позволяет сразу выявить пул регионов, значительно отличающихся от остальных и явно более ресурсоориентированных (на базе заявленных критериев) – в эту группу входят Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Магаданская область, Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия) и Сахалинская область. Результаты расчетов (первые 15 регионов) – Таблица 7.

Таблица 7 – Результаты расчетов векторных расстояний для определения ресурсоориентированных регионов

Регион	Векторное расстояние		Ранговые оценки и фактические величины		
	Значение	Ранг	Доля добычи в ВРП	Доля добычи в структуре занятости	Индекс концентрации
Ненецкий автономный округ	0,079	1	1 (0,77)	1 (0,27)	1 (6038,18)
Ямало-Ненецкий автономный округ	12,977	2	2 (0,66)	3 (0,22)	2 (4623,4)
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	21,819	3	3 (0,62)	2 (0,22)	3 (3941,82)
Магаданская область	50,115	4	4 (0,56)	5 (0,15)	4 (3340,78)
Чукотский автономный округ	70,234	5	7 (0,46)	4 (0,17)	7 (2487,48)
Республика Саха (Якутия)	84,462	6	6 (0,49)	6 (0,11)	6 (2652,74)
Сахалинская область	88,986	7	5 (0,56)	13 (0,04)	5 (3263,78)
Оренбургская область	151,949	8	9 (0,36)	9 (0,05)	14 (1675,6)
Республика Коми	155,024	9	10	8	19

			(0,33)	(0,06)	(1490,6)
Астраханская область	157,755	10	8 (0,38)	22 (0,02)	12 (1770,44)
Кемеровская область-Кузбасс	173,449	11	16 (0,19)	7 (0,1)	71 (987,06)
Красноярский край	180,711	12	20 (0,16)	26 (0,02)	8 (2084,8)
Забайкальский край	186,854	13	11 (0,26)	16 (0,04)	36 (1223,7)
Иркутская область	190,049	14	12 (0,25)	15 (0,04)	44 (1143,2)
Белгородская область	195,408	15	15 (0,2)	17 (0,03)	33 (1241,9)

Источник: Герелишин Р.И. Определение группы ресурсоориентированных регионов в системе разработки концепции стратегии регионального развития // Экономика промышленности/Russian Journal of Industrial Economics. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 194–205.

Отличающиеся от общей группы регионы можно увидеть также и при рассмотрении выборочных статистик по показателям доли вида деятельности «Добыча полезных ископаемых» в структуре ВРП и структуре региональной занятости (Рисунок 3).

Рисунок 3 – Распределение регионов РФ по доле вида деятельности «Добыча полезных ископаемых» в структуре ВРП и структуре региональной занятости

Источник: составлено автором на материалах (https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm)

График показывает наличие «выбросов», выходящих за рамки двух стандартных отклонений (из расчетов также исключены г. Москва и г. Санкт-Петербург по причине отсутствия необходимости рассмотрения в контексте

ресурсоориентированности). Описательные статистики по рассматриваемым показателям представлены в таблице (Таблица 8).

Таблица 8 – Описательные статистики по регионам РФ в разрезе долей вида деятельности «Добыча полезных ископаемых» в структуре ВРП и структуре занятости

Статистика	Показатель	
	Доля вида деятельности «Добыча полезных ископаемых» в структуре ВРП	Доля вида деятельности «Добыча полезных ископаемых» в структуре региональной занятости
Среднее значение	0,109	0,026
Стандартное отклонение	0,175	0,049
Минимальное значение	0	<0,001
Первый квартиль (квантиль 25)	0,003	0,003
Второй квартиль (квантиль 50)	0,015	0,007
Третий квартиль (квантиль 75)	0,152	0,022
Максимальное значение	0,772	0,235

Источник: составлено автором на материалах (https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm)

Важно, что результаты анализа по данным 2020 года характеризуются достаточной устойчивостью, чтобы использовать их в качестве обоснования выбора группы ресурсоориентированных регионов, так как анализ последних доступных данных (2023 год) позволил получить аналогичные результаты (Рисунок 4).

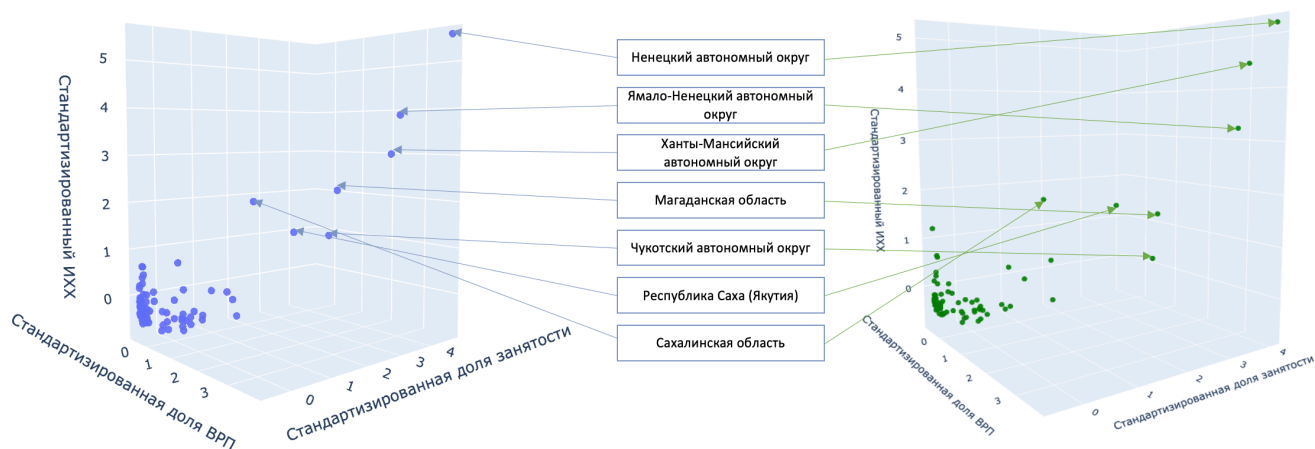

Рисунок 4 – Диаграммы рассеяния стандартизованных значений по предлагаемому алгоритму по регионам РФ в 2020 и 2023 гг.

Источник: составлено автором на материалах (<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>)

Как видно из рисунка выше, группа ресурсоориентированных регионов и в 2023 году значительно отличается от остальных регионов, пусть и внутри самой группы произошли точечные изменения (Рисунок 5).

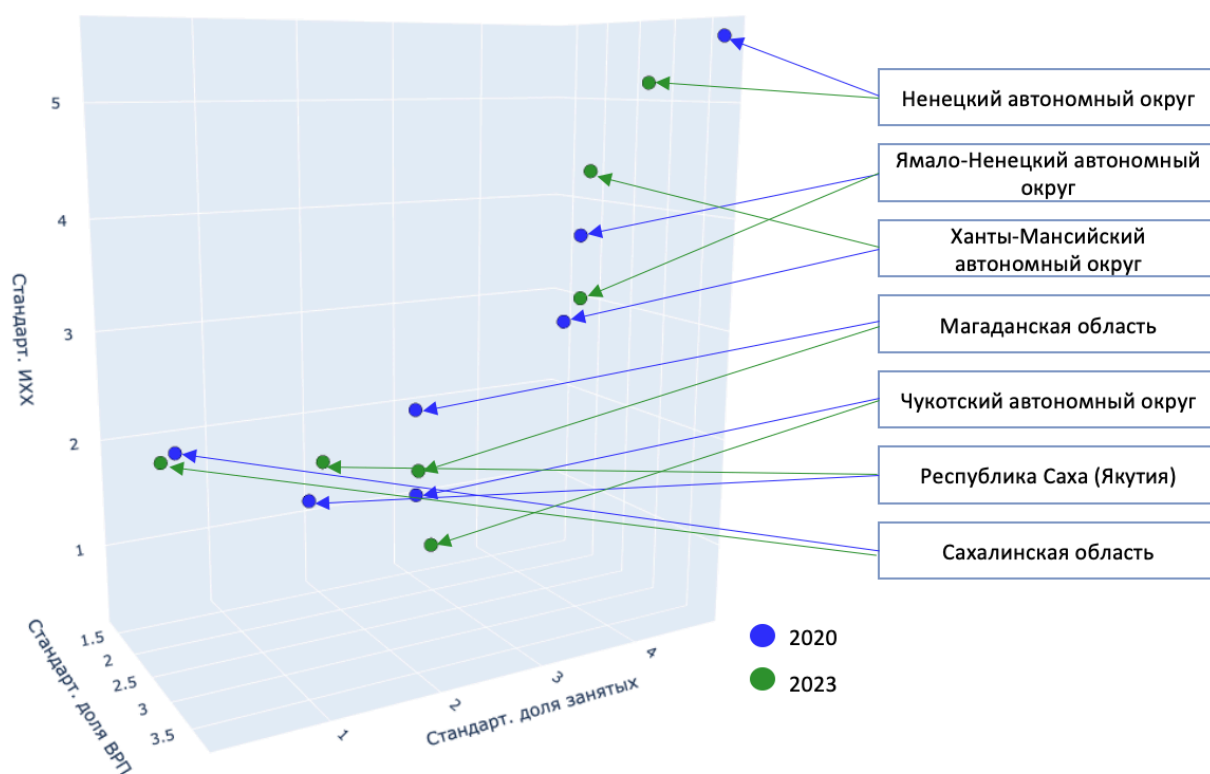

Рисунок 5 – Различия в группе ресурсоориентированных регионов в 2020 и 2023 гг.

Источник: составлено автором на материалах (<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>)

Расчетные значения векторных расстояний, отражающие вышеуказанные изменения, представлены ниже (Таблица 9).

Таблица 9 – Различия в группе ресурсоориентированных регионов в 2020 и 2023 гг.

Регион	Векторное расстояние (2020 г.)		Векторное расстояние (2023 г.)		Изменение ранговой позиции
	Значение	Ранг	Значение	Ранг	
Ненецкий автономный округ	0,079	1	0,084	1	Нет изменений
Ямало-Ненецкий автономный округ	12,977	2	9,445	3	-1
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	21,819	3	2,800	2	+1
Магаданская область	50,115	4	45,399	4	Нет изменений

Чукотский автономный округ	70,234	5	66,674	6	+1
Республика Саха (Якутия)	84,462	6	54,392	5	-1
Сахалинская область	88,986	7	72,277	7	Нет изменений

Источник: составлено автором на материалах (<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>)

Необходимо отметить, что определенные изменения произошли в рангах других регионов, что объясняется изменением доли вида деятельности «Добыча полезных ископаемых» в структуре ВДС и, как следствие, изменением уровня концентрации (при устойчивости уровня занятости, различия в которых в среднем не превышали один процентный пункт год году), однако это не оказало влияния на определение группы ресурсоориентированных регионов, что позволяет заявить об устойчивости результатов и считать данные 2020 года достаточно релевантными для последующего анализа.

Обособленность ранее выявленной группы регионов (с учетом указанных комментариев об устойчивости) подтверждается также и результатами кластеризации – для этого использован метод *k*-средних²⁴³. Первая кластеризация была проведена с учетом лишь двух вышеуказанных показателей. Результаты представлены на рисунке (Рисунок 7).

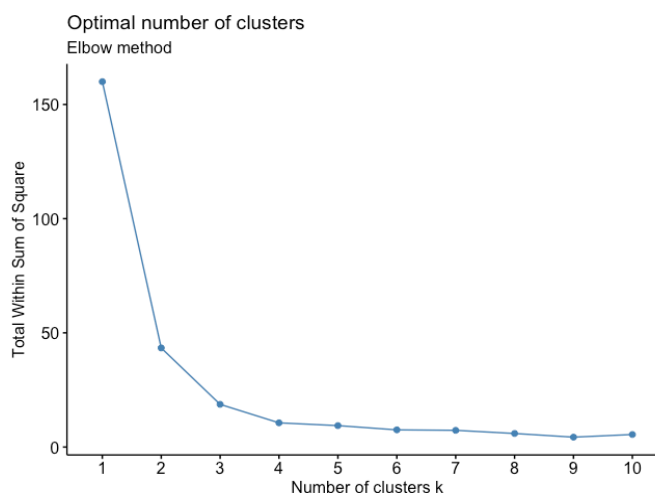

Рисунок 6 – Определение оптимального количества кластеров

Источник: составлено автором

²⁴³ Lloyd S. Least squares quantization in PCM // IEEE transactions on information theory. – 1982. – Т. 28. – № 2. – P. 129-137.

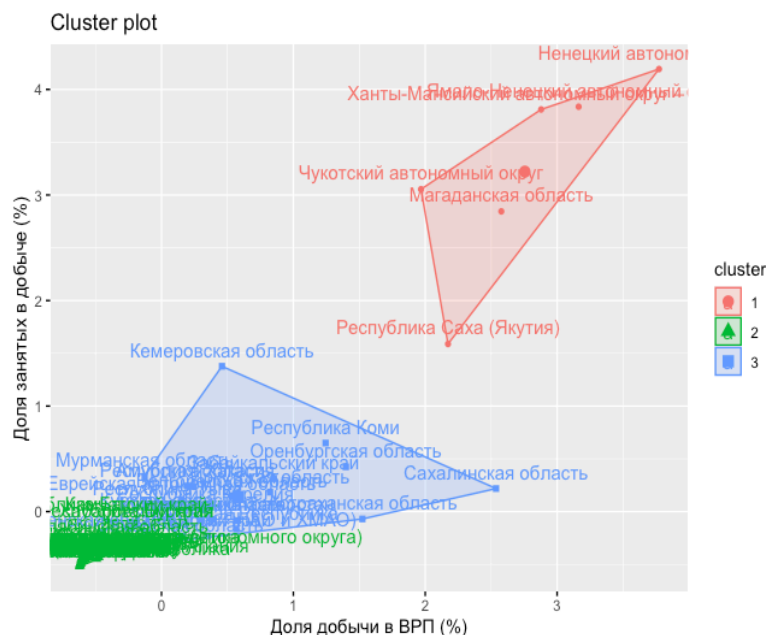

Рисунок 7 – Разделение на кластеры по двум параметрам

Источник: Герелишин Р.И. Ресурсоориентированные регионы в стратегировании: алгоритм определения // Теория и практика стратегирования: VII Международная научно-практическая конференция (27 февраля 2024 г.). Индустриальный Университариум Стратега: сб. избранных научных статей и материалов конференции / под. науч. ред. В.Л. Квинта – Москва: Издательский Дом НИТУ МИСИС, 2024 – (Серия «Экономическая и финансовая стратегия». Том XIII) – С. 104–111.

Оптимальное число кластеров при кластеризации лишь по двум показателям равно 3 (Рисунок 6). В этом случае выделенные ранее регионы, за исключением Сахалинской области, образуют отдельный кластер, что подтверждает результаты ранее проведенного расчета индекса ресурсоориентированности и обоснованность выделения Ненецкого автономного округа, ЯНАО, ХМАО, Чукотского автономного округа, Магаданской области и Республики Саха (Якутия) в отдельную группу. При этом включение Сахалинской области в другой кластер подтверждает графическую иллюстрацию на (Рисунок 7) – точка, показывающая Сахалинскую область, расположена обособленно.

По итогам проведенных расчетов выделена группа ресурсоориентированных регионов, результаты кластеризации близки к результатам расчетов по предлагаемому алгоритму. Однако так как предлагаемая дефиниция «ресурсоориентированный регион» затрагивает экономическую конфигурацию региона, то целесообразно проанализировать

схожесть регионов по ряду макроэкономических, демографических, инфраструктурных и иных показателей, то есть убедиться, что выделенные ранее регионы действительно образуют особую группу в среде российских регионов. Для ответа на данный вопрос также будет проведен кластерный анализ методом k-средних.

Рассмотрим множество данных, способных характеризовать регион с различных сторон: макроэкономические, демографические, показатели в части здравоохранения, образования, инфраструктуры и иные – выбранные показатели представлены в таблице (Таблица 10). Статистические данные собраны из баз, публикуемых Федеральной службой государственной статистики «Росстат», после чего проведена процедура стандартизации.

Таблица 10 – Статистические показатели регионов для кластеризации

Показатель	Обозначение для расчетов	Стандарт. обозначение для расчетов
Доля добычи в ВРП (%)	X1	S1
Производительность труда	X2	S2
Коэффициент рождаемости	X3	S3
Коэффициент естественного прироста	X4	S4
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (годы)	X5	S5
Доля занятых в добыче (%)	X6	S6
Уровень безработицы (%)	X7	S7
Среднедушевые доходы (тыс. руб)	X8	S8
Охват дошкольным образованием (мест на тыс. чел)	X9	S9
Число врачей всех специальностей на 10000 человек	X10	S10
Число посещений музеев (на 1000 человек)	X11	S11
Структура ввода в действие основных фондов (в части добычи в % от общего)	X12	S12
Доля дорог с твердым покрытием (%)	X13	S13
Доля организаций, использовавших ПК (%)	X14	S14
Доля организаций, использовавших «облачные сервисы» (%)	X15	S15
Доля инновационных товаров, услуг, работ (%)	X16	S16
Поступление налогов, сборов и иных платежей в консолидированный бюджет (млн руб)	X17	S17
Индекс потребительских цен	X18	S18

Источник: составлено автором

Кластерный анализ с учетом всех указанных показателей позволил получить следующие результаты (Рисунок 8).

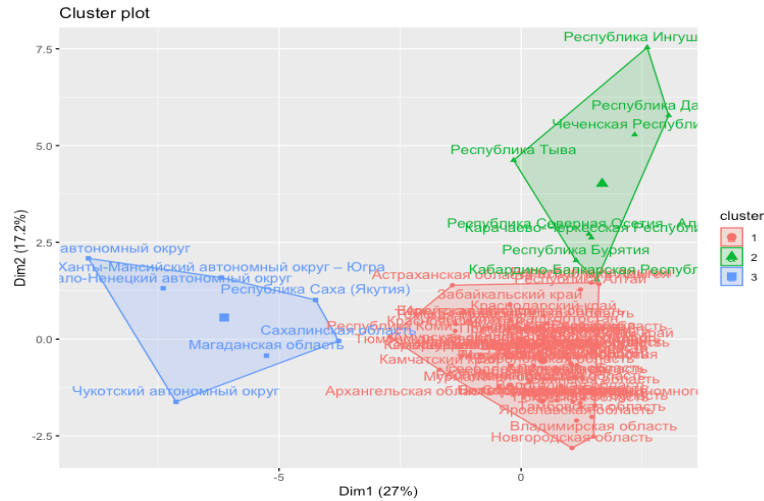

Рисунок 8 – Кластеризация регионов РФ по параметрам S1 – S18 (по данным 2021 года)

Источник: составлено автором

Как видно из рисунка, группа ресурсоориентированных регионов составляет отдельный кластер. В значительной степени это было ожидаемо ввиду использования параметров, принципиально отличающих ресурсоориентированные регионы от других (доля добычи полезных ископаемых в ВРП – X1, структуре занятости – X6, структуре ввода основных фондов – X12) и сильно коррелированных друг с другом (Рисунок 9).

Коррелограмма метрик по регионам РФ (по данным на 2021 год)

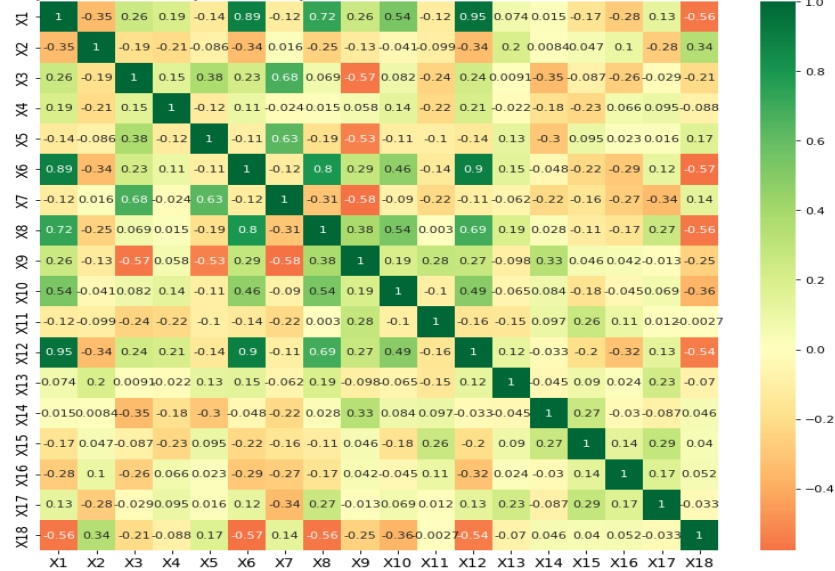

Рисунок 9 – Коррелограмма метрик по регионам РФ

Источник: Герелишин Р.И. Ресурсоориентированные регионы: определение и подход к классификации // Теория и практика стратегирования: VII Международная научно-практическая конференция (21-22 февраля 2024 г.). Московский Университариум Стратега: сб. избранных научных статей и материалов конференции / под. науч. ред. В.Л. Квинта – Москва: Издательство МГУ, 2024 – (Серия «Экономическая и финансовая стратегия». Том XII) – С. 311–324.

При этом возможно использование и иных методов кластеризации и мер расстояния помимо евклидова, например, можно использовать взвешенное евклидово расстояние:

$$d(O_i, O_j) = \sqrt{\sum_{l=1}^k \omega_l (x_{il} - x_{jl})^2}, \quad (7)$$

или расстояние Минковского:

$$d(O_i, O_j) = \left(\sum_{l=1}^k |x_{il} - x_{jl}|^p \right)^{\frac{1}{p}}, \quad (8)$$

где, x_{il} и x_{jl} – величины компоненты l для i -го (j -го) объекта, а p – показатель порядка. Также может быть использовано обобщенное расстояние Махаланобиса (для случая зависимых переменных и их различной значимости):

$$d(O_i, O_j) = \sqrt{(X_i - X_j)^T S^{-1} (X_i - X_j)}, \quad (9)$$

в котором в матричной записи X_i, X_j – векторы переменных для объектов i, j , а S – ковариационная матрица.

Полученные результаты наглядно демонстрируют, что выделенные в группу ресурсоориентированные регионы имеют структурную близость даже в отсутствие параметров, напрямую связанных с добычей полезных ископаемых: в обоих рассмотренных случаях Ненецкий автономный округ, ЯНАО, ХМАО, Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Магаданская область попадают в один и тот же кластер.

Как было отмечено ранее, регионы являются проводниками национальных интересов, локализованных на их территории. Интересы фиксируются в формате верхнеуровневых стратегий, программ, проектов, законов и иных инициатив. Одним из важных документов с точки зрения обеспечения национальных интересов является «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной

безопасности на период до 2035 года», которая была утверждена Указом Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645²⁴⁴. В данном документе в явном виде указано, что значение Арктической зоны как с точки зрения социально-экономического развития Российской Федерации, так и с точки зрения обеспечения национальной безопасности обусловлено высокой долей добычи природного газа и нефти, наличием стратегического резерва развития минерально-сырьевой базы (за счет континентального шельфа Российской Федерации), формированием спроса на наукоемкую и высокотехнологичную продукцию (за счет реализации крупных инвестиционных проектов и стимулирования соответствующих производств в других субъектах Российской Федерации), важностью Северного морского пути, наличием малочисленных народов Севера и объектов культурно-исторического наследия общемирового значения, расположением объектов сил стратегического сдерживания²⁴⁵. К сухопутным территориям Арктической зоны Российской Федерации согласно Указу Президента Российской Федерации от 02.05.2014 № 296²⁴⁶ (с учетом дополнений и изменений) из состава определенных в настоящей работе ресурсоориентированных регионов относятся Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ (согласно Указу Президента Российской Федерации от 13.05.2019 № 220²⁴⁷ к данным территориям также отнесены отдельные районы Республики Саха (Якутии), но не Республика в целом). Данное обстоятельство наряду с иными верхнеуровневыми документами, фиксирующими национальные интересы, локализованные в регионах, должны быть учтены и детализированы при разработке региональных стратегий.

---

²⁴⁴ «Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645» ([http:// www.kremlin.ru/acts/bank/45972](http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972); дата обращения: 20.05.2024)

²⁴⁵ «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» ([http:// www.scrf.gov.ru/security/economic/Arctic_strategy](http://www.scrf.gov.ru/security/economic/Arctic_strategy); дата обращения: 20.05.2024)

²⁴⁶ «Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 № 296» ([http:// www.kremlin.ru/acts/bank/38377](http://www.kremlin.ru/acts/bank/38377); дата обращения: 20.05.2024)

²⁴⁷ «Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2019 № 220» ([http:// www.kremlin.ru/acts/bank/44231](http://www.kremlin.ru/acts/bank/44231); дата обращения: 20.05.2024)

Таким образом, с учетом проведенной классификации регионов на предмет ресурсоориентированности, подтвержденной результатами кластерного анализа близости региональных структур, в том числе в отсутствие факторов ресурсоориентированности, дальнейшее исследование будет проводиться на базе Ненецкого автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа, Ханты-Мансийского автономного округа, Чукотского автономного округа, Республики Саха (Якутии) и Магаданской области.

2.2. Анализ существующих стратегий развития ресурсоориентированных регионов Российской Федерации с точки зрения методологии стратегирования

Выделенная группа ресурсоориентированных регионов показала структурную близость как с учетом факторов ресурсоориентированности, так и в их отсутствие, что было подтверждено результатами кластерного анализа. Наглядно эта близость подтверждается также путем построения лепестковых диаграмм – на них контуры фигур для ресурсоориентированных регионов имеют общие паттерны в отличие от аналогичных фигур для регионов, не отнесенных к ресурсоориентированным и выбранных случайным образом (Рисунок 12, Рисунок 13).

При этом подобные сходства, которые можно подтвердить большим количеством методов, вовсе не означают, что дальнейшие траектории развития этих регионов обязательно будут совпадать, так как с точки зрения методологии стратегирования каждый объект должен формировать свои контуры стратегических приоритетов и выявлять имеющиеся или потенциально создаваемые конкурентные преимущества, способные обеспечивать достижение этих приоритетов.

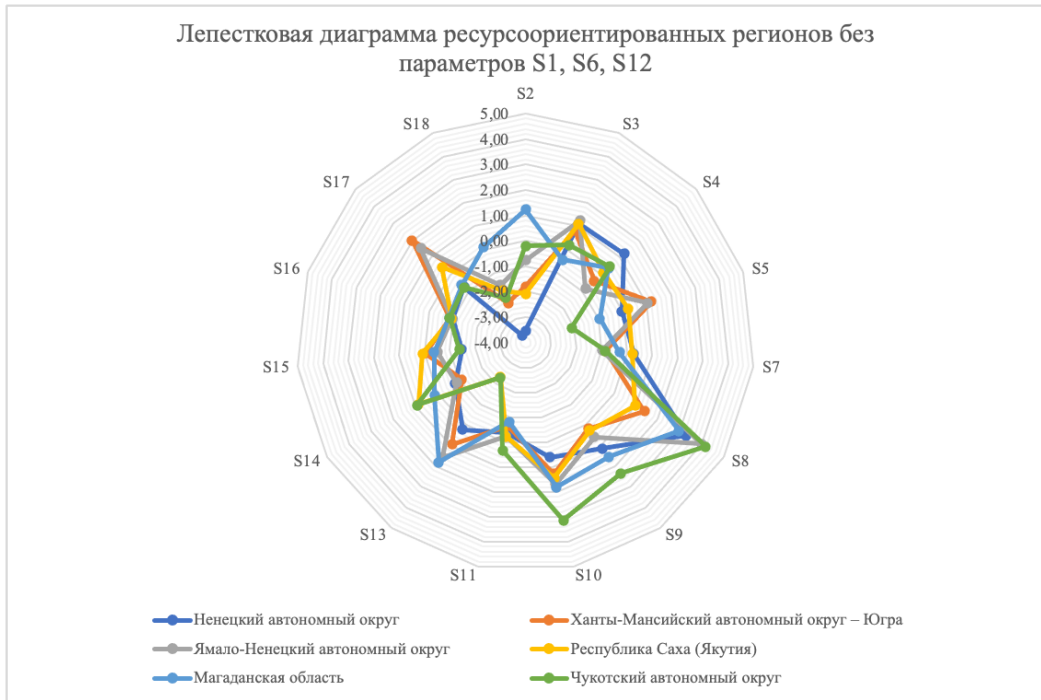

Рисунок 12 – Лепестковая диаграмма ресурсоориентированных регионов без параметров S1, S6, S12

Источник: составлено автором

Рисунок 13 – Лепестковая диаграмма случайного набора регионов из группы не отнесенных к ресурсоориентированным без параметров S1, S6, S12

Источник: составлено автором

Часть стратегических приоритетов могут быть близкими, так как они будут соответствовать приоритетам надрегионального уровня, задекларированным в верхнеуровневых документах – данную часть можно будет назвать условно-типовым контуром. Другой контур будет состоять из локально-специфических приоритетов, который будут формулироваться на базе региональных интересов и ценностей с учетом выявленных трендов различных уровней и природы.

С учетом того, что регионы реализуют национальные интересы, локализованные на их территории, то целесообразно рассмотреть, на каких отраслях регионам предписывалось акцентировать внимание – данная информация отражена в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года № 207-р²⁴⁸.

Информация по выявленной группе ресурсоориентированных регионов в части сформулированного для них перечня перспективных и неперспективных отраслей представлена ниже (Таблица 11).

Таблица 11 – Перспективные и неперспективные отрасли экономической специализации ресурсоориентированных регионов согласно «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года»

Регион	Перспективные отрасли	Неперспективные отрасли, критически важные для экономики региона
Ненецкий автономный округ	<ul style="list-style-type: none"> – добыча полезных ископаемых; – производство прочих готовых изделий; – деятельность в области информации и связи; – транспортировка и хранение. 	<ul style="list-style-type: none"> – растениеводство и животноводство, предоставление соответствующих услуг в этих областях (оленоводство); – рыболовство и рыбоводство.
Ямало-Ненецкий автономный округ	<ul style="list-style-type: none"> – добыча полезных ископаемых; – производство нефтепродуктов; – производство прочих готовых изделий; 	<ul style="list-style-type: none"> – лесоводство и лесозаготовки; – обработка древесины и производство изделий из дерева, кроме мебели;

²⁴⁸ «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р (https://economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie_ot_13_fevralya_2019_g_207_r.html); дата обращения: 20.05.2024)

	<ul style="list-style-type: none"> – производство химических веществ и химических продуктов; – деятельность в области информации и связи; – транспортировка и хранение. 	<ul style="list-style-type: none"> – растениеводство и животноводство, предоставление соответствующих услуг в этих областях (оленоводство); – рыболовство и рыбоводство.
Ханты-Мансийский автономный округ	<ul style="list-style-type: none"> – добыча полезных ископаемых; – лесоводство и лесозаготовки; – производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования; – производство кожи и изделий из кожи; – производство кокса и нефтепродуктов; – производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; – производство прочей неметаллической минеральной продукции; – производство прочих готовых изделий; – производство резиновых и пластмассовых изделий; – производство химических веществ и химических продуктов; – производство электрического оборудования; – рыболовство и рыбоводство; – деятельность в области информации и связи; – транспортировка и хранение; – деятельность профессиональная, научная и техническая; – туризм – деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги. 	<ul style="list-style-type: none"> – производство мебели; – растениеводство и животноводство, предоставление соответствующих услуг в этих областях (оленоводство).
Чукотский автономный округ	<ul style="list-style-type: none"> – добыча полезных ископаемых; – производство кожи и изделий из кожи; – производство прочих готовых изделий; – рыболовство и рыбоводство; – деятельность в области информации и связи; 	Не сформулированы

	<ul style="list-style-type: none"> – растениеводство и животноводство, предоставление соответствующих услуг в этих областях (оленоводство); – транспортировка и хранение. 	
Магаданская область	<ul style="list-style-type: none"> – добыча полезных ископаемых; – производство металлургическое; – производство прочих готовых изделий; – рыболовство и рыбоводство; – транспортировка и хранение. 	Не сформулированы
Республика Саха (Якутия)	<ul style="list-style-type: none"> – добыча полезных ископаемых; – лесоводство и лесозаготовки; – обработка древесины и производство изделий из дерева, кроме мебели; – производство бумаги и бумажных изделий; – производство кокса и нефтепродуктов; – производство прочих готовых изделий; – рыболовство и рыбоводство; – деятельность в области информации и связи; – деятельность профессиональная, научная и техническая; – ремонт и монтаж машин и оборудования; – туризм – деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; – транспортировка и хранение. 	<ul style="list-style-type: none"> – производство пищевой продукции; – производство прочих транспортных средств и оборудования; – производство прочей неметаллической минеральной продукции; – растениеводство и животноводство, предоставление соответствующих услуг в этих областях.

Источник: составлено автором по материалам «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года № 207-р

Подобные оценки носят верхнеуровневый характер, отражающий национальные интересы в конкретных регионах – это полезно с точки зрения понимания ожиданий национального уровня от регионов и предполагаемых траекторий их развития в отраслевом разрезе. Однако подобное представление не отражает степень приоритетности отраслей из числа перспективных, а также степень консерватизма отраслевой структуры – это принципиальный

момент для динамично меняющейся внешней среды, так как чрезмерно консервативные структуры, не предполагающие продуцирование инноваций, не позволяют обеспечивать конкурентоспособность в средне- и долгосрочной перспективе. Указанная стратегия подвергалась критике²⁴⁹, также отмечалось, что она «...была ориентирована на выявление «умных» специализаций регионов. Однако, к сожалению, на практике потенциал данного подхода в целях регионального пространственного развития остается незадействованным»²⁵⁰.

Регионы с низким уровнем диверсификации при консервативном подходе попадают в зону риска, так как при неизменности отраслевой структуры будут чувствительны к изменениям внешней среды. Ресурсоориентированные регионы в наибольшей степени подходят под данный тезис, так как инерционная эксплуатация природно-ресурсного потенциала без развития смежных производств сопряжено с рисками: возможна ситуация, что спрос на ресурсы сведен к минимуму, что приведет к неблагоприятным последствиям в экономическом и социальном разрезе.

В этой связи региональные стратегии существенно более детальны и структурированы с учетом интересов самого региона и субрегиональных образований – в них должны в явном виде быть отражены интересы и ценности – основа стратегических приоритетов, конкурентные преимущества, система целей и задач. Рассмотрим действующие стратегии социально-экономического развития для выбранной группы ресурсоориентированных регионов и проанализируем их содержание с позиции методологии стратегирования – это позволит не только выявить, есть ли у тех регионов зафиксированные сходства в предполагаемых траекториях развития, но и определить, насколько они отражают надрегиональные директивы и соответствуют интересам.

---

²⁴⁹ «Территория полуприцепов. Нужна ли России стратегия пространственного развития?» (<https://www.kommersant.ru/doc/3908584>)

²⁵⁰ Гамидуллаева Л.А., Ворновская А.А. Подход к определению «умной специализации» регионов с использованием технологии больших данных // *π-Economy*. – 2024. – Т. 17. – №. 2. – С. 67-85.

Таблица 12 – Первичный анализ стратегий социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов с точки зрения теории стратегии и методологии стратегирования

Документ	Анализ трендов	Наличие миссии	Наличие видения/ приоритетов	Отражение конкурентных преимуществ	Оценка целей	Оценка задач	Оценка сценариев
Стратегия социально-экономического развития Ненецкого автономного округа на перспективу до 2030 года ²⁵¹	В явном виде анализ не представлен. Исходя из этого незначительно представлена информация о динамике внешней среды и создаваемых ей возможностях и угрозах.	Сформулирована в явном виде с акцентом на обеспечение наилучших условия для проживания граждан	Приоритеты сформулированы с учетом национальных целей и вызовов для экономического развития округа.	Сформулированы без явной привязки к стратегическим приоритетам округа. Акцентированы в природно-ресурсном потенциале, расположении на маршруте СМП, включении в состав Арктической зоны.	Сформулированы в явном виде, цели носят качественный характер.	Сформулированы под каждую цель, однако не носят количественный характер. Впоследствии использованы целевые значения индикаторов социально-экономического развития в разбивке по годам (в соответствии с этапностью реализации стратегии).	Использована методика деления факторов влияния на фоновые и динамические. Представлено 4 сценария, градация по степени благоприятности для округа, однако сценарии не столько отражают изменение внешней среды, сколько интенсивность деятельности в самом регионе.
Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа	Анализируются тенденции различного уровня и характера влияния (технологические, отраслевые, инфраструктурные,	В явном виде не сформулирована. Логически близкой по сути является сформулированная стратегическая цель (генеральная цель).	Приоритеты сформулированы в явном виде с интеграцией в положения надрегиональных документов верхнего уровня.	Упомянуты в контексте сферы добычи и переработки углеводородного сырья. В качестве обеспечения реализации	Сформулированы в явном виде под обозначенные стратегические приоритеты. Носят качественный характер.	Сформулированы под каждую стратегическую цель, носят количественный характер и распределены по	Сформулировано два сценария: целевой и инерционный. Сценарии в большей степени отражают интенсивность

²⁵¹ Стратегия социально-экономического развития Ненецкого автономного округа до 2030 года (<https://dfei.adm-nao.ru/strategicheskoe-planirovanie/proekt-strategii-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-neneckogo-avtonomn/>)

округа на период до 2035 года ²⁵²	экономические, демографические).			стратегических приоритетов не используются.		этапам реализации стратегии.	деятельности в регионе и слабо связаны с динамикой внешней среды.
Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2036 года с целевыми ориентирами до 2050 года ²⁵³	В явном виде указан тренд на цифровизацию и инновации. При этом детально проанализированы тенденции внутри региона (экономика, демография, инфраструктура и т.д.), а также очень детально даны оценки тенденций на этапе SWOT и PEST-анализа (OTSW-анализ в документе не применяется).	Сформулирована в явном виде с акцентами для разных уровней интересантов.	Видение сформулировано в явном виде. Приоритеты сформулированы в явном виде с учетом актуализации относительно предыдущей региональной стратегии. Указана взаимосвязь с национальными интересами и целями.	Сформулированы в явном виде, при этом отражены и риски, проистекающие как из внешней, так и из внутренней среды.	Цели сформулированы и носят качественный характер. Однако многие цели содержат предварительное указание списка проблем, которые призвано решить поставленной цели (подход к формированию целей от проблем не соответствует используемой методологии стратегирования).	Задачи сформулированы под каждую цель, однако задачи не носят количественный характер, по сути представляя собой комплекс предполагаемых мероприятий. Целевые значения социально-экономических индикаторов представлены отдельно в блоке ожидаемых результатов в разрезе сценариев.	Используются три сценария: оптимистический, базовый и пессимистический, природа которых определяется совокупностью внешних и внутренних факторов.
Стратегия развития социально-экономического развития	Тренды в явном виде не проанализированы. В проведенном SWOT-анализе	В явном виде не сформулирована. Логически близкой является «ключевая» цель	Представлены во вступительной части («резюме») и точно упоминаются по	Постулируется наличие, однако детально не расшифровывается. Частично может	Сформулирована одна цель, логически в большей степени	Сформулировано три задачи, которые необходимо решить для	Представлено три сценария: консервативный (инерционный), базовый и целевой,

²⁵² Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года (утв. Постановлением Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.06.2021 № 478) [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8900202106290006?ysclid=lzr7txuskj88168127&index=1> (дата обращения: 23.07.2024).

²⁵³ Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2050 года (<https://ugra2050.myopenugra.ru/strategy/>)

Чукотского автономного округа до 2030 года*	(OTSW-анализ в документе не применяется) представлены отдельные положения, содержательно близкие к трендам, однако их влияние и механизмы не интерпретируются.	реализации стратегии.	тексту, однако не детализируются в достаточной степени.	быть трактовано как «сильные стороны» в приведенном SWOT-анализе (OTSW-анализ в документе не применяется), однако увязка с приоритетами не представлена.	соответствующая миссии.	достижения цели (не носят количественный характер). В дальнейшем представляется декомпозиция по сферам и предложения по необходимым мероприятиям.	определяемые совокупностью внешних и внутренних факторов.
Стратегия социально-экономического развития Магаданской области на период до 2030 года ²⁵⁴	Отражены лишь тенденции, характеризующие изменения динамики отдельных показателей внутренней среды. На этапе SWOT-анализа (OTSW-анализ в документе не применяется) информация о динамике внешней среды раскрыта незначительно.	В явном виде не сформулирована. Логически близкой являются «главные цели» реализации стратегии.	Формулируется увязка с приоритетами надрегionalного уровня. Логически близкие к приоритетам положения сформулированы как задачи.	Упомянуты в контексте «использование конкурентных преимуществ, вытекающих из обладания богатыми ресурсами, прежде всего минерально-сырьевыми».	Сформулированы две цели, логически соответствующие миссии региона.	Сформулированы (не носят количественный характер) под заявленные цели.	По итогам анализа предыдущей стратегии отмечается, что регион «развивается поступательно по базовому (инфраструктурно-сырьевому) сценарию развития». При этом сформулирован целевой сценарий для новой стратегии и представлены его основные параметры.

²⁵⁴ Скорректированная стратегия социально-экономического развития Магаданской области до 2030 года (https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitic/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/proekty_strategiy_subektov_rf/skorrektirovannaya_strategiya_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_magadanskoy_oblasti_do_2030_goda.html)

<p>Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года²⁵⁵</p>	<p>Представлены в разделах стратегии. При этом анализ глобальных тенденция вынесен в приложение совместно с результатами SWOT-анализа.</p>	<p>Сформулирована в явном виде.</p>	<p>Видение сформулировано и оформлено в качестве одного из приложений. Сформулированы стратегические цели, логика и формулировка которых отражает приоритеты. При этом приоритеты также упоминаются по тексту стратегии.</p>	<p>Сформулированы в явном виде с расшифровкой, как данное преимущество может быть использовано.</p>	<p>Сформулированы в явном виде (носят качественный характер) в увязке со стратегическими целями, логически являющимися приоритетами.</p>	<p>Сформулированы под каждую цель, однако не все задачи носят количественный характер (коррелируют с предполагаемыми мероприятиями).</p>	<p>В явном виде не представлены, однако отмечено, что при разработке учтены результаты нескольких НИР по сценарным условиям и параметрам прогноза социально-экономического развития – целевые значения представлены в виде одного из приложений.</p>
--	--	-------------------------------------	--	---	--	--	--

* Для анализа использована доработанная редакция, сводное заключение по которой представлено письмом Минэкономразвития России от 28.12.2022 № 50334-ВД/Д14и
 Источник: составлено автором

²⁵⁵ Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) ([https:// investyakutia.ru/about/strategy-for-socio-economic-development/](https://investyakutia.ru/about/strategy-for-socio-economic-development/))

Одним из первых выводов по итогам анализа региональных стратегий является отсутствие единой методологической базы: разработанные стратегии не имеют структурного единообразия и используют различную терминологию для одних и тех же понятий. Далекое не во всех стратегиях должное внимание уделяется анализу внешней среды и трендам, в этой связи стратегии в большей степени ориентированы на решение существующих проблем, которым уделяется значительное внимание, а не на реализацию возможностей, создаваемых внешней средой и конкурентными преимуществами объекта стратегирования. Значительный акцент делается на анализе внутренней среды, который представляет собой срез статистической информации и описание ее динамики. Определение стратегических приоритетов не всегда обосновано ввиду отсутствия явной увязки с существующими или имеющимися потенциал создания конкурентными преимуществами. Вопросы вызывает этап формирования целей и задач: некоторые стратегии содержат лишь 2-3 цели и множество задач, однако эти задачи не носят количественный характер. Существенная дифференция имеется в вопросах определения сценариев: отдельные стратегии отталкиваются от лишь одного сценария, другие формулируют несколько сценариев, один из которых носит инерционный характер, который по своей логике не предполагает стратегического развития как такового, а лишь консервирует существующую модель. Помимо этого, важно отметить, что разработанные документы имеют различия по глубине проработки и качеству составления документа, но не будем останавливаться на данном вопросе детально – первоочередным вопросом является отсутствие единой методологической базы.

С методологической точки зрения ориентиром для подобных документов должна стать «Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года» – документ, претворяющий в жизнь теорию стратегии и методологию стратегирования и подтверждающий, что

стратегия – это практико-ориентированная наука²⁵⁶. Кемеровская область при этом, как было отмечено ранее, также во многом полагается на природно-ресурсный потенциал региона, но сформированные контуры стратегических приоритетов демонстрируют, что регион ориентирован на комплексное развитие во многих сферах, и при этом в центре стоит человек и качество жизни. Именно подобный ориентир должен быть взят за основу каждой стратегии, в том числе в ресурсоориентированных регионах, а сама стратегия должна быть нацелена на его достижение.

Нельзя, однако, не отметить, что в проанализированных стратегиях есть и явные плюсы, а именно взаимосвязь со стратегиями верхнего уровня – особенно это момент подчеркивается во взаимосвязи со стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации. Данное условие обязательно должно быть учтено при разработке стратегий, так как подобные документы верхнего уровня конкретизируют и детализируют национальные интересы, а в процессе их реализации возможно возникновение синергетического эффекта за счет совместных усилий на национальном и региональном уровне.

Учитывая указанное выше отсутствие единой методологии, вопрос разработки региональных стратегий ресурсоориентированных регионов целесообразно начать с построения концептуальной модели, которая будет включать в себя:

- схему и отличительные особенности анализа трендов и внешней среды ресурсоориентированных регионов;
- алгоритм и акценты анализа внутренней среды ресурсоориентированных регионов;
- особенности формирования миссии и ключевые аспекты, на которые должно обращать первоочередное внимание;
- порядок определения приоритетов ресурсоориентированных регионов и оценку эффектов от их реализации;

---

²⁵⁶ Герелишин Р.И. Применение методологии стратегирования на региональном уровне: возможности и преимущества // Управленческое консультирование. – 2023. – № 4. – С. 93–107.

– акценты в части формирования сценарных условий для ресурсоориентированных регионов.

2.3. Построение концептуальной модели стратегирования социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов

Отправной точкой процесса стратегирования является мониторинг внешней среды и анализ трендов. Целями данного процесса является выявление тенденций, которые определяют параметры будущей внешней среды, «образ будущего», в котором будет функционировать объект стратегирования, и поиск потенциальных возможностей и угроз, которые будут влиять на выбранный объект. От того, насколько точно будут выявлены и интерпретированы тренды и их влияние на конкретный объект стратегирования, будет зависеть, насколько эффективной будет разработанная стратегия. На этом этапе для разработчиков стратегии важен синтез прогностических навыков, профессиональных знаний и интуиции, так как сформировать будущий образ среды невозможно в отсутствие хотя бы одного из этих элементов. Уже на данном этапе «важную роль начинают играть уникальные характеристики каждого региона, отражающие социально-экономический, технологический, культурный, экологический, институциональный профиль и обуславливающие различия в функциях реакции на одни и те же изменения внешней среды»²⁵⁷.

Анализ трендов, будучи неотъемлемой частью стратегических исследований находит отражение в работах академика А.Г. Аганбегяна²⁵⁸, академика В.Л. Квинта²⁵⁹, академика В.В. Окрепилова²⁶⁰, академика

---

²⁵⁷ Герелишин Р.И. Анализ влияния стратегических трендов: методологический аспект и применение на региональном уровне // Управленческое консультирование. – 2024. – № 1. – С. 198–214.

²⁵⁸ Аганбегян А.Г. О преодолении стагнации, рецессии и достижении пятипроцентного роста // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 2 (60). – С. 17-23.

²⁵⁹ Квинт В.Л. Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России // Экономика промышленности/Russian Journal of Industrial Economics. – 2020. – Т. 13. – №. 3. – С. 290-299.

²⁶⁰ Окрепилов В.В. и др. Обеспечение устойчивого развития экономических агентов методами менеджмента качества в эпоху цифровизации // Экономическая наука современной России. – 2021. – №. 2 (93). – С. 81-100.

В.Л. Макарова и члена-корреспондента РАН А.Р. Бахтизина²⁶¹, члена-корреспондента РАН С.Д. Бодрунова²⁶², Д.М. Журавлева²⁶³, В.А. Шамахова²⁶⁴, С.Н. Растворцевой и И.В. Манаевой²⁶⁵, И.В. Новиковой²⁶⁶, Л.И. Власюк²⁶⁷, М.К. Алимурادова²⁶⁸. В рассмотрение включаются тренды различного уровня от глобальных до локальных, которые при этом еще и дифференцированы по сфере влияния: экономические, политические, технологические, культурные и иные. Схематически эти тренды можно представить следующим образом (Рисунок 14).

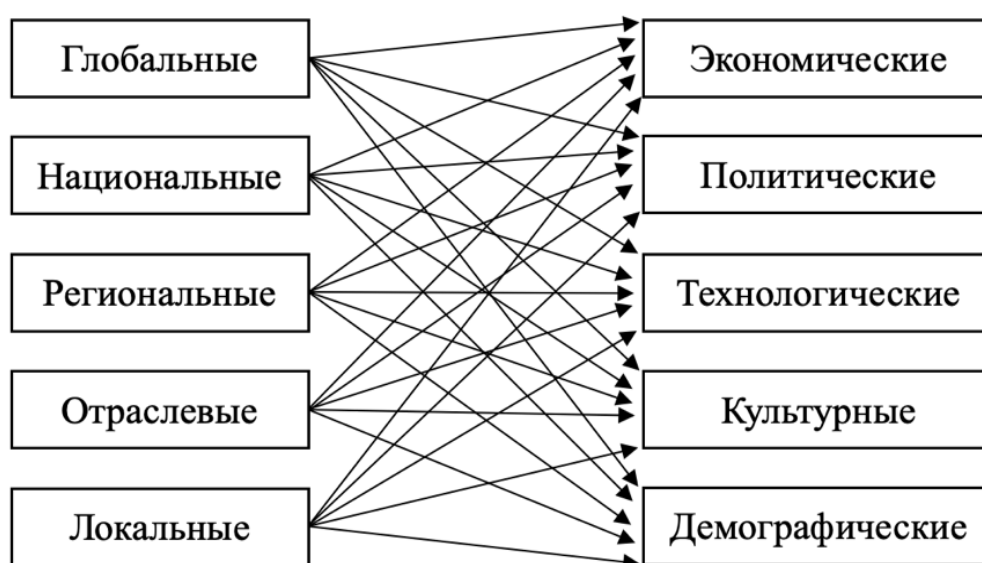

Рисунок 14 – Схематическое отражение группировки трендов по признаку «масштаб влияния – сфера влияния»

Источник: Герелишин Р.И. Анализ влияния стратегических трендов: методологический аспект и применение на региональном уровне // Управленческое консультирование. – 2024. – № 2. – С. 198-214.

²⁶¹ Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Долгосрочное демографическое прогнозирование в новых реалиях // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 235. – № 3. – С. 85-94.

²⁶² Бодрунов С.Д. Мировые тренды экономического развития: роль и место России // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2023. – Т. 241. – № 3. – С. 52–60.

²⁶³ Журавлев Д.М., Чаадаев В.К. Стратегические инструменты роста промышленного сектора экономики в условиях шестого большого цикла Кондратьева // Экономика промышленности/Russian Journal of Industrial Economics. – 2023. – Т. 16. – № 3. – С. 253-262.

²⁶⁴ Шамахов В.А., Межевич Н.М. Тенденции развития в глобальной экономике как предпосылка для изменений на рынке труда // Управленческое консультирование. – 2019. – № 5 (125). – С. 9-17.

²⁶⁵ Растворцева С.Н., Манаева И.В. Методический инструментарий формирования стратегических направлений регионально-отраслевого развития города // Экономика промышленности/Russian Journal of Industrial Economics. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 423-433.

²⁶⁶ Новикова И.В. Стратегирование развития трудовых ресурсов: основные элементы и этапы // Стратегирование: теория и практика. – 2021. – Т. 1. – № 1. – С. 57–65.

²⁶⁷ Чхотуа И.З., Власюк Л.И. Стратегический анализ конкурентных преимуществ региона в контексте развития промышленного туризма // Стратегирование: теория и практика. – 2021. – Т. 1. – № 2. – С. 190–205.

²⁶⁸ Алимуратов М.К. Элементы и этапы разработки региональных финансовых стратегий // Стратегирование: теория и практика. – 2022. – Т. 2. – № 2. – С. 199–211.

Представленная схема отражает лишь потенциальное количество трендов, однако необходимо учитывать, что возможна ситуация, что тренды связаны и дают кумулятивный эффект, как возможна и обратная ситуация, в которой тренды нивелируют влияние друг друга. Последовательное изучение подобного числа трендов с учетом того, что они носят временный характер, стало бы нереалистичной задачей, поэтому разработчикам стратегии принципиально важно проводить анализ релевантности и в случае ее отсутствия исключать подобный тренд из рассмотрения, то есть процесс должен выглядеть следующим образом (Рисунок 15).

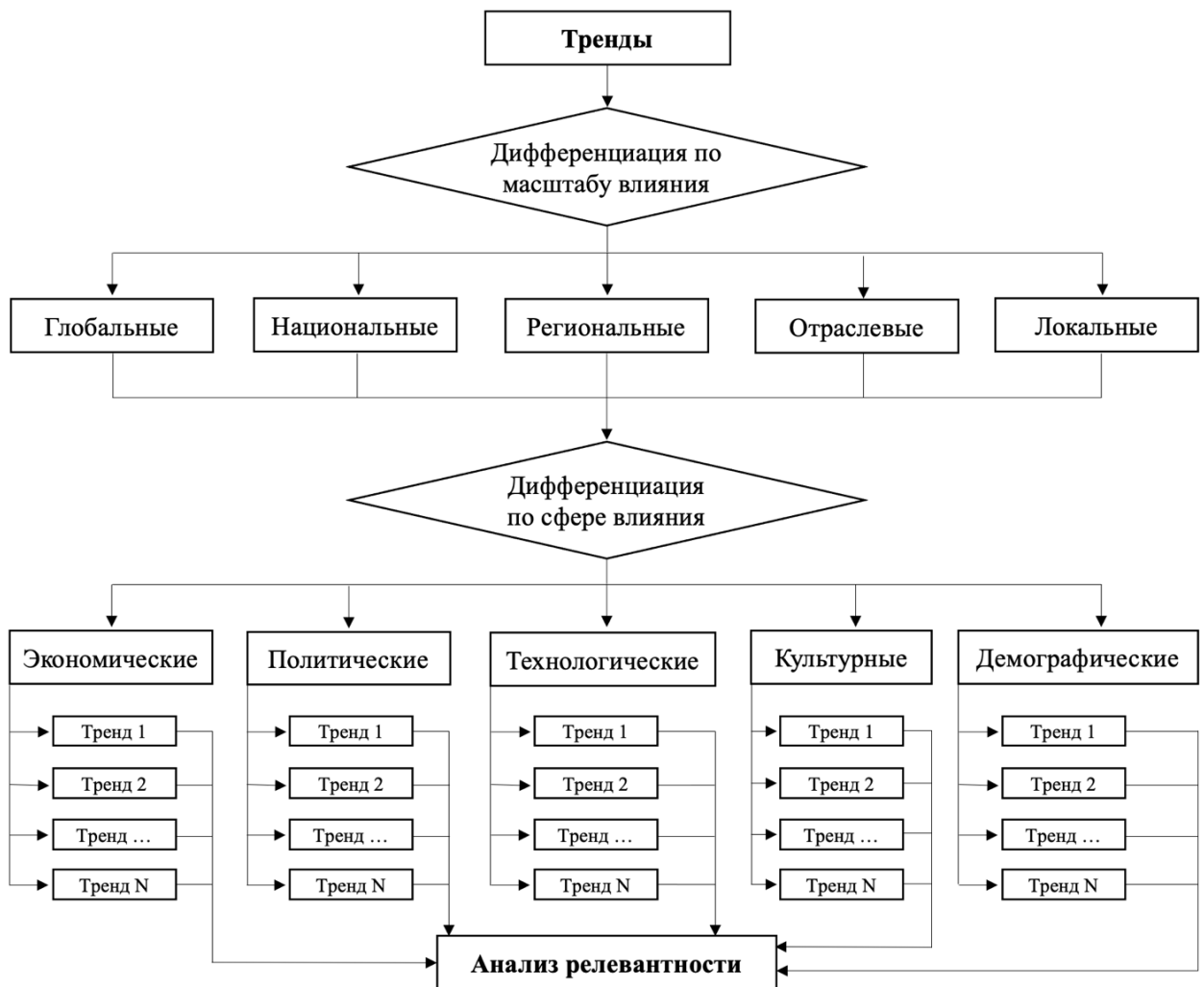

Рисунок 15 – Классификация трендов с учетом анализа на релевантность

Источник: Герелишин Р.И. Анализ влияния стратегических трендов: методологический аспект и применение на региональном уровне // Управленческое консультирование. – 2024. – № 2. – С. 198-214.

После того, как тренды выявлены и предварительно отнесены к категории релевантных необходимо переходить к их содержательной интерпретации – на этом этапе нужно учитывать ряд принципиальных моментов (Таблица 13).

Таблица 13 – Принципиальные моменты при анализе трендов

№	Принципиальные моменты при анализе трендов	Комментарий
1	Каналы влияния тренда и трансмиссионные механизмы	Определение влияние тренда – аналитическая задача, сложность которой обуславливается тем, что каждый тренд содержит несколько каналов влияния (чем более масштабный тренд, тем больше потенциальных каналов влияния на объект стратегирования). Целесообразно декомпозировать тренд на максимально возможное интерпретируемое количество каналов влияния, в которых может быть оценен трансмиссионный механизм – это позволит получить аппроксимацию влияния конкретного тренда на объект стратегирования даже с учетом того, что характер взаимосвязи может быть нелинейным.
2	Фаза тренда	Жизненный цикл трендов логически близок жизненным циклам товаров: тренды проходят стадию зарождения, расширения влияния вплоть до пика, после чего начинается спад с последующей сменой тренда (либо видоизменением существовавшего). По продолжительности тренды также могут быть различными – в этом прослеживается сходство с экономическими циклами, которые могут быть длительными (подобно циклам Н.Д. Кондратьева ²⁶⁹ достигать десятков лет) и менее продолжительными (подобным циклам Нобелевского лауреата С. Кузнецова ²⁷⁰ , Дж. Китчина ²⁷¹ и К. Жюгляра). Важно учитывать продолжительность тренда и его фазу в момент анализа ввиду детерминирующего фактора времени, так как затухающие тренды в меньшей степени определяют будущее состояние среды и могут уже не создавать «окно возможностей». Важность учета фазы трендов в процессах стратегирования отмечается в работе Н.И. Сасаева ²⁷² .
3	Совместное влияние	Тренды могут быть зависимыми и независимыми. Независимые тренды могут анализироваться как по отдельности, так и совместно – ввиду отсутствия взаимовлияния эффекты не будут суммироваться или нивелировать друг друга. Иная ситуация складывается при анализе зависимых трендов, так как они могут давать совместный эффект (синергия). Но тренды могут и противоречить друг другу – подобный антагонизм возможен как в культурно-ценностном плане, так и в экономическом (тренд на глобализацию и снижение международных барьеров в вопросах формирования и развития глобального рыночного пространства противоречит тренду на введение односторонних санкций в отношении отдельных государств и попыток дезинтеграции из мировой системы хозяйствования). Данные случаи должны рассматриваться и анализироваться отдельно с учетом национальных интересов.

Источник: составлено автором

²⁶⁹ Кондратьев Н.Д. Большие циклы экономической конъюнктуры // Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика. – 2002. – С. 341–400.

²⁷⁰ Kuznets S.S. Secular movements in production and prices: their nature and their bearing upon cyclical fluctuations // Boston: Houghton Mifflin, 1930.

²⁷¹ Kitchin J. Cycles and trends in economic factors // The Review of economic statistics. – 1923. – P. 10–16.

²⁷² Сасаев Н.И. Теоретико-методологические основы стратегического анализа трендов в отраслевом стратегировании // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2021. – № 4. – С. 5–15.

Схематически декомпозиция трендов, упомянутая в п. 1 предыдущей таблицы, выглядит следующим образом (Рисунок 16):

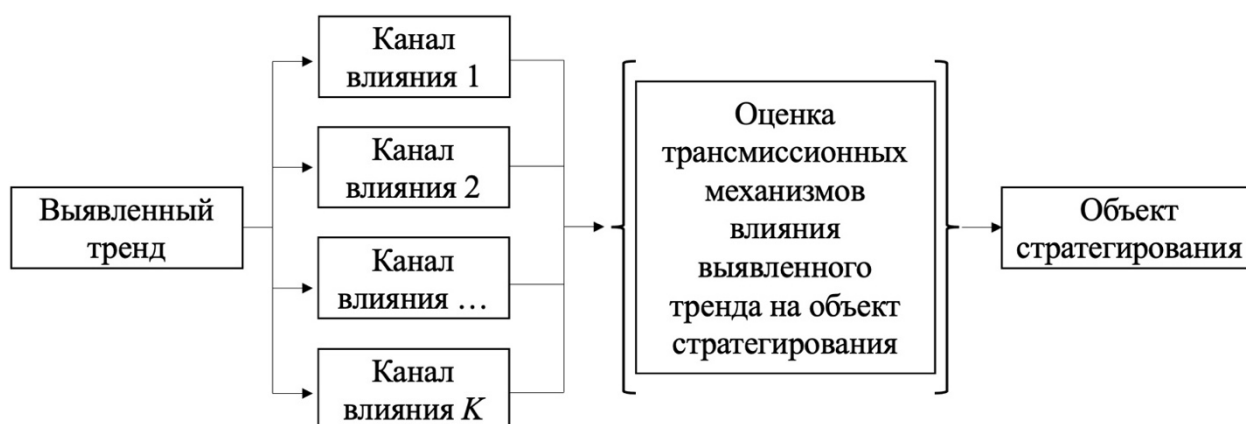

Рисунок 16 – Схема анализа каналов влияния и трансмиссионных механизмов при анализе трендов

Источник: Герелишин Р.И. Анализ влияния стратегических трендов: методологический аспект и применение на региональном уровне // Управленческое консультирование. – 2024. – № 2. – С. 198-214.

Каждому тренду в ходе анализа дается концептуально-смысловая оценка – трактовка в терминах методологии стратегирования как возможности или как угрозы. С учетом многоканальности влияния оценка декомпозированного тренда может быть упрощенно математически формализована следующим образом:

$$y = \operatorname{sgn} \left(\sum_{i=1}^n a_i x_i \right), \quad (10)$$

где a_i принимает значение 1 (если трансмиссионный механизм положительный, то есть благоприятствует развитию объекта стратегирования и является возможностью) или -1 (в противном случае, то есть если тренд представляет собой угрозу), а x_i представляет собой оценку степени влияния i -того механизма на объект стратегирования (мощь канала влияния). Оценка x_i может носить как экспертный характер (конкретные балльные градации не столь важны – главное, чтобы они были едиными для группы экспертов и одинаковыми для анализируемых каналов влияния тренда), так и формулироваться по итогам эконометрического или статистического анализа. В случае групповой

экспертной оценки целесообразна проверка степени согласованности мнения экспертов путем расчета коэффициента конкордации Кендалла²⁷³:

$$\widehat{W}(m) = \frac{12}{m^2(n^3 - n)} \sum_{i=1}^n \left(\sum_{j=1}^m x_i^{(kj)} - \frac{m(n+1)}{2} \right)^2, \quad (11)$$

в котором m – число стратегов в группе разработчиков стратегии, n – число каналов влияния в декомпозированном тренде, $x_i^{(kj)}$ – ранг i -того канала (на базе силы влияния), оцененный j -ым стратегом. В случае если оценки силы влияния будут совпадать или будут близкими, то коэффициент будет близким к единице, а значит мнение группы будет согласованным. В противном случае требуется проведение обсуждений, по итогам которого должна появиться согласованная оценка силы влияния отдельных каналов. Удобным форматом представления информации может являться следующая форма (Таблица 14).

Таблица 14 – Табличный формат представления результатов анализа влияния тренда на объект стратегирования

Характеристика	КАНАЛ № 1	КАНАЛ № 2	КАНАЛ № ...	КАНАЛ № N
<i>Выявленный тренд</i>				
Наименование	...	...	...	...
Описание влияния на объект стратегирования	...	...	...	...
Знак влияния (параметр a_i формулы 1)	a_1	a_2	...	a_n
Мощь канала влияния (параметр x_i формулы 1)	x_1	x_2	...	x_n
Оценка канала влияния	a_1x_1	a_2x_2	...	a_nx_n
Итог по тренду (количественный)	$y = \text{sgn} (a_1x_1 + a_2x_2 + \dots + a_nx_n)$			
Итог по тренду (качественный)	<i>Текстовое описание результата анализа влияния тренда</i>			

Источник: Герелишин Р.И. Анализ влияния стратегических трендов: методологический аспект и применение на региональном уровне // Управленческое консультирование. – 2024. – № 2. – С. 198-214.

Представленный алгоритм упрощен и довольно универсален, так как может быть адаптирован как для отраслевого, так и для корпоративного стратегирования. Предметный интерес в данном случае представляет не только интегральная оценка по всем каналам влияния, но и каждый канал по

²⁷³ Айвазян С.А. Методы эконометрики: учебник – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010. С. 107.

отдельности, так как позволяет смоделировать потенциальные связи для предстоящих этапов стратегирования. При этом анализ трендов в процессе стратегирования развития ресурсоориентированных регионов ввиду их специфики сопряжен с рядом особенностей (Таблица 15).

Таблица 15 – Особенности анализа трендов в процессе стратегирования развития ресурсоориентированных регионов

№	ОСОБЕННОСТЬ	КОММЕНТАРИЙ
1	Акцент на первоочередной необходимости учета конъюнктуры рынка энергоносителей	Мировые цены на энергоносители и их динамика должны анализироваться для всех объектов стратегирования (влияние на издержки, влияние на курс национальной валюты и иные механизмы), однако для ресурсоориентированных регионов – это первостепенный вопрос: от этого напрямую зависят ВРП, доходная часть бюджета (в федеративных государствах в том числе федерального бюджета), а значит возможность исполнения социальных обязательств, рынки сбыта и конкуренция на них. Эта чувствительность должна стать отправной точкой стратегического развития подобных регионов, которая в целевом исполнении должна быть снижена.
2	Высокая чувствительность к технологическому развитию в отрасли добычи природных ископаемых	Инновационные методы добычи природных ископаемых у конкурентов способны сделать производственный процесс более эффективным, а значит дать преимущество в конкурентной борьбе за рынки сбыта, нивелировав явные конкурентные преимущества ресурсоориентированных регионов. Ресурсоориентированным регионам (в том числе за счет межрегиональной и межотраслевой интеграции) необходимо разрабатывать асимметричные решения для поддержания конкурентоспособности.
3	Экологический вектор	Вопросы экологической повестки набирают все большую значимость, в связи с чем выходят на уровень национальных директив для регионального уровня. В регионах с развитой системой эксплуатации природно-ресурсного потенциала остро стоит вопрос недопущения/минимизации негативного влияния на экологические системы и биоразнообразие, а в ресурсоориентированных регионах, к которых зачастую имеется слой малочисленных народов с кочевым образом жизни – это еще и вопрос социального характера. Вопросам экологии, в том числе в контексте стратегирования, посвящены работы А.В. Мяскова ²⁷⁴ и Л.И. Власюк ²⁷⁵ , выводы из которых целесообразно имплементировать в процесс разработки региональных стратегий. При этом экологическое развитие может выделяться в отдельный контур, например, как это сделано в коллективной монографии под научной редакцией В.Л. Квинта «Стратегирование экологического развития Кузбасса» ²⁷⁶ .
4	Кадровый потенциал и борьба за кадровые ресурсы	Ресурсоориентированные регионы зачастую расположены в регионах с экстремальными климатическими условиями и в меньшей степени развитыми объектами социальной инфраструктуры. Для того, чтобы кадровый потенциал таких регионов не снижался необходимо учитывать

²⁷⁴ Мясков А.В. и др. Системные особенности экологического мониторинга при формировании территориальных проектов северного морского пути // Мониторинг. Наука и технологии. – 2018. – № 5. – С. 7–14.

²⁷⁵ Власюк Л.И. Стратегический приоритет экологизации экономики Кузбасса: фонд рекультивации земель // Управленческое консультирование. – 2021. – № 2 (146). – С. 69-78.

²⁷⁶ Стратегирование экологического развития Кузбасса / под научной редакцией В.Л. Квинта – Кемерово: КемГУ, 2021. – 416 с.: ил. – (Библиотека «Стратегия Кузбасса»).

		условия, создаваемые внешней средой, и разрабатывать асимметричные решения для сохранения трудовых ресурсов и обеспечения высоких стандартов качества жизни, а для этого зачастую недостаточно инструментов финансовой мотивации, которой могло бы быть достаточно в других регионах. В части данных вопросов при разработке региональных стратегий целесообразно использовать наработки И.В. Новиковой ²⁷⁷ .
5	Конкурентное развитие социальной инфраструктуры	Развитие «умных городов», повышение доступности цифровых сервисов и иные преимущества от внедрения информационных технологий в повседневную жизнь в совокупности с более развитой социальной инфраструктурой в регионах-конкурентах могут послужить причиной для интенсификации оттока населения, что негативным образом скажется на регионе-доноре. В этой связи ресурсоориентированным регионам необходимо, как минимум, поддерживать подобные тренды, а в целевом состоянии – быть в авангарде внедрения подобных решений в населенных пунктах региона.
6	Туристические потоки	В современных условиях ограничения возможностей для иностранного туризма активно открываются возможности для развития внутреннего туризма. В конкурентной среде ресурсоориентированным регионам необходимо изыскивать возможности для создания туристических кластеров и в целом для развития направлений экстремального туризма и промышленного туризма, а также развития выставочно-ярмарочной деятельности. Вопросы стратегирования туристической отрасли рассматриваются в работах И.З. Чхотуа ²⁷⁸ , а также в коллективной монографии «Стратегирование отрасли туризма и выставочно-ярмарочной деятельности в Кузбассе» ²⁷⁹ под научной редакцией В.Л. Квинта.

Источник: Герелишин Р.И. Стратегирование социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов (на материалах Ямало-Ненецкого автономного округа): монография / Р.И. Герелишин; под науч. ред. В. Л. Квинта. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2024. – 226 с. – (Библиотека стратега).

После того, как тренды выявлены и проанализированы, сформированы перечни возможностей и угроз, создаваемых внешней средой, то есть сформирован специфический прогноз для объекта стратегирования, необходимо переходить к анализу внутренней среды. Согласно В.Л. Квинту²⁸⁰ порядок анализа на данном этапе выглядит так: технологические и научные ресурсы – существующее оборудование и инфраструктура – капитал – работники – сырье и комплектующие. На данном этапе необходимо мыслить шире простой статистики – нужно выявлять конкурентные преимущества, определять сильные и слабые стороны, но не «в вакууме», а во взаимосвязи с

²⁷⁷ Новикова И.В. Стратегирование занятости населения как механизм минимизации ее неустойчивости // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – № 2 (208). – С. 71–77.

²⁷⁸ Чхотуа И.З., Власюк Л.И., Задорожная Г.В. Развитие промышленного туризма в регионах России: стратегический анализ // Экономическое возрождение России. – 2021. – № 4 (70). – С. 156–174.

²⁷⁹ Стратегирование отрасли туризма и выставочно-ярмарочной деятельности в Кузбассе: монография / под научной редакцией В. Л. Квинта. – Кемерово: КемГУ, 2021. – 371 с.: ил. – (Библиотека «Стратегия Кузбасса»).

²⁸⁰ Квинт В.Л. Концепция стратегирования. Т.1. – СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2022. – 132 с.: ил. – (Библиотека стратега).

выявленными трендами. Важно понимать, что этот этап не представляет собой срез социально-экономических и иных показателей, так как нужна интерпретация, скрыты ли за этими показателями конкурентные преимущества перед другими регионами, способные обеспечить успех в долгосрочной перспективе. В ресурсоориентированных регионах первоочередным преимуществом являются ресурсы (как фактор ресурсообеспеченности), однако они будут преимуществом лишь пока на них имеется устойчивый спрос, а значит для этих регионов поиск конкурентных преимуществ или путей их создания вне контура природно-ресурсного потенциала – это вопрос чрезвычайной важности. Концептуальную схему анализа внутренней среды можно представить следующим образом (Рисунок 17).

Рисунок 17 – Концептуальная схема анализа внутренней среды ресурсоориентированного региона

Источник: Герелишин Р.И. Этапы разработки концептуальной модели стратегирования социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов // Стратегирование: теория и практика. – 2024. – Т. 4. – № 3. – С. 326-340.

Интегральные результаты предшествующих этапов оформляются в матрице OTSW-анализа, элементы которой должны раскрывать возможности и

угрозы, создаваемые внешней средой, а также сильные и слабые стороны, которые помогают раскрыть механизмы реализации возможностей и купирования угроз, а также создавать информационную основу риск-ориентированного управления.

Следующим этапом разработки стратегии ресурсоориентированного региона является разработка миссии. Акценты в миссиях ресурсоориентированных регионов должны делаться на следующем:

– повышение качества и обеспечение высочайших стандартов жизни населения;

Центром любой стратегии должен быть человек, и стратегии ресурсоориентированных регионов не исключение. Напротив, в таких регионах данное требование должно быть первостепенным, так как для населения должны быть созданы стимулы, мотивирующие их жить и работать именно в этих регионах, а не просто относиться к ним как к промежуточным этапам процесса миграции, при этом компенсируя негативное влияние, обусловленное непростыми природными условиями и зачастую удаленностью от крупных центров с более развитой инфраструктурой.

– обеспечение энергетической, экономической, экологической и национальной безопасности;

Природно-ресурсный потенциал, сконцентрированный в регионах в совокупности с выстроенной системой его эксплуатации является залогом энергетической и экономической безопасности всей страны. Важным тезисом миссии должна являться экологическая ответственность в регионе, минимизирующая ущерб сложившимся экологическим системам. С учетом расположения отдельных ресурсоориентированных регионов в Арктической зоне Российской Федерации появляется также и положение об обеспечении национальной безопасности Российской Федерации в Арктике.

– инновационная компонента;

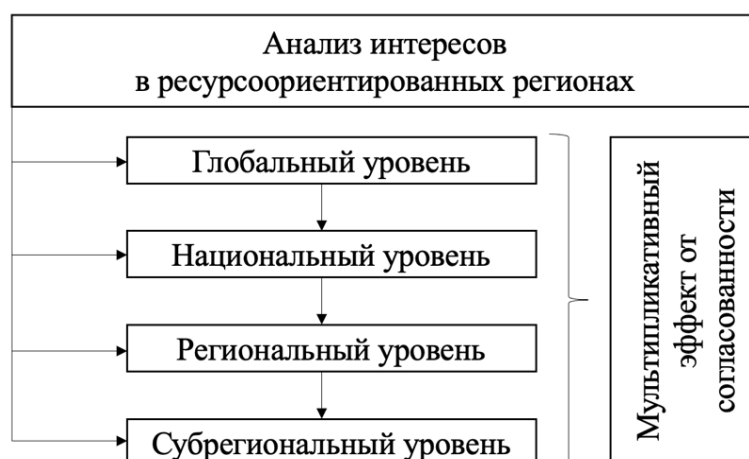
Достижение конкурентоспособности в современном мире без инновационной составляющей крайне затруднительно. Новые технологические решения или процессные инновации повышают эффективность и содействуют росту конкурентоспособности на каждом уровне: от национального до локального. В ресурсоориентированных регионах должны быть созданы условия для продуцирования инноваций (с акцентом на ключевой отрасли добычи полезных ископаемых) с потенциалом тиражирования решений и применения в смежных отраслях, но при этом должно стимулироваться применение инновационных технологий из смежных отраслей – то есть должна быть обеспечена среда, способствующая созданию, трансферу и имплементации инновационных решений.

– сохранение культурно-исторического фонда региона;

Российская Федерация является многонациональной и многоконфессиональной страной, в которой каждый регион представляет собой уникальную культурно-историческую единицу. Сохранение и поддержка этих особенностей важны не только с точки зрения исторической памяти, связи поколений и поддержки региональных этнических групп, но и с экономической точки зрения – подобное конкурентное преимущество способно стать драйвером развития туризма в регионе.

Представленный перечень не является исчерпывающим и должен дополняться с учетом локальных особенностей ресурсоориентированного региона, его интересов и ценностей.

Интересы, как одна из отправных точек стратегии, как науки, создают концептуально-идеологическую основу миссии, однако необходимо учитывать, что интересы в части объекта стратегирования выходят далеко за рамки самого объекта – это отчетливо видно на примере регионов, хоть и релевантно отраслевому и корпоративному стратегированию в меньшей степени. В этой связи в процессе стратегирования важно учитывать интересы различного уровня, выявлять, как эти интересы зафиксированы и какой эффект это может дать объекту стратегирования (Рисунок 18).

Рисунок 18 – Иерархия интересов в ресурсоориентированных регионах

Источник: Герелишин Р.И. Этапы разработки концептуальной модели стратегирования социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов // Стратегирование: теория и практика. – 2024. – Т. 4. – № 3. – С. 326-340.

Глобальный уровень интересов включает в себя программы, инициативы и проекты надгосударственного масштаба, например, Цели устойчивого развития ООН²⁸¹ и документы, программы, стратегии, регулирующие отношения стран-участников международных организаций – для Российской Федерации в первую очередь необходимо учитывать подобные документы Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС и ЕАЭС. Для ресурсоориентированных регионов в силу их специфики важно опираться также на документы и решения ОПЕК.

Интересы национального уровня закрепляются в виде Национальных проектов Российской Федерации²⁸², отраслевых и территориальных стратегий развития, а также крупных организаций, реализующих проекты национального масштаба. Для выявленной группы ресурсоориентированных регионов также важно учитывать положения «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года»²⁸³ и составленную на их базе «Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения

²⁸¹ «Цели в области устойчивого развития» ([https:// www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/](https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/); дата обращения: 20.05.2024)

²⁸² «Национальные проекты» ([http:// government.ru/rugovclassifier/section/2641/](http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/); дата обращения: 20.05.2024)

²⁸³ «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» ([http:// www.scrf.gov.ru/security/economic/Arctic2035/](http://www.scrf.gov.ru/security/economic/Arctic2035/); дата обращения: 20.05.2024)

национальной безопасности на период до 2035 года»²⁸⁴. В соответствии с решением Правительства Российской Федерации был определен «перечень опорных населенных пунктов в Арктической зоне РФ, которые станут базой для реализации экономических и инфраструктурных проектов»²⁸⁵, в их число вошли среди прочих г. Нарьян-Мар (Ненецкий автономный округ), г. Тикси и г. Найба (Республика Саха), г. Певек и г. Анадырь (Чукотский автономный округ), г. Новый Уренгой, г. Салехард (с учетом г. Лабытнанги) и г. Ноябрьск (Ямало-Ненецкий автономный округ)²⁸⁶, что открывает новые перспективы не только для перечисленных городов, но и для их агломераций и регионов в целом. Арктический регион исторически представляет предметный интерес как для научных исследований, так и с точки зрения реализации крупных стратегически значимых проектов. По этой причине исследованиям Арктики посвящено множество работ в области стратегирования: например, в работах А.М. Фадеева изучается проблематика технологического суверенитета российской нефтегазовой отрасли, в частности в контексте реализации арктических проектов²⁸⁷, вопросы управления рисками при реализации арктических шельфовых проектов²⁸⁸, а также вопросы стратегического управления нефтегазовым комплексом в Арктике²⁸⁹. В исследованиях С.М. Никонорова рассматриваются проблемы измерения устойчивости развития Арктической зоны²⁹⁰, исследуется концептуальное видение Китая в

²⁸⁴ «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» ([http:// www.scrf.gov.ru/security/economic/Arctic_strategy/](http://www.scrf.gov.ru/security/economic/Arctic_strategy/); дата обращения: 20.05.2024)

²⁸⁵ «Правительство РФ утвердило перечень опорных городов и районов для развития Арктики» ([https:// arctic-russia.ru/news/pravitelstvo-rf-utverdilo-perechen-opomnykh-gorodov-i-rayonov-dlya-razvitiya-arktiki/](https://arctic-russia.ru/news/pravitelstvo-rf-utverdilo-perechen-opomnykh-gorodov-i-rayonov-dlya-razvitiya-arktiki/); дата обращения: 20.05.2024)

²⁸⁶ *Герелишин Р.И.* Роль ресурсоориентированных регионов в стратегировании развития Арктической зоны России // Теория и практика стратегирования: VII Международная научно-практическая конференция (30-31 мая 2024 г.). Арктический Университариум Стратега: сб. избранных научных статей и материалов конференции / под. науч. ред. В.Л. Квинта – Мурманск-Апатиты: Издательство Кольского научного центра, 2024 – (Серия «Экономическая и финансовая стратегия». Том XV) – С. 81–90.

²⁸⁷ *Фадеев А.М.* Стратегические приоритеты обеспечения технологической независимости при реализации энергетических проектов в Арктике // Стратегирование: теория и практика. – 2022. – Т. 2. – № 1. – С. 88–105.

²⁸⁸ *Спирidonov А.А., Фадеев А.М.* Стратегическое управление рисками освоения арктических шельфовых месторождений // Экономика промышленности/Russian Journal of Industrial Economics. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 36–48.

²⁸⁹ *Фадеев А.М., Череповицын А.Е., Ларичкин Д.Ф.* Стратегическое управление нефтегазовым комплексом в Арктике: монография / А.М. Фадеев, А.Е. Череповицын, Д.Ф. Ларичкин. – Апатиты: КНЦ РАН. – 2019. – 289 с.

²⁹⁰ *Никоноров С.М.* и др. Проблемы измерения устойчивости развития Арктического региона // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2019. – № 4. – С. 107–121.

отношении развития Арктики²⁹¹, изучается потенциал возобновляемых энергетических ресурсов и проблематика их финансирования^{292, 293}, а также в исследованиях В.А. Шамахова, в том числе касающихся вопросов национальной безопасности в Арктике²⁹⁴, получающих особую значимость с учетом принятия указанной стратегии, особенно в контексте политической нестабильности.

Региональный уровень интересов характеризуется структурой межрегиональных взаимодействий, так как цепочки накопления стоимости и производственные цепочки зачастую являются межрегиональными. Отдельно нужно отметить роль межрегиональных взаимодействий внутри федеральных округов, которые выступают в качестве «институциональной формы организации дифференцированных мезоэкономических пространств с целевой функцией интеграции входящих в его состав регионов для повышения их конкурентоспособности, устойчивости и безопасности»²⁹⁵. Для ресурсоориентированных регионов важен анализ взаимодействий с промышленными регионами, в которых ресурсы используются в обрабатывающей промышленности, и регионами, входящими в состав существующих и перспективных логистических цепочек.

Учет субрегиональных интересов заключается в анализе и включении в региональную стратегию интересов муниципальных образований, входящих в состав региона – с позиции регионального стратегирования это один из нюансов, наиболее часто не включаемых и не анализируемых, что делает

---

²⁹¹ Никонов С.М. Концепция Китайской Народной Республики по развитию Арктики // АРКТИКА 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. – 2021. – № 2. – С. 44–53.

²⁹² Никонов С.М. Применение элементов зелёного финансирования экопроектов в регионах АЗРФ // АРКТИКА 2035. – 2021. – № 4 (8) – С. 75–79.

²⁹³ Никонов С.М. и др. Анализ и оценка потенциала развития топливно-энергетического комплекса региона (на примере Мурманской области) // АРКТИКА 2035. – 2022. – № 3 (11) – С. 41–50.

²⁹⁴ Шамахов В.А., Ковалев А.А. Особенности политики безопасности Арктического региона: повестка 2019 года // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 30–40.

²⁹⁵ Мирзоев Р.С. Межрегиональные взаимодействия в российском экономическом пространстве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. – 2011. – Т. 3. – № 1. – С. 96–101.

региональную стратегию заведомо не реализуемой, так как муниципальные районы – это место, где региональные стратегии воплощаются в жизнь.

Представленная на рисунке (Рисунок 18) схема, логически близкая к схеме анализа трендов, обобщает вышеизложенное, но ключевым в ней является то, что, как отмечают В.Л. Квинт, И.В. Новикова и М.К. Алимуратов, «согласованность интересов при разработке стратегических приоритетов способна обеспечивать мультипликативный эффект»²⁹⁶. Для оценки возможности получения данного эффекта можно использовать матричную форму (Таблица 16) – необходимо отразить все выявленные интересы в форме квадратной матрицы, симметричной относительно главной диагонали. Элементы матрицы $x_{i,j}$ отражают экспертную оценку степени попарной согласованности интересов. Возможно использование как бинарных оценок (1 в случае пересечения интересов, 0 в случае отсутствия пересечения), так и экспертных оценок по согласованной произвольной шкале – в данном случае подход логически близок к ранее представленной процедуре оценки стратегических трендов (степень согласованности мнения группы также может оцениваться с помощью коэффициента конкордации). Затем рассчитывается сумма по каждой строке (либо по столбцу, что ввиду симметричности матрицы приведет к тем же результатам) – наибольшие суммы позволяют выявить группу интересов, обладающих наибольшим потенциалом синергии. Результаты анализа согласованности интересов можно представить и в табличной форме (Таблица 17) – в этом случае применяется top-down подход: переход от интересов более высокого уровня к более низким уровням, что позволяет первоначально учесть интересы, имеющие наибольший потенциал мультипликативного эффекта, а затем учитывать локально-специфические интересы, продиктованные особенностями объекта стратегирования.

---

²⁹⁶ Квинт В.Л., Новикова И.В., Алимуратов М.К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. – 2021. – Т. 27. – № 11 (193). – С. 900-909.

Таблица 16 – Матричная форма анализа стратегических интересов

Матричная форма представления результатов анализа интересов		Глобальные			Национальные			Региональные			Субрегиональные			Результаты	Комментарий	
		Г1	Г2	Г3	Н1	Н2	Н3	Р1	Р2	Р3	С1	С2	С3			
		i/j	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11			12
Глобальные	Г1	1		X _{1,2}	X _{1,3}	X _{1,4}	X _{1,5}	X _{1,6}	X _{1,7}	X _{1,8}	X _{1,9}	X _{1,10}	X _{1,11}	X _{1,12}	$\sum_{j=1}^n x_{1,j}$	Строка с наибольшей суммой будет отражать выявленный интерес, обладающий наибольшим потенциалом получения мультипликативного эффекта. Для данных интересов целесообразна дополнительная проработка как вариантов реализации интересов, так и вариантов максимизации ресурсного обеспечения за счет межуровневой синергии.
	Г2	2	X _{2,1}		X _{2,3}	X _{2,4}	X _{2,5}	X _{2,6}	X _{2,7}	X _{2,8}	X _{2,9}	X _{2,10}	X _{2,11}	X _{2,12}	$\sum_{j=1}^n x_{2,j}$	
	Г3	3	X _{3,1}	X _{3,2}		X _{3,4}	X _{3,5}	X _{3,6}	X _{3,7}	X _{3,8}	X _{3,9}	X _{3,10}	X _{3,11}	X _{3,12}	$\sum_{j=1}^n x_{3,j}$	
Национальные	Н1	4	X _{4,1}	X _{4,2}	X _{4,3}		X _{4,5}	X _{4,6}	X _{4,7}	X _{4,8}	X _{4,9}	X _{4,10}	X _{4,11}	X _{4,12}	$\sum_{j=1}^n x_{4,j}$	
	Н2	5	X _{5,1}	X _{5,2}	X _{5,3}	X _{5,4}		X _{5,6}	X _{5,7}	X _{5,8}	X _{5,9}	X _{5,10}	X _{5,11}	X _{5,12}	$\sum_{j=1}^n x_{5,j}$	
	Н3	6	X _{6,1}	X _{6,2}	X _{6,3}	X _{6,4}	X _{6,5}		X _{6,7}	X _{6,8}	X _{6,9}	X _{6,10}	X _{6,11}	X _{6,12}	$\sum_{j=1}^n x_{6,j}$	
Региональные	Р1	7	X _{7,1}	X _{7,2}	X _{7,3}	X _{7,4}	X _{7,5}	X _{7,6}		X _{7,8}	X _{7,9}	X _{7,10}	X _{7,11}	X _{7,12}	$\sum_{j=1}^n x_{7,j}$	
	Р2	8	X _{8,1}	X _{8,2}	X _{8,3}	X _{8,4}	X _{8,5}	X _{8,6}	X _{8,7}		X _{8,9}	X _{8,10}	X _{8,11}	X _{8,12}	$\sum_{j=1}^n x_{8,j}$	
	Р3	9	X _{9,1}	X _{9,2}	X _{9,3}	X _{9,4}	X _{9,5}	X _{9,6}	X _{9,7}	X _{9,8}		X _{9,10}	X _{9,11}	X _{9,12}	$\sum_{j=1}^n x_{9,j}$	
Субрегиональные	С1	10	X _{10,1}	X _{10,2}	X _{10,3}	X _{10,4}	X _{10,5}	X _{10,6}	X _{10,7}	X _{10,8}	X _{10,9}		X _{10,11}	X _{10,12}	$\sum_{j=1}^n x_{10,j}$	
	С2	11	X _{11,1}	X _{11,2}	X _{11,3}	X _{11,4}	X _{11,5}	X _{11,6}	X _{11,7}	X _{11,8}	X _{11,9}	X _{11,10}		X _{11,12}	$\sum_{j=1}^n x_{11,j}$	
	С3	12	X _{12,1}	X _{12,2}	X _{12,3}	X _{12,4}	X _{12,5}	X _{12,6}	X _{12,7}	X _{12,8}	X _{12,9}	X _{12,10}	X _{12,11}		$\sum_{j=1}^n x_{12,j}$	

Источник: составлено автором на базе теории стратегии и методологии стратегирования В.Л. Квинта

Таблица 17 – Табличная форма анализа стратегических интересов

Критерий	Глобальный уровень	Национальный уровень	Региональный уровень	Субрегиональный уровень
<i>Выявленный интерес</i>				
Факт выявления	Да/Нет	Да/Нет	Да/Нет	Да/Нет
Способ фиксации	Документ, проект, инициатива, программа, стратегия или иной способ фиксации интереса	Документ, проект, инициатива, программа, стратегия или иной способ фиксации интереса	Документ, проект, инициатива, программа, стратегия или иной способ фиксации интереса	Документ, проект, инициатива, программа, стратегия или иной способ фиксации интереса
Итог	Описание результатов межуровневой важности интереса и выводы о возможности наличия мультипликативного эффекта, а также предварительные результаты возможности использования заинтересованности с целью ресурсного обеспечения реализации интереса.			

Источник: составлено автором на базе теории стратегии и методологии стратегирования В.Л. Квинта

Результаты этого анализа в совокупности с выявленными интересами и ценностями самого объекта стратегирования, а также понимание распределения интересантов позволяют сформулировать контуры стратегических приоритетов, которые впоследствии рассматриваются с позиции обеспеченности конкурентными преимуществами, способствующими реализации приоритетов, или возможностей их создания. Это важно по той причине, что в условиях ограниченности ресурсов и времени приоритеты не могут быть реализованы одномоментно, в связи с чем необходима их градация, одним из ключевых критериев которой является обеспеченность конкурентными преимуществами. Для ресурсоориентированных регионов необходимо провести четкое разграничение природных ресурсов, являющихся объектом добычи и основой формирования конкурентного преимущества – ресурсообеспеченности, с ресурсами в общем смысле, включающими финансовые, трудовые и иные виды ресурсов. При формулировании приоритетов должно учитываться, что они раскрывают практический смысл, то есть на этом этапе происходит переход от концептуально-идеологического уровня к практической составляющей с учетом выявленных интересов, существующих реалий и тенденций внешней и внутренней сред. На первом этапе необходимо сформировать контуры приоритетов, укрупненно

показывающие ключевые направления, которые впоследствии декомпозируются до отдельных приоритетов, порядок реализации которых расшифровывается за счет формирования целевых программ и задач под каждый выбранный приоритет – в наиболее структурированном виде это отражено в «Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года», разработанной в соответствии с методологией научной школы стратегирования В.Л. Квинта.

Для ресурсоориентированных регионов, как было отмечено ранее, можно выделить 2 блока, которые будут содержать контуры приоритетов: условно-типовой блок и локально-специфический блок. Условно-типовой блок должен содержать контуры «Повышение качества жизни населения», «Стратегическая диверсификация» и «Обеспечение экономической, энергетической и национальной безопасности». Локально-специфический блок определяется на базе результатов уже проведенного анализа и может включать довольно широкий диапазон приоритетов, а их включение в стратегию определяется конкурентными преимуществами. В этот блок может входить развитие финансовой сферы, создание и развитие инновационных кластеров, превращение региона в крупный транспортный узел и многое другое.

Однако выбор приоритетов должен осуществляться с учетом ресурсной ограниченности, поэтому необходима система определения степени важности приоритетов. Объективным показателем влияния того или иного приоритета является величина социально-экономического эффекта от его реализации, то есть перед стратегами стоит задача поиска таких приоритетов, которые максимизируют импульс на социально-экономическое развитие региона – для этих целей могут использоваться различные классы эконометрических моделей и иные способы оценки.

Например, в работе К.И. Шаклеина и М.В. Шаклеиной по построению концептуальной модели развития отрасли кролиководства и оценке системообразующего эффекта используется «векторная авторегрессия – система одновременных уравнений, которая состоит из одномерных моделей

ARMA»²⁹⁷, восходящая к работам Нобелевского лауреата К. Симса²⁹⁸ и имеющая вид:

$$\begin{cases} Y_{1t} = a_{11} + b_{11}Y_{t-1} + b_{12}X_{t-1} + \varepsilon_{1t} \\ X_{2t} = a_{21} + b_{21}Y_{t-1} + b_{22}X_{t-1} + \varepsilon_{2t} \end{cases} \quad (12)$$

в которой Y_{1t} и X_{2t} – переменные, a и b – константы и коэффициенты соответственно, а ε_{it} – белый шум. По результатам оценивания модели с помощью МНК авторы строят функции импульсных откликов, которые отражают реакцию ряда на возмущение со стороны выбранной переменной – «в результате функция импульсного отклика демонстрирует время возвращения эндогенной переменной в равновесное состояние при единичном возмущении другой переменной»²⁹⁹.

Данный тип моделей использовался также в работах Н.И. Сасаева в части оценки эффективности реализации приоритетов развития газовой сферы³⁰⁰. При этом автор также использовал ARDL-модели – эконометрические модели авторегрессии с распределенным лагом, которые в общем виде для случая одной экзогенной переменной выглядят следующим образом:

$$y_t = a_0 + \sum_{i=1}^p a_i y_{t-i} + \sum_{j=0}^q b_j x_{t-j} + \varepsilon_t, \quad (13)$$

где y_i – значение ряда, x_j – значение экзогенной переменной, a_i и b_j – коэффициенты, а ε_t – белый шум. Аргументируя выбор данного класса моделей, автор отмечает, что преимущество заключается в возможности разделения оценок на краткосрочные и долгосрочные.

²⁹⁷ Шаклеина М.В., Шаклеин К.И. Построение концептуальной модели развития отрасли и оценка системообразующего эффекта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11. – № 3. – С. 145–161.

²⁹⁸ Sims C.A. Macroeconomics and reality // *Econometrica: journal of the Econometric Society*. – 1980. – P. 1–48.

²⁹⁹ Артамонов Н.В., Артамонов Д.В., Артамонов В.А. Кредитные циклы: эконометрический анализ и выводы для России // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 113–122.

³⁰⁰ Сасаев Н.И. Первичная оценка экономической эффективности стратегических направлений развития газовой отрасли России // Экономика и математические методы. – 2020. – Т. 56. – № 2. – С. 52–65.

Оценку эффектов от реализации стратегических приоритетов можно свести к моделям бинарного выбора, которые могут позволить оценить вероятность наступления какого-либо события (например, повышение индекса, характеризующего качество жизни, или ВРП) в зависимости от различных параметров. Для этого может быть использована логит-модель:

$$P(y_i = 1) = \frac{1}{1 + e^{-(\beta_0 + \beta_1 x_1 + \dots + \beta_n x_n)}}, \quad (14)$$

в которой для оценивания параметров используется метод максимального правдоподобия, а для интерпретации степени влияния факторов на вероятность наступления события y оцениваются предельные эффекты посредством нахождения частной производной по интересующему параметру:

$$\frac{dp}{dx_i} = \frac{e^{-(\beta_0 + \beta_1 x_1 + \dots + \beta_n x_n)}}{(1 + e^{-(\beta_0 + \beta_1 x_1 + \dots + \beta_n x_n)})^2} * \beta_i, \quad (15)$$

однако ввиду того, что значение предельного эффекта зависит от конкретного наблюдения, то необходим расчет среднего предельного эффекта.

Альтернативой этому методу является использование пробит-модели, в которой вместо логистической функции используется функция стандартного нормального распределения при сохранении той же логики расчетов, что и в логит-модели:

$$P(y_i = 1) = \Phi(\beta_0 + \beta_1 x_1 + \dots + \beta_n x_n), \quad (16)$$

а, расчет предельного эффекта осуществляется по формуле:

$$\frac{dp}{dx_i} = \frac{1}{\sqrt{2\pi}} e^{-\left(\frac{(\beta_0 + \beta_1 x_1 + \dots + \beta_n x_n)^2}{2}\right)} \beta_i, \quad (17)$$

Другим возможным способом оценки эффектов от реализации приоритетов является подход, близкий к оценке эффектов от управляющих воздействий – метод разности разностей, являющийся одним из наиболее востребованных методов в эмпирических исследованиях и восходящий к работе Д. Карда и О. Ашенфельтера³⁰¹, посвященной исследованиям эффективности обучения стажеров во взаимосвязи с доходами. Суть данного метода заключается в разделении имеющихся данных на контрольную группу и группу интереса, в которой оценивается определенное воздействие – одним из известных примеров является работа Д. Карда и А. Крюгера³⁰², в которой авторы оценивали изменение занятости в сфере питания после изменения минимальной ставки заработной платы. Модель в данном случае выглядит следующим образом³⁰³:

$$Y_{ist} = \alpha_s + \mu_t + \delta * D_{ist} + \varepsilon_{ist}, \quad (18)$$

где α отражает индивидуальные эффекты группы, μ учитывает временные эффекты до и после воздействия, а δ – интересующий эффект от воздействия. D будет равняться единице, если наблюдение будет относиться к группе интереса и касаться временного периода после воздействия. Путем вычисления математических ожиданий и взятий разностей в группе интереса и контрольной группе, а также последующего взятия разности между этими разностями может быть получен интересующий эффект, в точности равняющийся δ .

Согласно Ф.С. Картаеву³⁰⁴ метод разности разностей может быть сведен к виду линейной множественной регрессии на панельных данных (формула 19),

³⁰¹ *Ashenfelter O.C., Card D.* Using the longitudinal structure of earnings to estimate the effect of training programs. – 1984.

³⁰² *Card D., Krueger A.B.* Minimum wages and employment: A case study of the fast food industry in New Jersey and Pennsylvania. – 1993.

³⁰³ «Дружелюбная эконометрика» ([https:// books.econ.msu.ru/Introduction-to-Econometrics/chap11/11.2/](https://books.econ.msu.ru/Introduction-to-Econometrics/chap11/11.2/); дата обращения: 20.05.2024)

³⁰⁴ *Картаев Ф.С.* Введение в эконометрику. – Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова Москва, 2019. – 472 с.

что позволит дополнять модель иными контрольными переменными, которые могли бы охарактеризовать рассматриваемые группы:

$$Y_{it} = \beta_0 + \beta_1 * x_i + \beta_2 * z_t + \delta * x_i * z_t + \varepsilon_{it}, \quad (19)$$

где x_i и z_t – бинарные переменные, характеризующие наблюдения в зависимости от группы и временного периода.

Очевидно, что для моделирования и оценки эффектов от реализации приоритетов могут использоваться различные классы моделей пространственных данных, временных рядов и панельных данных (в зависимости от конфигурации исследования и целей), однако ключевым требованием является обеспечение максимально возможного приближения к реальности – это требование к моделям обозначается академиком В.Л. Макаровым, членом-корреспондентом РАН А.Р. Бахтизиным и Е.Д. Сушко для того, чтобы «позволять распространять выводы, полученные в результате компьютерных экспериментов, на существующий в действительности объект моделирования»³⁰⁵. Авторы отмечают, что наиболее адекватными с позиции максимизации правдоподобия являются агент-ориентированные модели (мультиагентные модели), которые успешно используются для имитации самых разнообразных процессов. В частности, авторы ссылаются на опыт использования подобных систем для анализа процессов природопользования³⁰⁶, что в наибольшей степени отражает цели настоящего исследования в части ресурсоориентированных регионов.

Помимо этого, для оценок также может использоваться подход, который В.Л. Макаров, С.А. Айвазян, М.Ю. Афанасьев, А.Р. Бахтизин и А.М. Нанавян

³⁰⁵ Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д. Агент-ориентированная социо-эколого-экономическая модель региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 3 (288). – С. 2–11.

³⁰⁶ Bousquet F. (ed.). Companion modeling and multi-agent systems for integrated natural resource management in Asia. – Int. Rice Res. Inst., 2005.

используют для оценки производственного потенциала³⁰⁷, в которой в детерминированную часть добавляется случайная составляющая, отражающая воздействие факторов неопределенности.

Иным способом оценки потенциально может стать использование когнитивного моделирования, которое подходит для анализа сложных слабоструктурированных систем на базе системно-синергетического подхода. Данный подход весьма универсален и используется в разных сферах: как отмечают И.В. Арженовский и А.В. Дахин³⁰⁸ сферы применения когнитивного моделирования весьма обширны и включают в себя экологические процессы, управление объектами недвижимости, принятие решений в агропромышленном комплексе, оценку производительности труда и многое другое. Результатом когнитивного моделирования является ориентированный граф, на вершинах которого располагаются факторы, описывающие моделируемую систему, а дуги представляют собой причинно-следственные связи между факторами. Однако ввиду большого влияния человеческого фактора построению когнитивных карт должна предшествовать концептуальная структуризация (построение концептуальной схемы) – З.К. Авдеева и С.В. Коврига рассматривают SWOT-анализ как один из возможных вариантов для данной структуризации³⁰⁹. Эта логика вполне укладывается в процессы стратегирования, так как на этапе OTSW-анализа уже интерпретируются взаимосвязи возможностей и угроз, а также сильных и слабых сторон объекта стратегирования. Более того, данный подход становится еще более логически наполненным и достоверным в контексте учета интересов различного уровня и интеграции этой информации в когнитивные карты. Помимо этого, подобный подход к моделированию позволяет учитывать

---

³⁰⁷ Макаров В.Л., Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю., Бахтизин А.Р., Нанавян А.М. Оценка эффективности регионов РФ с учетом интеллектуального капитала, характеристик готовности к инновациям, уровня благосостояния и качества жизни населения // Экономика региона. – 2014. – № 4. – С. 9–30.

³⁰⁸ Арженовский И.В., Дахин А.В. Когнитивная регионология: опыт моделирования региональных социально-экономических процессов // Регионология. – 2020. – Т. 28. – № 3 (112). – С. 470–489.

³⁰⁹ Авдеева З.К., Коврига С.В. Эвристический метод концептуальной структуризации знаний при формализации слабоструктурированных ситуаций на основе когнитивных карт // Управление большими системами: сборник трудов. – 2010. – № 31. – С. 6–34.

разные сценарные условия, закладывая различные механизмы влияния одних факторов на другие в зависимости от динамики среды. Этих причин достаточно, чтобы сделать такой же вывод, как авторы из Сибирского отделения Российской академии наук, что «одним из наиболее мощных методов системного анализа является когнитивное моделирование, основанное на построении нечетких когнитивных карт (Fuzzy Cognitive Map)»³¹⁰. В этом же исследовании авторы демонстрируют применение когнитивного подхода к анализу ресурсных регионов на примере Томской области и приходят к выводу, что основные управленческие воздействия должны быть направлены на создание благоприятного инвестиционного климата, хотя и отмечают предварительность полученных результатов ввиду инерционности сценария. Методологические аспекты построения подобных карт, обоснование их адекватности с учетом неопределенности среды и пример построения карты представлены в работе А.К. Белан и В.В. Шмата, которые определяют в своей модели базовые ресурсные факторы, главные хозяйственные комплексы, опосредующие финансовые потоки, обеспечивающие факторы, внешние факторы и целевой фактор – ВВП³¹¹.

Обобщение методов, потенциально подходящих для оценки эффектов от реализации приоритетов, представлено в (Таблица 18).

Таблица 18 – Инструментарий оценки эффектов от реализации стратегических приоритетов

№	Метод	Комментарий в контексте использования в методологии стратегирования
1	Векторные авторегрессии (VAR)	На основе этого типа моделей возможен анализ импульсных откликов, что отражает реакцию ряда на возмущение выбранной переменной и позволяет интерпретировать изменение во всей системе на определенном временном диапазоне.
2	Авторегрессии с распределенным лагом (ARDL)	В отличие от VAR данные модели представляются одним уравнением, а не системой. При этом для различных экзогенных переменных возможны различные лаги, что позволяет более точно оценить эффекты влияния в контексте фактора времени. Помимо

³¹⁰ Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. акад. Кулешова В.В. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – Стр. 204.

³¹¹ Белан А.К., Шмат В.В. Анализ влияния ресурсных и нересурсных факторов на рост экономики Томской области с применением когнитивного подхода // Мир экономики и управления. – 2015. – Т. 15. – № 1. – С. 78–93.

		этого, в модели также учитываются тренды (и сезонность), что имманентно стратегированию, которое не может быть осуществлено в отсутствие учета трендов.
3	Модели бинарного выбора (logit, probit)	Данный тип моделей позволяет оценить вероятности достижения определенных событий, то есть подчеркивает фактор неопределенности – хаос будущего, с которым всегда работают стратегии как в исследованиях, так и на практике. Нахождение предельных эффектов позволяет определить факторы, влияние на которые потенциально способно повысить вероятность достижения желаемых результатов.
4	Метод разности разностей	Данный метод целесообразен для оценки уже произведенных воздействий и эффектов от этого конкретного воздействия в сравнении с объектами, в которых подобные воздействия не проводились. Для оценки потребуется создание контрольных групп, что довольно легко делать в ресурсоориентированных регионах по итогам проведенного кластерного анализа, показавшего структурную близость ряда регионов.
5	Агент-ориентированное моделирование	Наиболее сложный метод с точки зрения моделирования рассматриваемой системы, при этом позволяющий получить наиболее адекватные оценки с позиции правдоподобия. Позволяет смоделировать наиболее сложные структуры взаимосвязей и оценивать как автономное, так и интегральное влияние факторов.
6	Когнитивное моделирование	Данный подход применим для любых слабоструктурированных систем. Преимуществом является то, что логика метода применима к результатам сканирования внешней и внутренней среды и выводам о характере взаимовлияний элементов OTSW-матрицы, а также, что способна включать различные группы заинтересованных. Может быть использован как автономно (на базе экспертных оценок), так и в связке с математическим аппаратом и результатами моделирования.

Источник: Герелишин Р.И. Стратегирование социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов (на материалах Ямало-Ненецкого автономного округа): монография / Р.И. Герелишин; под науч. ред. В. Л. Квинта. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2024. – 226 с. – (Библиотека стратега).

Представленный перечень отражает методы, которые могут использоваться для оценки эффектов от реализации приоритетов, и может расширяться. Однако это лишь технические аспекты оценки, отражающие логические нюансы интерпретации результатов – необходимо представление о самой логике оценки, ее месте в концептуальной модели и взаимосвязи с другими этапами, поэтому целесообразно разделить 2 крупных блока: предварительная оценка экономической эффективности от реализации стратегических приоритетов и оценка социально-экономических эффектов от реализации стратегических приоритетов. Сравнительный анализ данных блоков представлен в таблице (Таблица 19).

Таблица 19 – Различия в оценках эффектов от реализации стратегических приоритетов на разных этапах процесса стратегирования

Критерий	Предварительная оценка экономической эффективности реализации стратегических приоритетов	Оценка социально-экономических эффектов от реализации стратегических приоритетов
Место в концептуальной модели	После формирования контуров стратегических приоритетов по результатам анализа интересов и сканирования внешней и внутренней сред	На этапе мониторинга хода реализации стратегии с целью внесения корректировок и актуализации стратегии
Концептуально-смысловая значимость	Анализ экономической эффективности (с учетом социальной значимости) реализации приоритетов с учетом ресурсной ограниченности с целью максимизации эффектов	Анализ влияния эффектов от реализации приоритетов на выбранные социально-экономические метрики. Оценка проводится с целью анализа актуальности продолжения реализации приоритетов, анализа эффективности реализации стратегии и предварительного информационного обеспечения процесса актуализации стратегии
Методы	Применение широкого спектра математических, статистических, эконометрических методов и моделей, выбор которых определяется целями оценки, доступностью достоверных статистических данных	
Результат	Градация стратегических приоритетов по степени экономической эффективности для принятия решений с учетом социальной значимости	Количественная оценка величины социально-экономического эффекта (аналог эластичности выбранной социально-экономической метрики по выбранному приоритету)

Источник: составлено автором

Для целей разработки концептуальной модели стратегирования важны оба этих блока, однако предварительная оценка требует большей формализации, так как предопределяет возможность реализации приоритета с учетом ресурсной ограниченности – этот фактор обуславливает невозможность одновременной реализации стратегических приоритетов и приводит к необходимости выбора. Критерием для выбора первоочередных приоритетов должна являться экономическая эффективность. При этом мы предполагаем, что принцип конкуренции должен иметь место не только и не столько между контурами стратегических приоритетов, сколько между приоритетами внутри одного контура с учетом интересов объекта стратегирования, фактора времени и ресурсной обеспеченности. Следование данной логике позволяет с одной стороны обеспечить всестороннее развитие (в разрезе контуров стратегических

приоритетов) объекта стратегирования как многоаспектной системы, а с другой обеспечить выбор тех приоритетов, которые дают максимальный эффект.

Мы предлагаем несколько подходов, которые можно использовать для достижения данной цели в разных предпосылках.

Удельно-партикулярный подход

Данный подход можно определить как удельно-партикулярный – он предполагает отдельную оценку приоритетов внутри каждого из контуров, так как принимается условие об инклюзивности контуров и внутриконтурной конкуренции. Фактически необходимо оценить удельную «цену» единицы социально-экономического эффекта. Помимо этого, данный подход может использоваться и при актуализации стратегии в случае смены отдельных предпосылок – эти изменения могут касаться только одного из контуров и расчеты в этом случае необходимо проводить автономно.

С учетом процессов регионального бюджетирования при разработке стратегии известен предполагаемый объем финансовой обеспеченности (а также потенциальная величина дополнительной потребности) под предполагаемые направления расходования, что позволяет найти искомую стоимость. В противном случае можно проводить анализ рынка или изучать аналоги с целью использования опыта успешно реализованных стратегий.

Логика данного подхода заключается в определении прогнозной величины социально-экономического эффекта (с использованием методов (Таблица 18), или иных, позволяющих получить необходимую оценку) для каждого из приоритетов внутри контура (это касается тех приоритетов, для которых возможна содержательная интерпретация влияния на социально-экономические метрики). После этого для каждого из приоритетов оценивается потребность в финансовых ресурсах, что позволит оценить стоимость единицы социально-экономического эффекта. Располагая данной информацией, разработчики стратегии должны принять решение о том, какой из приоритетов реализовывать, отталкиваясь от факторов экономической эффективности, а также социальной значимости и обеспеченности ресурсами нефинансового

характера – данная информация агрегируется на предыдущих этапах и к моменту оценки готова для использования. Алгоритм данного подхода представлен на рисунке (Рисунок 19).

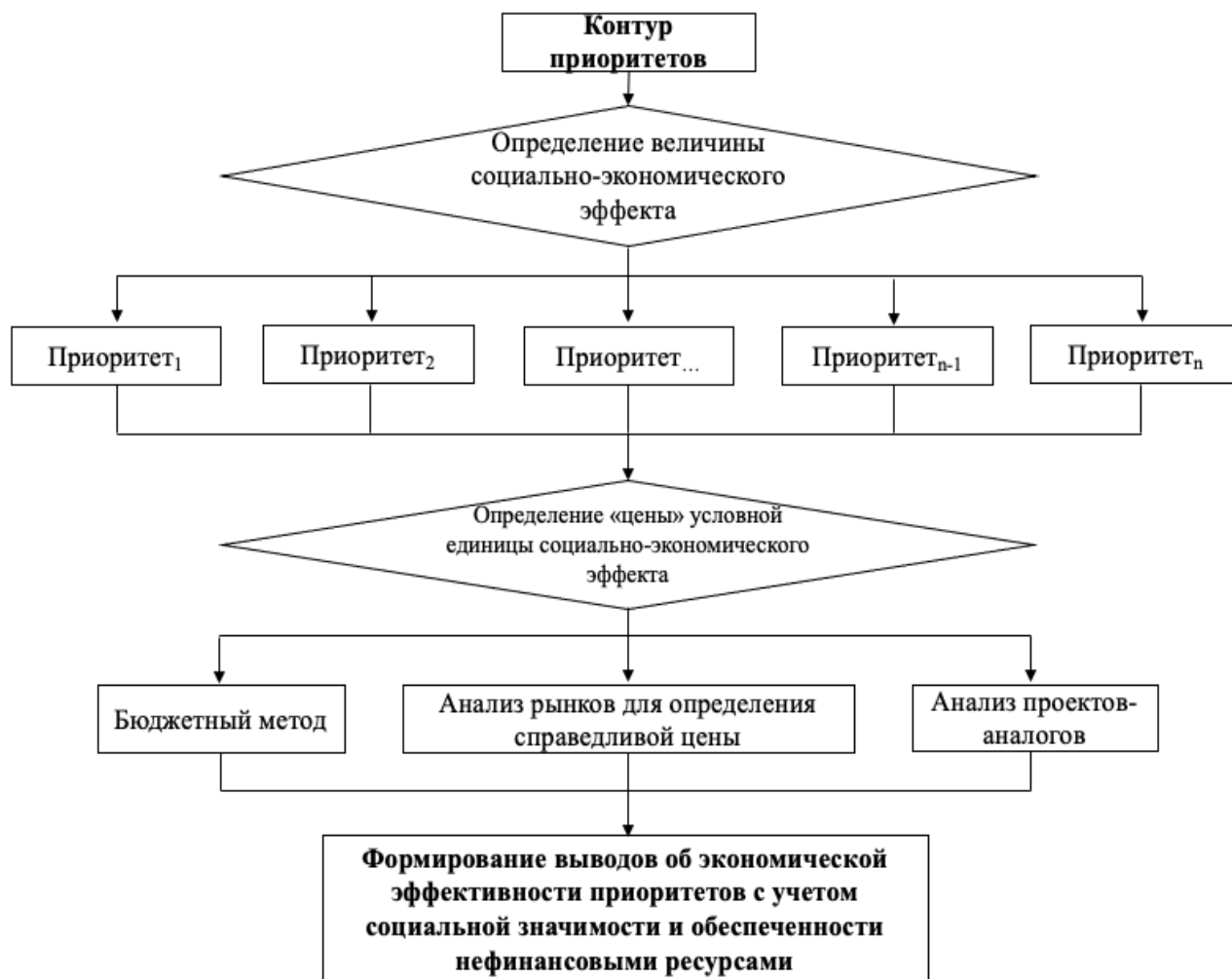

Рисунок 19 – Схема реализации удельно-партикулярного подхода к оценке эффективности реализации приоритетов

Источник: Герелишин Р.И. Подходы к оценке социально-экономических эффектов от реализации стратегических приоритетов в региональных экономических системах (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа // Экономический анализ: теория и практика. – 2024. – Т. 23. – № 10. – С. 1860–1877.

Данный подход построен на ряде принципиальных допущений, в том числе неконкурентность контуров стратегических приоритетов, однако мы исходим из предпосылки, что социально-экономическое развитие не должно быть сконцентрировано только в одном направлении. В этом отношении важно принципиальное отличие стратегического многовекторного развития от необоснованного распределения ресурсов по нескольким направлениям, приводящего к неэффективным результатам.

Интегрально-инклюзивный подход

В отличие от предыдущего, данный подход не является партикулярным в том смысле, что контуры стратегических приоритетов рассматриваются совместно, поэтому его можно назвать интегрально-инклюзивным. Выделенные контуры стратегических приоритетов необходимо представить либо в качестве интегральных показателей, агрегирующих информацию о входящих в них приоритетах, либо использовать метод главных компонент для уменьшения размерности выборки приоритетов внутри контура с сохранением максимальной доли дисперсии – это вариант наиболее удобен в случаях, когда за контуром приоритетов стоит явный показатель.

Рисунок 20 – Схема реализации интегрально-инклюзивного подхода к оценке эффективности реализации приоритетов

Источник: Герелишин Р.И. Подходы к оценке социально-экономических эффектов от реализации стратегических приоритетов в региональных экономических системах (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа // Экономический анализ: теория и практика. – 2024. – Т. 23. - № 10. – С. 1860–1877.

После выбора набора данных, отражающих совокупную систему стратегических приоритетов, необходимо выполнить регрессионный анализ ВРП на душу населения (либо иной метрики, способной достоверно отразить социально-экономическую составляющую), а после интерпретировать полученные результаты с позиции социально-экономических эффектов и весов, заложенных в интегральный показатель/набор главных компонент.

Преимущество данного метода – унификация подхода к сборке показателя, отражающего тот или иной контур региональных стратегических приоритетов, однако могут возникнуть сложности при интерпретации

полученных коэффициентов перед главными компонентами/интегральными показателями. В целях того, чтобы данный подход был утилитарным с точки зрения практики стратегирования необходимо его дополнение в части разработки механизмов интеграции в региональный бюджетный процесс, прежде всего, в части перераспределения расходов в пользу обладающих более высокими социально-экономическими эффектами, но при этом с сохранением социальных обязательств региона.

Оба представленных подхода могут использоваться при разработке стратегий ресурсоориентированных регионов, однако заложенная в них логика позволяет также продолжить работу по конвергенции теории стратегии и экономической теории. В частности, положения о том, что стратегия реализуется на длительном горизонте и что фактор времени является детерминирующим, обуславливает необходимость проведения расчетов в межпериодном исполнении. Одним из вариантов учета указанных предпосылок является адаптация модели потребления Фишера³¹² к стратегическим региональным исследованиям.

Предположим, что в регионе сформирована функция полезности F , которая зависит от потребления C в различные периоды времени t – в стоящей перед нами задаче этим будут являться расходы на реализацию стратегических приоритетов. Обеспечивается реализация этих приоритетов бюджетными доходами региона (налоговые и неналоговые поступления, а также межбюджетные трансферты). Другим важным допущением является наличие дисконтирующего фактора σ , который показывает, насколько реализация стратегических приоритетов «ценнее» в ближайших периодах по сравнению с более отдаленными. Финансовые ресурсы, необходимые для реализации приоритетов, также имеют временную стоимость – для этого вводится ставка процента r (согласно предпосылкам ставка остается неизменной).

Максимизация задачи региона в этом случае будет определяться как:

---

³¹² Шагас Н.Л., Туманова Е.А. Макроэкономика-2: Учебник. – М.: ТЕИС, 2006. – 427 с.

$$\left\{ \begin{array}{l} \text{Max } F(C_1, C_2, \dots, C_T) = \sum_{t=1}^T \frac{F(C_t)}{(1+\sigma)^{t-1}} \\ C_1 + \frac{C_2}{(1+r)} + \dots + \frac{C_T}{(1+r)^{T-1}} = Y_1 + \frac{Y_2}{(1+r)} + \dots + \frac{Y_T}{(1+r)^{T-1}} \end{array} \right. \quad (20)$$

Решение данной системы может быть найдено с использованием метода множителей Лагранжа:

$$\max_{C, \lambda} L(C, \lambda) = \max_{C, \lambda} \left(\sum_{t=1}^T \frac{F(C_t)}{(1+\sigma)^{t-1}} + \lambda \left(\sum_{t=1}^T \frac{Y_t}{(1+r)^{t-1}} - \sum_{t=1}^T \frac{C_t}{(1+r)^{t-1}} \right) \right), \quad (21)$$

Путем частного дифференцирования по каждому из C получаем систему:

$$\left\{ \begin{array}{l} F'(C_1) - \lambda = 0, \\ \frac{F'(C_2)}{1+\sigma} - \frac{\lambda}{(1+r)} = 0, \\ \dots \dots \dots \\ \frac{F'(C_t)}{(1+\sigma)^{t-1}} - \frac{\lambda}{(1+r)^{t-1}} = 0, \\ \dots \dots \dots \\ \frac{F'(C_T)}{(1+\sigma)^{T-1}} - \frac{\lambda}{(1+r)^{T-1}} = 0 \end{array} \right. \quad (22)$$

Если разделить уравнение периода t на аналогичное уравнение периода $t+1$ (или аналогично: период $t-1$ на t), то мы получаем следующее:

$$\frac{\left(\frac{F'(C_{t-1})}{(1+\sigma)^{t-2}} \right)}{\left(\frac{F'(C_t)}{(1+\sigma)^{t-1}} \right)} = \frac{\left(\frac{\lambda}{(1+r)^{t-2}} \right)}{\left(\frac{\lambda}{(1+r)^{t-1}} \right)} \rightarrow \frac{F'(C_{t-1})}{F'(C_t)} = \frac{1+r}{1+\sigma} \quad (23)$$

Как видно из последнего уравнения, полезность от реализации приоритетов в период $t-1$ в сравнении с периодом t зависит от взаимоотношения

параметров r и σ , то есть если потенциальный доход от принятия решения о более поздней реализации приоритетов перевешивает плату за реализацию приоритетов, то для региона целесообразно перенести реализацию приоритетов на более поздний период. Если же ситуация обратная, что с учетом детерминирующего фактора времени является более логичным и ожидаемым, то реализовывать приоритет необходимо как можно быстрее, так как чем на более длительный срок региона рассматривает перенос, тем менее ценен приоритет – для подтверждения этого покажем, как видоизменяется последнее уравнение в общем виде при сдвиге на n периодов:

$$\frac{\left(\frac{F'(C_t)}{(1+\sigma)^{t-1}}\right)}{\left(\frac{F'(C_{t+n})}{(1+\sigma)^{t+n-1}}\right)} = \frac{\left(\frac{\lambda}{(1+r)^{t-1}}\right)}{\left(\frac{\lambda}{(1+r)^{t+n-1}}\right)} \rightarrow \frac{F'(C_t)}{F'(C_{t+n})} = \left(\frac{(1+r)}{(1+\sigma)}\right)^n \quad (24)$$

Последний вывод подтверждает важность фактора времени, так как чем больше n , а, следовательно, перенос реализации стратегического приоритета, тем более ценным становится реализация приоритета в кратчайшие сроки.

Таким образом, решая данную многопериодную задачу можно получить оптимальные значения расходов на приоритеты с учетом временной стоимости денег и фактора времени. Рассмотрим взаимосвязь предложенных подходов по оценке приоритетов и представленной модели межпериодного выбора (Таблица 20).

Таблица 20 – Сравнительные характеристики подходов к оценке социально-экономической эффективности приоритетов и их учет в модели межпериодного выбора

Характеристика	Подход к оценке социально-экономической эффективности приоритетов		Учет в адаптированной модели межпериодного выбора
	Удельно-партикулярный	Интегрально-инклюзивный	
Конкуренция	Высокая внутриконтурная при низкой межконтурной	Высокая внутриконтурная при высокой межконтурной	Возможно использование обоих подходов

Методы оценки социально-экономических эффектов	Применим широкий комплекс моделей и методов для внутриконтурной оценки	Регрессионный анализ по интегральным показателям, характеризующим контуры, или главным компонентам	Оценки социально-экономических эффектов используются как экзогенные и имплементируются в модель для последующих расчетов
Ресурсная обеспеченность	Применимы различные варианты оценки «цены» единицы социально-экономического эффекта (бюджетный/рыночный/ по аналогам)	Применим подход, аналогичный удельно-партикулярному, однако необходима проработка механизмов интеграции в бюджетный процесс или процедуры привлечения финансирования	Ограничения на межпериодную доходную часть могут имплементироваться как отдельные уравнения в общей системе с указанием ограничений по цене капитала
Учет временного фактора	Не формализуется, но учитывается экспертно при составлении целевого блока (проекты / программы / календарно-сетевые графики) для последующего использования в модели межпериодного выбора		Математически формализован согласно гипотезе об убывающей предельной полезности
Потенциал применения	Потенциально применимы как для иных региональных систем, так и для: <ul style="list-style-type: none"> – корпоративного стратегирования (необходимо акцентировать внимание на структуре ресурсного обеспечения и характере меж- и внутриконтурной конкуренции); – отраслевого стратегирования (в первую очередь необходимо сформировать пул ключевых акторов, задействованных в разработке и реализации стратегии, и определить характер финансовых взаимосвязей) 		

Источник: Герелишин Р.И. Подходы к оценке социально-экономических эффектов от реализации стратегических приоритетов в региональных экономических системах (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа // Экономический анализ: теория и практика. – 2024. – Т. 23. – № 10. – С. 1860–1877.

После декомпозиции приоритетов до уровня целей и задач согласно методологии стратегирования необходимо разработать сценарный блок. Принятым правилом является разработка трех стратегических сценариев, дифференцированных по уровню риска и оценке социальной и экономической эффективности. Для рассматриваемых регионов необходимо учитывать спрос на добываемые ресурсы, степень вовлеченности федерального центра в инициативы на территории региона, перспективы развития нересурсных отраслей, способных дать компенсирующий эффект при снижении интенсивности производства в ресурсном секторе (включая инновационный блок) и факторы трудовых ресурсов – эти показатели могут сформировать основу для интегрального показателя, описывающего тот или иной сценарий.

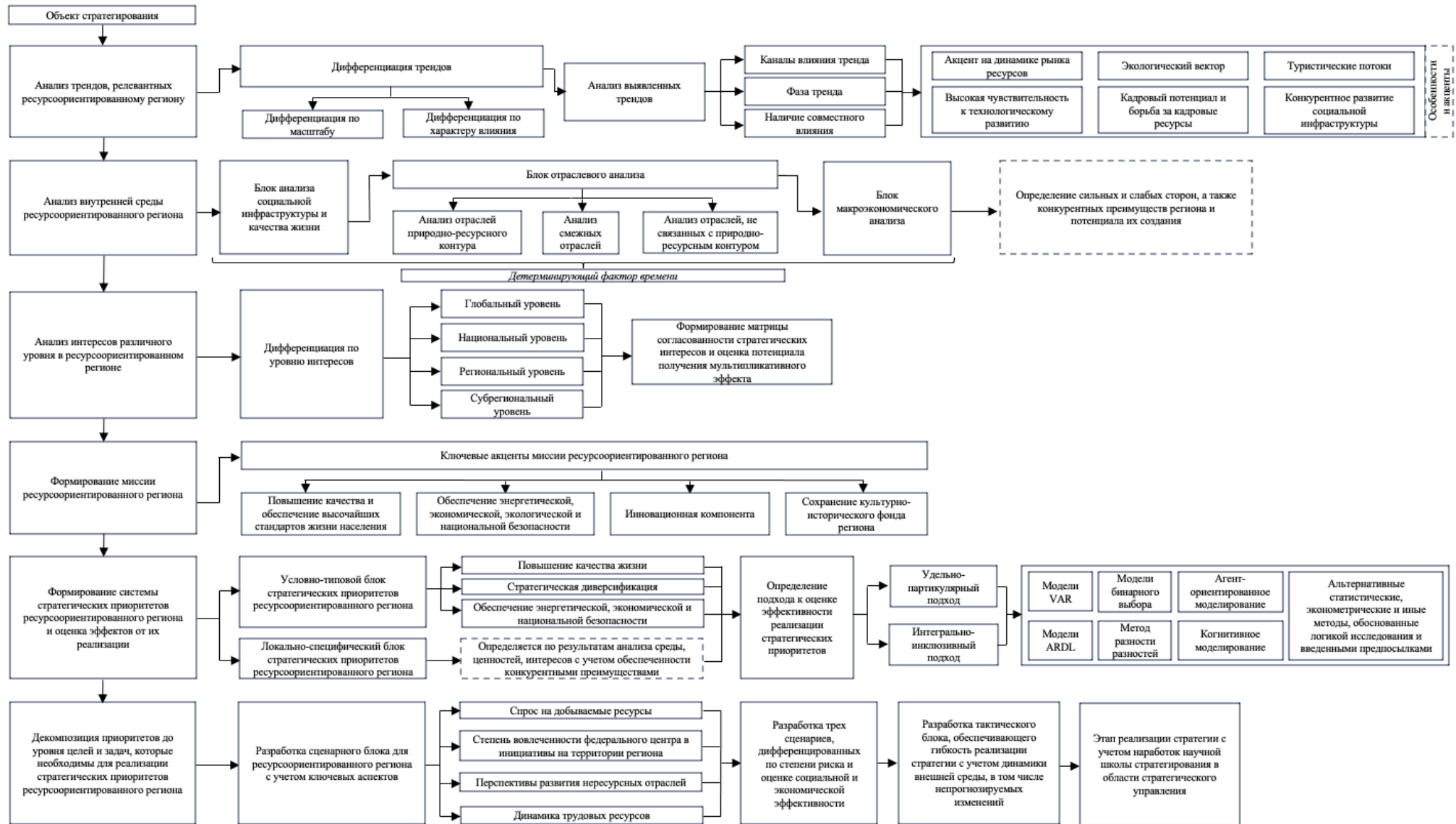

Рисунок 21 – Концептуальная модель стратегирования социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов

Источник: составлено автором на базе теории стратегии и методологии стратегирования В.Л. Квинта

Под каждый из разработанных сценариев должен быть подготовлен тактический блок, который должен обеспечивать гибкость реализации стратегии с учетом динамики внешней среды и, в том числе, непрогнозируемых изменений. Концептуальная модель, обобщающая вышеизложенное, представлена на рисунке (Рисунок 21).

Представленная концептуальная модель построена на базе теории стратегии и методологии стратегирования, поэтому структурно является подходящей для различных направлений и объектов стратегирования, то есть применима не только в региональном аспекте. Для регионального уровня, например, подход к анализу трендов будет идентичен, однако потребуются определение ключевых особенностей и акцентов, которые бы определяли будущий образ среды конкретного объекта. Анализ внутренней среды должен быть сосредоточен на качестве жизни, как главной категории, но блок отраслевого анализа будет отличаться в зависимости от того, имеется ли в регионе доминирующий вид деятельности и как он связан с другими отраслями. Структура анализа интересов для других регионов будет схожей, однако степень согласованности разноуровневых интересов будет различаться, что приведет к различиям в формировании стратегических приоритетов. Этап формирования миссии для каждого объекта будет уникальным, так как акценты будут расставлены по-разному – данный этап сложен, так как в наименьшей степени подлежит концептуализации. На этапе формирования стратегических приоритетов для региональных систем различного типа возможны корректировки концептуальной модели, так как условно-типовой блок для каждого типа регионов может отличаться, в то время как локально-специфический блок перманентно отличается для каждого объекта стратегирования. На этапе разработки сценарного блока будут иметь место содержательные различия при структурном сходстве – ключевым требованием будет являться определение аспектов и критериев, дифференцирующих сценарии. При этом каждый из этапов можно формализовывать иначе, что создает потенциал для будущих исследований и сопоставления с представленной моделью, определяя ее научный и практический интерес.

ГЛАВА III. ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВООЧЕРЕДНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СТРАТЕГИИ И ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА)

3.1 Определение тенденций, анализ внутренней и внешней среды Ямало-Ненецкого автономного округа

Как было отмечено в предыдущих главах, отправной точкой процесса стратегирования является анализ трендов. Рассмотрим ключевые тенденции, дифференцируем их по масштабу и характеру влияния и дадим комплексную оценку с учетом ранее предложенной процедуры оценки трендов.

Одним из главных экономических трендов является смещение центров экономической активности в Азиатско-Тихоокеанский регион (Таблица 21).

Таблица 21 – Динамика ВВП отдельных макрорегионов (трлн долл. США, в постоянных ценах 2015 года)

Регион	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
ЕС	13,55	13,82	14,21	14,51	14,77	13,94	14,77	15,28
Арабский мир	2,56	2,65	2,68	2,75	2,79	2,65	2,74	2,91
АТР	22,00	23,02	24,18	25,34	26,34	26,29	27,91	28,72
из них Китай	11,06	11,82	12,64	13,49	14,30	14,62	15,85	16,33
доля Китая	50,29%	51,34%	52,27%	53,26%	54,28%	55,59%	56,80%	56,85%
Северная Америка	19,77	20,09	20,55	21,15	21,63	20,99	22,23	22,68

Источник: данные Всемирного Банка (The World Bank)

Азиатско-Тихоокеанский регион наращивает лидерство и уже в 2022 году он опережал Северную Америку на 26%, а ЕС – на 88%. При этом более половины ВВП Азиатско-Тихоокеанского региона создается в Китае, который становится ключевым торговым партнером Российской Федерации. Немалую роль в этом играют поставки природного газа и СПГ – так в 2023 году в Китай было поставлено 22,7 млрд м³ газа, а в перспективе с учетом поставок по дальневосточному маршруту и транзита через Монголию прогноз поставок

составляет практически 100 млрд м³ природного газа³¹³. На фоне геополитических причин, меняющих ландшафт рынков сбыта, появление новых рынков в наиболее активно развивающемся макрорегионе – гарантия перспектив устойчивого спроса, что является преимуществом для ресурсоориентированных регионов, в частности, ЯНАО.

Другим важным моментом является то, что Россия и Китай являются партнерами по БРИКС, в состав которых также входят Индия, обошедшая Китай по численности населения, ЮАР, Бразилия, Египет, Эфиопия, Иран, ОАЭ и Саудовская Аравия. Согласно прогнозам, доля ВВП стран БРИКС в мировом ВВП в 2028 году возрастет до 40%, в то время как доля ВВП стран G7 сократится до 27,8%³¹⁴. Уже в 2020 году членами БРИКС была утверждена «Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года», ключевыми направлениями в которой указаны торговля, финансы, цифровая экономика и устойчивое развитие³¹⁵. С учетом появления новых участников, расширяющих присутствие БРИКС на различных континентах, в перспективе должна быть разработана новая стратегия экономического и институционального взаимодействия, которая будет способствовать укреплению экономических взаимосвязей, а значит и перспективам социально-экономического развития стран-участников.

Геополитическая напряженность последних лет во многом предопределила текущее состояние мировых рынков сбыта и уровень цен. В частности, цены на нефть в 2022 году после постепенного роста, обусловленного постпандемийной активизацией экономических процессов, резко выросли в 2022 году (Рисунок 22). При этом в конце 2023 года вновь имел место ценовой скачок, что может быть обусловлено конфликтом на Ближнем

---

³¹³ ««Газпром» в 2023 году увеличил поставки газа в Китай в 1,5 раза» (<https://tass.ru/ekonomika/19670859>; дата обращения: 20.05.2024)

³¹⁴ «В БРИКС заявили, что страны ассоциации обгонят G7 по объему ВВП к 2028 году» (<https://tass.ru/ekonomika/19973775>; дата обращения: 20.05.2024)

³¹⁵ «Минэкономразвития России подготовило новую экономическую стратегию БРИКС до 2025 года» (https://www.economy.gov.ru/material/departments/d30/obzory_i_analitika/minekonomrazvitiya_rossii_podgotovilo_novuyu_ekonomicheskuyu_strategiyu_briks_do_2025_goda.html; дата обращения: 20.05.2024)

Востоке. Принимая во внимание продолжение геополитической напряженности, можно ожидать, что цены продолжат оставаться высокими и при этом сверхчувствительными к политической обстановке.

Рисунок 22 – Динамика цен на нефть марки Brent (долл. США/баррель)

Источник: <https://investfunds.ru/indexes/624/>

Текущее состояние мирового рынка энергоносителей и тенденции для Российской Федерации и ресурсоориентированных регионов должны рассматриваться как возможности, так как доля нефтегазовых доходов в структуре доходной части бюджета за последние годы варьируется от 28% до 46% (по предварительным данным на 2025 год за 1 квартал – 29,2%).

Таблица 22 – Структура доходов Федерального бюджета РФ (млрд руб.)

Вид доходов	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024*	1 кв. 2025
Доходы (всего)	19 454,4	20 188,8	18 719,1	25 286,4	27 824,4	29 124,1	36 708,8	9 055,1
Нефтегазовые доходы	9 017,8	7 924,3	5 235,2	9 056,5	11 586,2	8 822,3	11 131,1	2 641,6
Ненефтегазовые доходы	10 436,6	12 264,5	13 483,8	16 229,9	16 238,2	20 301,8	25 577,8	6 413,4

* Предварительные данные (опубликованы 26.05.2025)

Источник: «Краткая ежеквартальная информация об исполнении федерального бюджета (млрд. руб., накоплено с начала года)» (https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute?id_57=80039-kratkaya_ezhekvaralnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzhet_a_mlrd_rub_nakopleno_s_nachala_goda; дата обращения: 24.06.2025)

Более высокие нефтегазовые доходы на фоне более высокого уровня цен, согласно бюджетному правилу, используются для приобретения резервов, необходимых в периоды, когда нефтегазовые доходы не превышают

запланированную Министерством финансов сумму. При этом бюджетное правило является гибким инструментом и может быть пересматриваться.

На обстановку на глобальном уровне также влияет использование санкций, как инструмента экономического сдерживания. В 2014 году в отношении Российской Федерации были введены санкции, ограничившие сотрудничество в области промышленности, IT-сферы, финансово-экономической сфере. Отдельным компаниям был закрыт доступ к рынкам долгового финансирования. Также были ограничены взаимодействия на уровне международных организаций, что препятствовало проведению конструктивного диалога и поддержанию партнерских отношений. В 2022 году масштаб санкционного давления был значительно увеличен, что отразилось в том, что Россия стала лидером по количеству введенных против нее санкций, опередив Иран³¹⁶. Диапазон введенных санкций включает в себя ограничения движения капитала, отключение от международной банковской системы передачи информации и совершения платежей, ограничения на торговлю отдельными группами товаров, в том числе сокращение европейскими странами приобретения российского газа, и многое другое, что привело к изменению существующих логистических цепочек, изменению конфигурации рынков сбыта, необходимости поиска новых источников капитала. При этом сами санкции, в условиях которых РФ существует уже более 10 лет, не только сдерживают российскую экономику, но и создают стимулы для минимизации зависимости от внешней среды: это касается вопросов импортозамещения с ориентиром на импортонезависимость, поиск новых рынков сбыта и источников капитала среди дружественных стран, развитие собственных технологических решений для имплементации внутри страны и конкурентной борьбы на новых рынках. Декомпозируем тренды согласно ранее представленному алгоритму (Таблица 23, Таблица 24, Таблица 25).

---

³¹⁶ «Россия стала мировым лидером по количеству введенных против нее санкций» (<https://www.forbes.ru/society/458287-rossia-stala-mirovym-liderom-po-kolicestvu-vvedennyh-protiv-nee-sankcij>; дата обращения: 20.05.2024)

Таблица 23 – Декомпозиция глобального тренда «Повышенные цены на нефть ввиду турбулентности мирового рынка, обусловленной, политической напряженностью»

Характеристика	Канал № 1	Канал № 2	Канал № 3	Канал № 4
<i>Тренд «Повышенные цены на нефть ввиду турбулентности мирового рынка, обусловленной, политической напряженностью»</i>				
Наименование	Увеличение доходов компаний отрасли ТЭК на фоне увеличения цен	Увеличение резервов РФ	Укрепление курса рубля с учетом дедолларизации расчетов за энергоресурсы	Увеличение социальной напряженности на фоне обострения международной обстановки
Описание влияния на объект стратегирования	Более высокие доходы могут быть трансформированы в инвестиции в инфраструктуру или проведение НИОКР (потенциал инноваций), что принципиально важно в условиях ограничений на рынке заемного капитала. Стимулирование смежных отраслей в регионе и на межрегиональном уровне.	Повышение резервов способствует увеличению надежности в исполнении расходной части федерального бюджета. Для регионов данный факт обеспечивает дополнительную страховку на случай негативного изменения внешней конъюнктуры, так как возможно получение поддержки из резервов, сформированных согласно бюджетному правилу.	Укрепление рубля способствует более дешевому импорту как на национальном уровне, так и в регионе, что принципиально важно не только для сегмента потребительских товаров, но и для потенциального приобретения оборудования и технологий происхождением из дружественных стран.	Напряженность, обуславливающая турбулентность на мировых рынках, также влияет и на людей, что вынуждает рассматривать вопросы релокации. Для региональной экономики (как и национальной) – это потеря кадров (что критически важно в сегменте высококвалифицированных кадров, формирующих инновационный потенциал) и негативные демографические последствия.
Знак влияния (параметр a_i формулы 1)	1	1	1	-1
Мощь канала влияния (параметр x_i формулы 1)	3	3	2	3
Оценка канала влияния	3	3	2	-3
Итог по тренду (количественный)	$y = \text{sgn}(3+3+2-3) = 1$			
Итог по тренду (качественный)	Тренд несет в себе определенные угрозы, однако потенциальные возможности значительно больше, что необходимо учитывать при разработке системы стратегических приоритетов, целей и задач.			

Источник: составлено автором

Таблица 24 – Декомпозиция глобального тренда «Усиление санкционного давления недружественных стран в отношении Российской Федерации»

Характеристика	Канал № 1	Канал № 2	Канал № 3	Канал № 4
<i>Тренд «Усиление санкционного давления недружественных стран в отношении Российской Федерации»</i>				
Наименование	Ограничение возможностей заимствования и снижение объемов иностранных инвестиций	Уменьшение возможностей закупки иностранного оборудования и технологий	Изменение конфигурации логистики и рынков сбыта	Импульс для развития собственных производств
Описание влияния на объект стратегирования	Более дорогие заимствования увеличивают ставку дисконтирования денежных потоков инвестиционных проектов, ограничивают потенциальный спрос, вынуждают тратить ресурсы на поиск новых инструментов фондирования (в том числе в среде с более высокими процентными ставками) или откладывать реализацию проектов.	Необходимость поиска решений по ремонту и обслуживанию имеющегося оборудования, проведения испытаний потенциальных аналогов (в отсутствие сформированного технологического суверенитета). Существенные риски сбоя в работе критической инфраструктуры. При этом не все категории товаров могут быть поставлены в рамках процедур параллельного импорта.	Перестройка логистических цепочек требует модернизации или даже создания новой инфраструктуры (что дороже в условиях ограничения источников заимствования, как отмечено в канале № 1), приводит к росту цен, что в свою очередь может вынуждать ЦБ повышать ключевую ставку в рамках политики инфляционного таргетирования. Новые рынки подразумевают иной характер конкуренции, для входа может потребоваться пересмотр цен в сторону понижения, что может сказаться на доходах компаний-экспортеров.	Ввиду ухода иностранных поставщиков товаров и услуг освобождаются рыночные ниши (особенно в части позиций, не подпадающих под параллельный импорт), что создает импульс для собственного производства (или организации более эффективного производства на существующих мощностях, приобретенных у уходящих с рынка компаний) и способствует созданию рабочих мест.
Знак влияния (параметр a_i формулы 1)	-1	-1	-1	1
Мощь канала влияния (параметр x_i формулы 1)	3	3	2	3
Оценка канала влияния	-3	-3	-2	3
Итог по тренду (количественный)	$y = \text{sgn} (-3-3-2+3) = -1$			
Итог по тренду (качественный)	Тренд создает определенные возможности, однако в значительно большей степени представляет комплекс угроз, которые необходимо учитывать при разработке системы стратегических приоритетов, целей и задач.			

Источник: составлено автором

Таблица 25 – Декомпозиция глобального тренда «Сдвиг центра экономической активности в Азиатско-Тихоокеанский регион»

Характеристика	Канал № 1	Канал № 2	Канал № 3	Канал № 4
<i>Тренд «Сдвиг центра экономической активности в Азиатско-Тихоокеанский регион»</i>				
Наименование	Потенциал развития экономических отношений с партнерами по БРИКС и ШОС	Стимулирование модернизации существующей и создания новой инфраструктуры	Ускоренное развитие Дальнего Востока России, как наиболее близкого к новым центрам экономической активности макрорегиона (<i>положительный аспект</i>)	Ускоренное развитие Дальнего Востока России, как наиболее близкого к новым центрам экономической активности макрорегиона (<i>отрицательный аспект</i>)
Описание влияния на объект стратегирования	В условиях растущего товарооборота (в первую очередь с Китаем) увеличивается ВРП регионов, добывающих природные ресурсы (в том числе ЯНАО).	Растущий товарооборот требует развития транспортной инфраструктуры, что стимулирует создание новых рабочих мест и в перспективе влияет на внутренний товарооборот.	Интенсификация экономической активности на Дальнем Востоке России приведет к повышению спроса на территории макрорегиона, что может создать новые рынки сбыта, в том числе для продукции ресурсоориентированного региона.	С учетом межрегиональной конкуренции за ресурсы, в том числе трудовые, социально-экономическое развитие дальневосточных регионов (в том числе с учетом программ государственной поддержки) способно мотивировать жителей ресурсоориентированных регионов переехать, что негативно скажется на ВРП и демографической ситуации в ресурсоориентированных регионах.
Знак влияния (<i>параметр a_i формулы 1</i>)	1	1	1	-1
Мощь канала влияния (<i>параметр x_i формулы 1</i>)	3	2	3	3
Оценка канала влияния	3	2	3	-3
Итог по тренду (количественный)	$y = \text{sgn} (3+2+3-3) = 1$			
Итог по тренду (качественный)	Угрозы, обусловленные данным трендом, существенные, так как способны повлиять на горизонтальную миграцию, однако экономические возможности, открываемые данным трендом, перевешивают угрозы.			

Источник: составлено автором

Далее следуют национальные тренды, которые определяют экономические, социальные, культурные, демографические и иные аспекты надрегиональной среды в будущем. Национальные тренды во многом зависят от глобальных трендов – последние определяют глобальный контекст, в котором существуют государства, а значит государствам необходимо либо подстраиваться под эти тренды, либо создавать альтернативу, чтобы изменить характер глобальных трендов.

Среди ключевых национальных трендов можно выделить «период высоких процентных ставок». Высокие процентные ставки обусловлены решениями Центрального Банка Российской Федерации, реализующего режим таргетирования инфляции. В феврале 2022 года Центральный Банк повысил ключевую ставку до 20%, что с одной стороны позволило впоследствии снизить инфляцию, однако существенно ограничил доступность кредитов, которые необходимы производителям для обновления основных фондов.

Рисунок 23 – Динамика ключевой ставки и инфляции в РФ

Источник: составлено автором по данным ЦБ РФ ([https:// www.cbr.ru/hd_base/infl/](https://www.cbr.ru/hd_base/infl/))

Учитывая, что инфляция остается выше целевого уровня, есть все основания полагать, что ключевая ставка будет сохраняться на высоком уровне, что двойственно сказывается на экономической системе: с одной стороны столь

высокая ставка будет стимулировать домохозяйства открывать депозиты (уменьшение совокупного потребления с мотивом сохранения реальной покупательской способности для будущих периодов), однако поступающие в банковскую систему деньги не будут привлекательными для заемщиков ввиду высоких процентов; при этом с другой стороны высокая инфляция создает высокие инфляционные ожидания, в связи с чем домохозяйства и фирмы могут ожидать в том числе дальнейшего роста ставок, поэтому прибегают к кредитованию и займам даже в периоды высоких ставок, что посредством стимулирования спроса может создать инфляционную спираль. Приобретение основных средств и реализация крупных инвестиционных проектов, способных стать драйверами экономического развития, в таких условиях выглядит затруднительным. Однако даже в условиях ограничений доступа к иностранному капиталу реализация подобных проектов возможна, в том числе при государственной поддержке (на основе льготных кредитов и иных мер поддержки), либо при участии капитала из дружественных стран, в первую очередь партнеров по межгосударственным объединениям, например, БРИКС и ШОС, либо при использовании иных инструментов привлечения капитала, например, посредством выпуска инфраструктурных облигаций или близких к ним по логике ценных бумаг.

Другим важным трендом национального уровня является политика импортозамещения, нацеленная на обеспечение технологического суверенитета и импортнезависимости. Особенно актуален данный вопрос для ключевых отраслей экономики и критической инфраструктуры, обеспечивающей функционирование всей экономической системы. Российской Федерации необходим переход к отечественным решениям как в области аппаратно-технических средств и комплектующих, так и в части программного обеспечения. Для этого должны быть созданы и имплементированы механизмы трансфера технологий, связывающие научные исследования и высшую школу с реальным сектором, должны создаваться условия для венчурного инвестирования, необходимы институциональные условия для внедрения и

тиражирования создаваемых решений с обеспечением информационной безопасности – иначе говоря необходим целый комплекс последовательных и согласованных мер, ориентированных на стратегическое развитие.

Помимо этого, на национальном уровне наблюдается тенденция дефицита трудовых ресурсов и, в частности, высококвалифицированных кадров: так, согласно опросу Банка России «в августе 2023 года 60% предприятий сообщили о нехватке персонала, в большей степени – квалифицированных специалистов. Наибольшая доля предприятий, испытывающих дефицит кадров, наблюдалась в обрабатывающих производствах, особенно в машиностроении и химической промышленности»³¹⁷. Подобная проблема особенно обострилась в 2022 году, когда специалисты, в первую очередь из сектора информационных технологий, начали релоцироваться за рубеж. Ввиду того, что данный сегмент рынка труда играет определяющую роль в обеспечении информационно-технологического суверенитета страны, Правительством РФ и другими органами власти были приняты решения по поддержке как отрасли в целом (смягчение условий кредитования, налоговые льготы и вычеты, льготы по амортизации, понижение тарифов страховых взносов), так и для специалистов, включая обеспечение жильем.

Декомпозируем обозначенные национальные тренды согласно ранее представленному алгоритму (Таблица 26, Таблица 27, Таблица 28).

---

³¹⁷ Банк России. «Региональная экономика: комментарии ГУ» (№ 22, сентябрь 2023 года) (https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/46309/report_01092023.pdf; дата обращения: 20.05.2024)

Таблица 26 – Декомпозиция национального тренда «Дефицит трудовых ресурсов, в том числе высококвалифицированных»

Характеристика	Канал № 1	Канал № 2	Канал № 3	Канал № 4
<i>Тренд «Дефицит трудовых ресурсов, в том числе высококвалифицированных»</i>				
Наименование	Проинфляционные риски	Сдерживание экономического роста	Ограничение возможностей в импортозамещающих секторах	Необходимость интенсификации привлечения молодых специалистов
Описание влияния на объект стратегирования	В условиях рекордно низкой безработицы, обусловленной превышением спроса на труд над предложением, возникает конкуренция за трудовые ресурсы, что приводит к увеличению заработных плат и посредством стимулирования спроса приводит к росту цен.	Труд, являясь одним из факторов производства, определяет потенциал экономического роста. Отсутствие достаточных ресурсов приводит к упущенным стратегическим возможностям.	Одним из смежных национальных трендов является импортозамещение. В условиях освободившихся рыночных ниш необходим опережающий выпуск в импортозамещающих секторах, однако в условиях дефицита трудовых ресурсов это не представляется возможным.	Одним из потенциальных источников рабочей силы могут стать студенты, получающие высшее и среднее профессиональное образование. Сложившийся дефицит кадров может придать импульс взаимодействию экономической системы с системой образования – данные взаимодействия могут касаться увеличения практик/стажировок, открытия базовых кафедр на площадках учебных заведений, развитию института целевого обучения.
Знак влияния (параметр a_i формулы 1)	-1	-1	-1	1
Мощь канала влияния (параметр x_i формулы 1)	2	3	3	3
Оценка канала влияния	-2	-3	-3	3
Итог по тренду (количественный)	$y = \text{sgn} (-2-3-3+3) = -1$			
Итог по тренду (качественный)	Дефицит кадров способен придать импульс для институциональных преобразований рынка труда для вовлечения более широких групп населения в состав трудовых ресурсов, что может трактоваться как стратегическая возможность. Однако угрозы, создаваемые данным трендом, значительны, так как сдерживают стратегическое социально-экономическое развитие Российской Федерации и отдельных регионов.			

Источник: составлено автором

Таблица 27 – Декомпозиция национального тренда «Высокие процентные ставки в национальной экономике»

Характеристика	Канал № 1	Канал № 2	Канал № 3	Канал № 4
<i>Тренд «Высокие процентные ставки в национальной экономике»</i>				
Наименование	Формирование высоких инфляционных ожиданий	Привлекательные ставки по депозитам	Ограниченные возможности реализации крупных инвестиционных проектов	Необходимость развития иных методов и способов фондирования крупных инвестиционных проектов
Описание влияния на объект стратегирования	Высокие процентные ставки являются ответом на высокие показатели инфляции. При этом подобная инфляция формирует более высокие инфляционные ожидания на будущие периоды, что побуждает кредитоваться и предъявлять спрос в текущем периоде, не позволяя снизить инфляцию. В конечном итоге это выражается в перманентном превышении целевых показателей инфляции.	Высокие значения ключевой ставки приводят к увеличению доходности депозитов, что позволяет домохозяйствам и фирмам размещать свободные денежные средства в банках на более выгодных условиях. Изолированно подобная тенденция уменьшает совокупный спрос в текущем периоде, что негативно сказывается на ВРП регионов и ВВП страны в целом. При этом высокая инфляция частично нивелирует номинальную доходность депозитов, что позволяет говорить лишь об условном реальном росте доходов.	Высокие ставки по кредитам осложняют реализацию крупных инвестиционных проектов, предполагающих долговое финансирование, так как высокая цена капитала может приводить потенциально привлекательные проекты к низким показателям эффективности. В этой связи проекты либо потребуются откладывать, либо искать альтернативные варианты фондирования, обеспечивающие более низкую стоимость капитала.	Высокая стоимость заемного капитала (в частности, банковского) обуславливает необходимость поиска альтернативных путей фондирования, среди которых, помимо привлечения более дешевого капитала из дружественных стран, могут быть перечислены инфраструктурные облигации или механизмы государственно-частного партнерства, что способствует совершенствованию механизмов привлечения капитала институциональной среды в целом.
Знак влияния (параметр a_i формулы 1)	-1	-1	-1	1
Мощь канала влияния (параметр x_i формулы 1)	2	2	3	3
Оценка канала влияния	-2	-2	-3	3
Итог по тренду (количественный)	$y = \text{sgn} (-2-2-3+3) = -1$			
Итог по тренду (качественный)	Высокие процентные ставки обуславливают необходимость поиска асимметричных ответов и поиска новых путей привлечения капитала. Однако при этом высокопроцентная среда в большей степени создает ограничения экономической активности, не способствуя реализации всех имеющихся конкурентных преимуществ.			

Источник: составлено автором

Таблица 28 – Декомпозиция национального тренда «Интенсификация процессов импортозамещения»

Характеристика	Канал № 1	Канал № 2	Канал № 3	Канал № 4	Канал № 5
<i>Тренд «Интенсификация процессов импортозамещения»</i>					
Наименование	Повышение экономической безопасности	Развитие цепочек накопления стоимости	Потенциал занятия новых и освободившихся рыночных ниш	Использование процедур параллельного импорта	Негативное влияние на экономический рост при условии низкого качества
Описание влияния на объект стратегирования	Импортозамещение снижает эффекты санкционных рисков и снижает чувствительность к изменениям внешней среды.	Замещение импортной продукции предполагает создание и развитие новых цепочек накопления стоимости, выстраивание новых логистических схем, вовлеченность отечественного бизнеса в создании новой продукции.	В условиях введенных секторальных санкций открывается значительное количество рыночных ниш, которые могут быть заняты отечественной продукцией с перспективой выхода на международные рынки.	Отдельные категории товаров, которые не могут заменены в краткосрочной перспективе, могут быть приобретены по процедуре параллельного импорта (согласно перечню допущенных к этой процедуре товарных групп). Это способствует увеличению времени (ключевого фактора) для поиска/разработки аналогов без остановки системообразующих производств/	Неэффективное импортозамещение (по причине низкого качества аналогов или отсутствия спроса) может приводить к снижению темпов экономического роста. При этом одни категории товаров могут быть замещены легче и быстрее, чем другие.
Знак влияния (параметр a_i формулы 1)	1	1	1	1	-1
Мощь канала влияния (параметр x_i формулы 1)	3	2	2	2	2
Оценка канала влияния	3	2	2	2	-2
Итог по тренду (количественный)	$y = \text{sgn}(3+2+2+2-2) = 1$				
Итог по тренду (качественный)	Импортозамещение способствует повышению экономической безопасности и развитию новых цепочек накопления стоимости. Для импортозамещенной продукции существуют освободившиеся ниши, однако возможности замещения различных групп товаров значительно варьируются и могут негативно влиять на темпы экономического роста. При этом возможности, обусловленные данным трендом, превышают угрозы.				

Источник: составлено автором

К региональным трендам, релевантным Ямало-Ненецкому автономному округу, можно отнести следующее:

- более высокие темпы реальных денежных доходов – ЯНАО долгое время опережал показатели как Уральского федерального округа, так и Российской Федерации в целом (Рисунок 24) и уступил лидерство только в 2024 году. Данный фактор исторически обуславливал конкурентные преимущества округа и может в дальнейшем стать дополнительным аргументом для миграции трудовых ресурсов;

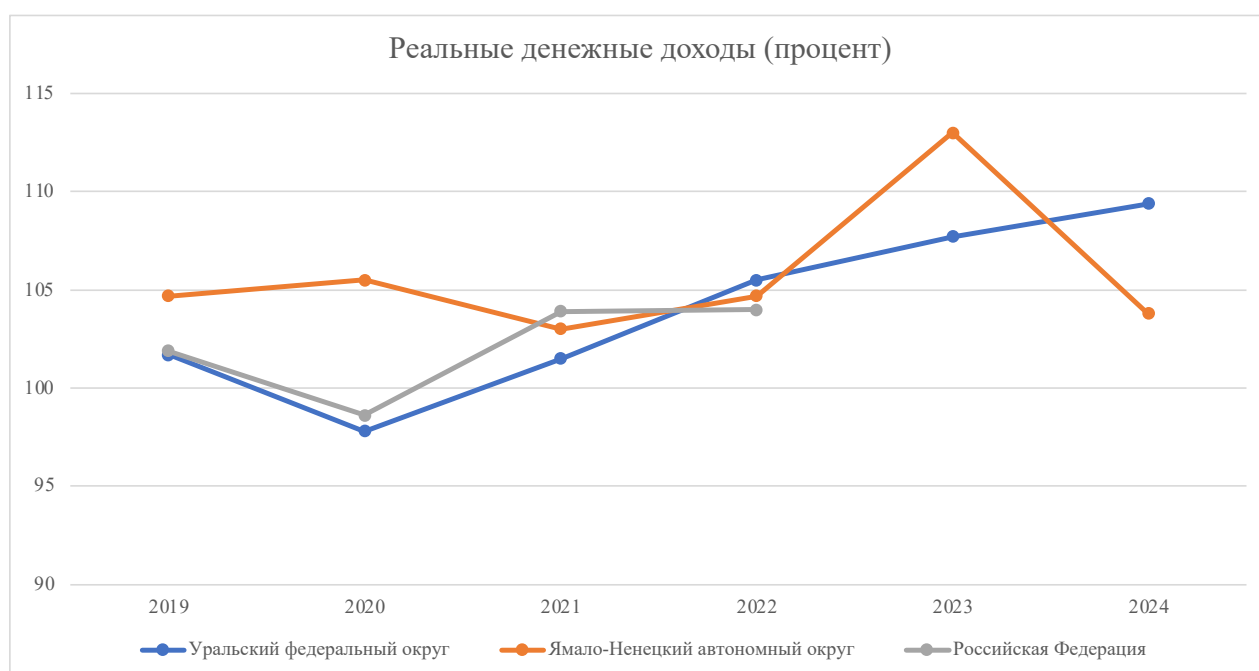

Рисунок 24 – Динамика индекса реальных денежных доходов

Источник: ЕМИСС. Реальные денежные доходы ([https:// fedstat.ru/indicator/31422](https://fedstat.ru/indicator/31422); дата обращения: 24.06.2025)

- корреспондирующим с предыдущим является показатель бедности населения – ЯНАО в этом показателе также демонстрирует лучшие результаты относительно общероссийских (Рисунок 25). Со стратегической точки зрения меньшая численность населения с низкими доходами обеспечивает возможность расходования меньшего объема денежных средств на поддержку малоимущих слоев населения, а также отражает потенциал большего внутрирегионального спроса. Помимо этого, данный фактор потенциально отражает более низкую степень социальной напряженности;

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в процентах от общей численности населения

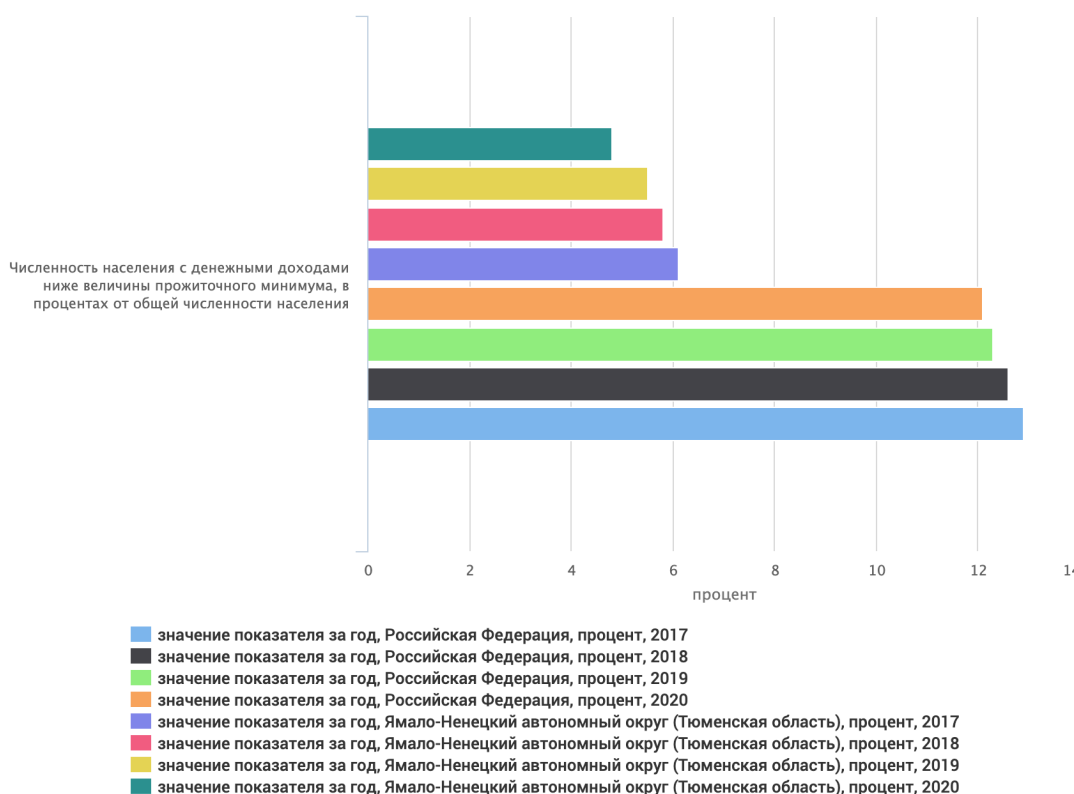

Рисунок 25 – Показатели доли населения с доходами ниже прожиточного минимума

Источник: ЕМИСС. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума ([https:// fedstat.ru/indicator/33460](https://fedstat.ru/indicator/33460); дата обращения: 24.06.2025)

– уход с европейских рынков обусловил сокращение в 2022 году добычи природных ископаемых, однако запасы на территории ЯНАО и Карского моря значительны – «по состоянию на 01.01.2022 открыто 241 месторождение углеводородного сырья: 84 нефтегазоконденсатных, 73 нефтяных, 52 газоконденсатных, 21 газовое и 11 газонефтяных. 108 месторождений находится в разработке, 133 в разведке»³¹⁸. Визуализация данной информации с учетом существующей и проектируемой инфраструктуры представлена на рисунке (Рисунок 26).

³¹⁸ Брехунцов А.М., Нестеров И.И., Грамматчикова Е.Г. Состояние и анализ развития ресурсной базы углеводородного сырья Ямало-Ненецкого автономного округа и шельфа Карского моря // Георесурсы. – 2023. – Т. 25. – № 1. – С. 15–23.

последние годы увеличилось количество гостиниц, а вопросы развития туристического кластера на Полярном Урале обсуждаются на уровне высшего руководства региона³¹⁹, что свидетельствует о стратегической значимости данного вопроса. Совокупность природно-климатических, культурных и деловых условий позволяет развивать этнический, промышленный, сельский, деловой, экстремальный и иные виды туризма. При этом помимо туризма развивается культура, спорт и индустрия досуга и развлечений, также способная содействовать привлечению туристов – так, доля вида деятельности «Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений» в ЯНАО в реальном выражении выросла на 64% с 2016 по 2022 год, превзойдя допандемийный уровень, и имеет потенциал дальнейшего роста (Рисунок 27).

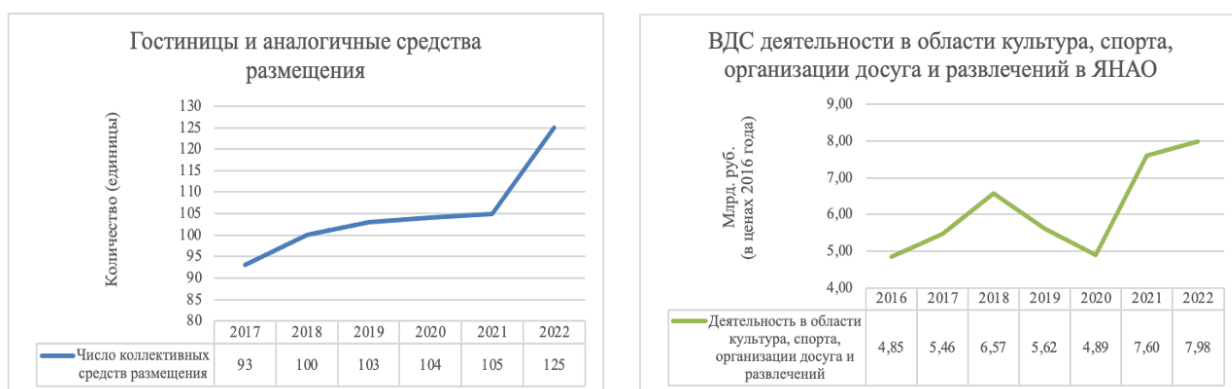

Рисунок 27 – Динамика отдельных показателей в непромышленном секторе
 Источник: составлено автором по данным Управления ФСГС по Тюменской области, ХМАО и ЯНАО
 ([https:// 72.rosstat.gov.ru/](https://72.rosstat.gov.ru/))

– тенденция на улучшение экологической ситуации в регионе. Согласно выводам в «Докладе об экологической ситуации в Ямало-Ненецком округе в 2021 году» «за пятилетний период в автономном округе сохраняется положительная тенденция, направленная на увеличение доли утилизированных отходов от их общего количества»³²⁰. Очевидным является тот факт, что наибольшее влияние на экологическую ситуацию в регионе оказывают объекты

³¹⁹ «Дмитрий Артюхов провел совещание по развитию туристического кластера на Ямале» (<https://yanao.ru/press-tsentr/novosti/dmitriy-artukhov-provel-soveshchanie-po-razvitiyu-turisticheskogo-klastera-na-yamale/>; дата обращения: 20.05.2024)

³²⁰ «Доклад об экологической ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе в 2021 году» (<https://yanao.ru/dokumenty/93506/>; дата обращения: 20.05.2024)

предприятий ТЭК. Руководством округа ставятся задачи по минимизации НВОС за счет инновационных и регуляторных инструментов, что соответствует национальному проекту «Экология».

На концептуальном уровне указанных тенденций достаточно для формирования образа будущего состояния среды, в которой будет функционировать объект стратегирования, однако при разработке самой стратегии потребуется более детально проанализировать как глобальные и национальные, так и региональные и отраслевые тенденции, а также выявить механизмы взаимовлияний, чтобы создать целостное представление о динамике внешней среды.

Внешняя среда Российской Федерации и, в частности, ЯНАО весьма неоднородна, поэтому и влияние оказывает разнонаправленное. Так, можно ожидать усиления санкционного давления, но при этом часть стран, не введших в отношении Российской Федерации санкций согласно прогнозам будет расти быстрее: например, согласно прогнозу ОЭСР экономики Индии и Китая будут расти в 2024 году сильнее, чем страны G20, а рост российской экономики прогнозируется на уровне 1,8%, то есть выше, чем в странах западной Европы (как и в Евроне), Великобритании, Канаде (Рисунок 28). Прогноз на 2025 год менее оптимистичен для Российской Федерации, но он весьма условен, так как зависим от обширного числа факторов различной природы, в том числе неэкономической.

Близкий, хоть и более пессимистичный прогноз представлен в материалах Всемирного банка: мировая экономика будет умеренно расти с существенной дифференциацией по регионам, но Индия и Китай будут в лидерах³²¹. В этом контексте немаловажным является факт развития Северного морского пути, на котором в 2023 году был установлен рекорд по грузоперевозкам – 35 млн тонн³²².

---

³²¹ «Перспективы мировой экономики» (<https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/global-economic-prospects>; дата обращения: 20.05.2024)

³²² «Обзор СМИ. Зафиксирован новый рекорд грузоперевозок по Северному морскому пути. Перевезено 35 млн. тонн грузов» (<https://www.rosnedra.gov.ru/article/15729>; дата обращения: 20.05.2024)

Прогнозы ОЭСР по темпам прироста ВВП на 2024 и 2025 год (% год к году)

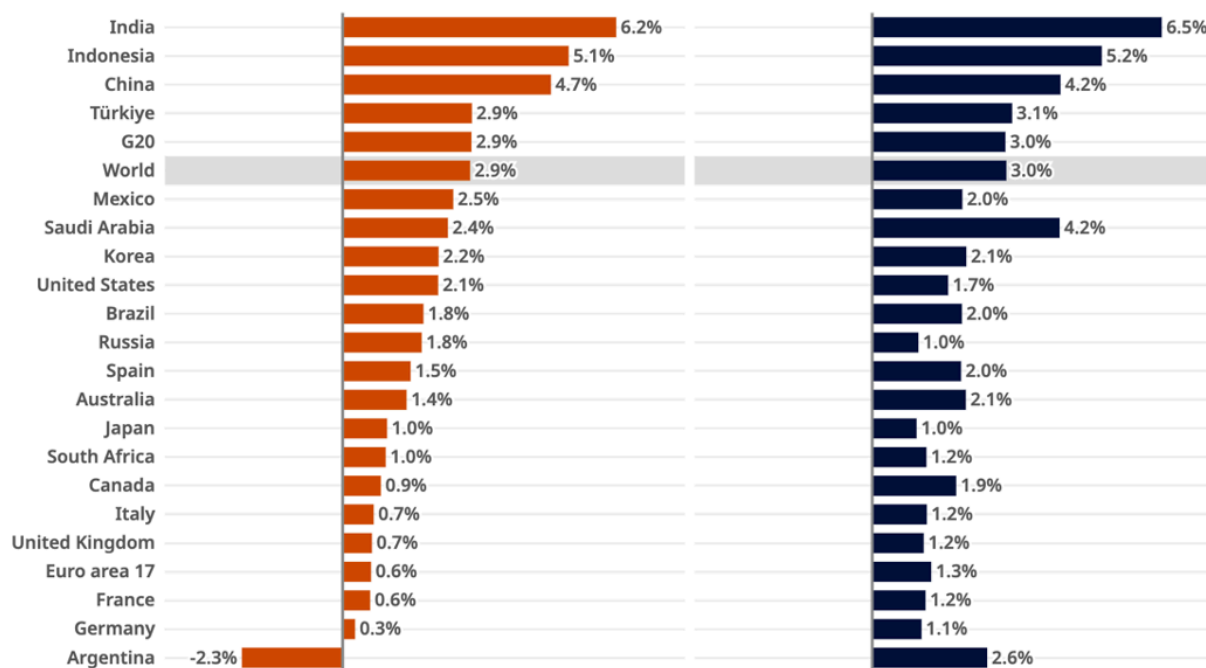

Рисунок 28 – Прогноз роста ВВП по версии ОЭСР

Источник: OECD Economic outlook, Interim report February 2024: Strengthening the foundations for growth (<https://www.oecd-ilibrary.org/sites/0fd73462-en/index.html?itemId=/content/publication/0fd73462-en>)

При этом немаловажным является и еще одно достижение – рекорд по объему перевозки транзитных грузов – 2.1 млн тонн в 2023 году³²³. Этот путь является наиболее близким до рынков сбыта Китая и Индии, что является существенным конкурентным преимуществом. Другим важным фактором развития логистической инфраструктуры в новой реальности является железнодорожное сообщение – так, в 2023 году между Российской Федерацией и Ираном было подписано соглашение о совместном строительстве участка железной дороги «Решт – Астара». Данный участок «позволит наладить прямое и беспрерывное сообщение по всей протяженности маршрута «Север-Юг»»³²⁴. Отмечается, что данный маршрут позволит доставлять грузы из России в

³²³ «Транзит по Севморпути в 2023 году достиг рекорда в 2.1 млн. тонн» (<https://www.interfax.ru/business/930429>; дата обращения: 20.05.2024)

³²⁴ «Россия и Иран договорились о строительстве новой железной дороги в рамках проекта «Север-Юг»» (<https://rg.ru/2023/05/17/mumbai-stanet-blizhe.html>; дата обращения: 20.05.2024)

Индию (Санкт-Петербург – Мумбаи) за 10 дней, в то время как традиционные маршруты позволяют сделать это лишь за 30-45 дней.

Внешнюю среду ЯНАО на внутривнутристрановом уровне формируют также и другие регионы, в первую очередь регионы-соседи. Учитывая специфику государственного управления (округ является автономным со своими органами управления, но при этом входит в состав Тюменской области), в первую очередь речь идет о Ханты-Мансийском автономном округе (также входящем в группу ресурсоориентированных) и о Тюменской области без учета округов. На этапе концепции мы не будем их детально рассматривать, потому что это необходимо делать непосредственно на этапе разработки/актуализации стратегии, но акцентируем внимание на важности анализа их взаимовлияния в ЯНАО, на глубине хозяйственных взаимосвязей и общих цепочках накопления стоимости и т.д. Однако региональная внешняя среда не ограничивается соседними территориальными образованиями, в связи с чем в анализ должны приниматься все внешние по отношению к объекту стратегирования экономические агенты, способные оказать существенное влияние на положение анализируемого региона.

Перейдем к анализу внутренней среды ЯНАО в соответствии с предложенным в Главе 2 алгоритмом и выявим ключевые аспекты, в наибольшей степени определяющие социально-экономическую динамику округа. Для этого используем ряд визуализаций по ключевым параметрам (Рисунок 29, Рисунок 30, Рисунок 31, Рисунок 32, Рисунок 33).

Ключевые выводы из представленных графиков:

- ВРП ЯНАО устойчиво рос до пандемии новой коронавирусной инфекции в 2020 году (Рисунок 29), после чего в 2021 году вновь имел место рост физического объема ВРП, однако неблагоприятная внешнеэкономическая и внешнеполитическая конъюнктура ограничивают возможности регионального роста;

Рисунок 29 – Динамика ВРП ЯНАО

Источник: составлено автором по данным Управления ФСГС по Тюменской области, ХМАО и ЯНАО (<https://72.rosstat.gov.ru/>)

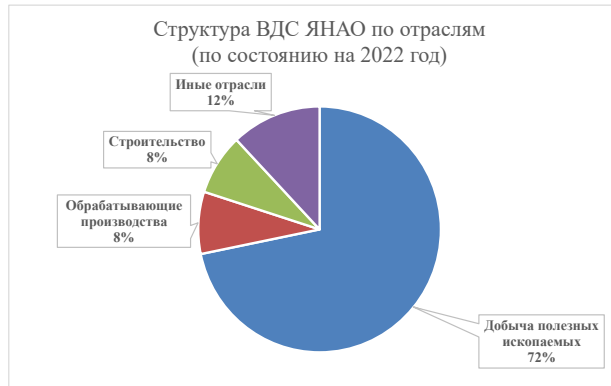

Рисунок 30 – Отраслевая структура ВДС ЯНАО

Источник: составлено автором по данным Управления ФСГС по Тюменской области, ХМАО и ЯНАО (<https://72.rosstat.gov.ru/>)

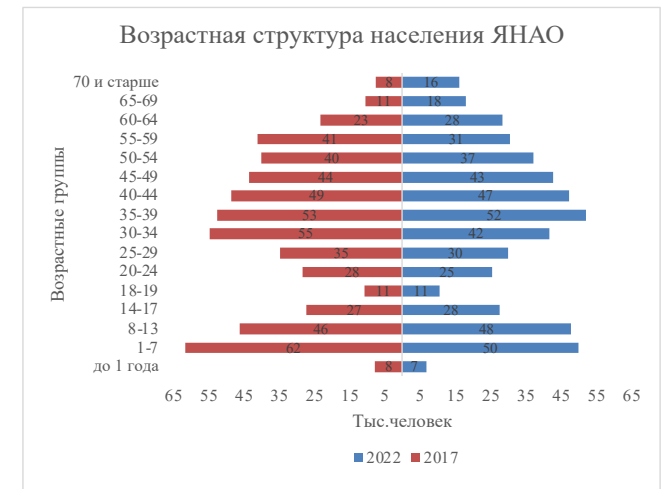

Рисунок 31 – Возрастная структура населения ЯНАО

Источник: составлено автором по данным Управления ФСГС по Тюменской области, ХМАО и ЯНАО (<https://72.rosstat.gov.ru/>)

Рисунок 32 – Доли населения в различных группах по доходам

Источник: составлено автором по данным Управления ФСГС по Тюменской области, ХМАО и ЯНАО (<https://72.rosstat.gov.ru/>)

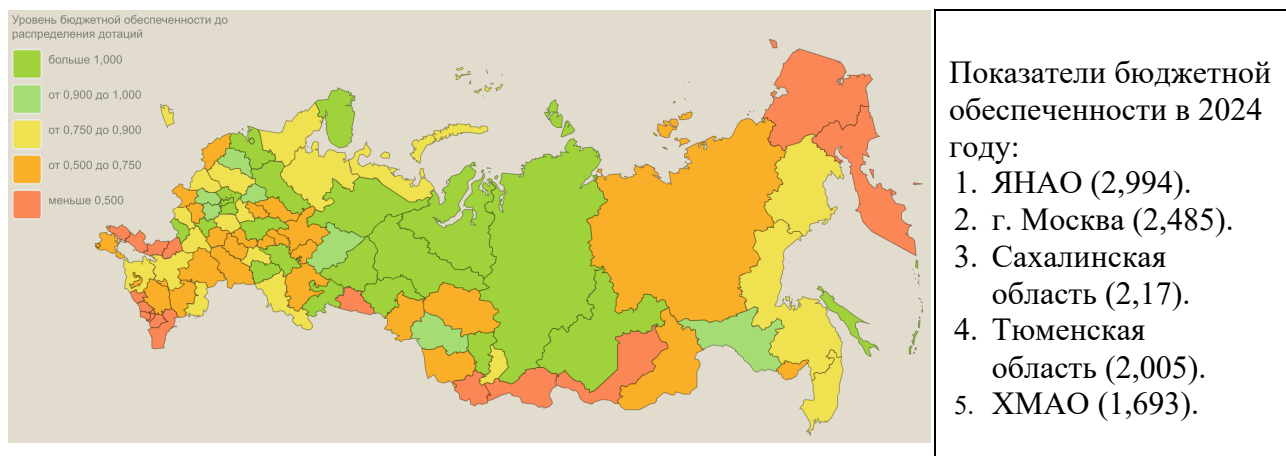

Рисунок 33 – Уровень бюджетной обеспеченности регионов РФ

Источник: Единый портал бюджетной системы РФ «Электронный бюджет» (<https://budget.gov.ru/Регионы/Бюджетная-обеспеченность-субъектов-РФ?regionId=45000000>)

– существенным конкурентным преимуществом ЯНАО являются высокие среднедушевые доходы, что может привлечь в регион дополнительную рабочую силу. Данные (Рисунок 32) показывают, насколько ситуация в округе отличается от среднероссийской. При этом структура занятости, как уже было отмечено ранее, имеет специфику, которую нужно учитывать как домохозяйствам при рассмотрении возможностей миграции, так и на уровне органов управления;

– структура ВДС ЯНАО (Рисунок 30) имеет существенный структурный сдвиг в сторону добычи полезных ископаемых, что уже рассматривалось в контексте определения группы ресурсоориентированных регионов, однако ключевым здесь является другое – низкая степень диверсификации (ранее отмеченная при расчете степени отраслевой концентрации). Подобная структура чувствительна к внешним шокам, в связи с чем необходимо прорабатывать механизмы увеличения степени диверсификации. Кроме этого, столь недиверсифицированная структура имеет значительные риски в части трудового обеспечения;

– динамика возрастной структуры (Рисунок 31) показывает, что в регионе увеличилась доля населения более старших возрастных групп и уменьшилась доля молодежи – подобный структурный сдвиг создает угрозы

для региона, с точки зрения достаточности трудовых ресурсов. Другим немаловажным аспектом, обуславливающим такое изменение, является недостаточное количество учреждений высшего образования, в связи с чем молодые люди вынуждены уезжать в другие регионы для получения образования и дальнейшей трудовой деятельности;

- ЯНАО является общероссийским лидером в части бюджетной обеспеченности (Рисунок 33), практически втрое опережая среднероссийские значения. Помимо этого, ЯНАО относится к группе регионов с высокой долговой устойчивостью. Важной метрикой, которая потенциально может быть имплементирована в алгоритм определения ресурсоориентированных регионов, является величина налоговых поступлений от предприятий ТЭК – так «крупнейшими налогоплательщиками в автономном округе останутся предприятия топливно-энергетического комплекса: «Газпром», «НОВАТЭК», «Газпром нефть», «Роснефть» и их дочерние организации, на долю поступлений от которых приходится 92% доходов окружного бюджета автономного округа»³²⁵.

По итогам проведенного анализа, сформируем OTSW-матрицу Ямало-Ненецкого автономного округа (Таблица 29). Для ЯНАО важная часть стратегических возможностей обусловлена природно-ресурсным контуром, однако необходимо определить возможности и в иных отраслях, а также учесть национальные интересы. При определении стратегических угроз также необходимо проводить рассмотрение шире контекста ресурсной ориентации, отмечая угрозы в части обеспечения качества жизни населения, экологические риски и прочее. Сильные и слабые стороны необходимо отражать максимально объективно, при этом учитывая, что стратегия не ориентирована на решение текущих проблем.

---

³²⁵ «На Ямале утвержден бюджет на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов» (https://www.yamalfin.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5298:-2024-2025-2026-&catid=31:2010-05-27-04-54-39&Itemid=71; дата обращения: 20.05.2024)

Таблица 29 – OTSW-матрица Ямало-Ненецкого автономного округа

<p>Возможности:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Потенциал роста спроса на природный газ в мировой экономике и, в частности, в странах АТР. 2. Потенциал увеличения добычи природных ископаемых на новых месторождениях округа и шельфе (в том числе ТРИЗ). 3. Потенциал и необходимость на национальном уровне развития региональной транспортной инфраструктуры для превращения региона в транспортный узел, расположенный на Северном Морском пути. 4. Потенциал увеличения налоговых поступлений от крупнейших налогоплательщиков из области ТЭК на фоне высоковолатильных цен на энергоресурсы (по причине нестабильной внешнеполитической и внешнеэкономической ситуации). 5. Потенциал развития туризма (экстремальный, промышленный, деловой, этнический) в условиях ограниченности доступа к традиционным туристическим направлениям и кластерам. 6. Ускоренное развитие отдельных агломераций за счет принадлежности к стратегически важной для РФ Арктической зоне и содействие развитию соседних территорий. 7. Интенсификация развития выставочно-ярмарочной деятельности на базе уникальной культуры КМНС. 8. Возможность привлечения в регион высококвалифицированных трудовых ресурсов ввиду более высоких среднедушевых доходов. 9. Высокая степень бюджетной обеспеченности региона позволяет прорабатывать различные варианты привлечения долгового финансирования с низким уровнем риска. 10. Значительный потенциал развития АПК (в первую очередь оленеводства и рыболовства). 11. Использование современных форматов дистанционного обучения для обеспечения молодежи возможностями получения образования без перемещения из округа, а также интенсификация развития целевого образования для возвращения кадров в регион. 12. Наличие программ государственной поддержки различных форм предпринимательства, недостаточно развитого на территории округа, что создаст возможности для покрытия потребностей, предъявляемых платежеспособным региональным спросом. 	<p>Угрозы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Снижение спроса на природные ресурсы РФ на традиционных рынках сбыта, добываемые в округе, в силу факторов неэкономического характера, в частности, отказ европейских стран от российских энергоносителей. 2. Риски оттока кадров ввиду социальной напряженности на фоне нестабильности внешнеполитической обстановки, а также сокращения добычи на традиционных газодобывающих месторождениях (изменение географии добычи). 3. Риск оттока потенциальных трудовых ресурсов ввиду отсутствия на территории округа высших учебных заведений (образовательная миграция). 4. Высокая зависимость экономики региона ввиду недостаточной степени диверсификации от мировых цен на энергоносители. 5. Риски ухудшения экологической обстановки и нанесения вреда КМНС ввиду деятельности предприятий ТЭК. 6. Риски техногенного и антропогенного характера. 7. Климатические изменения, в первую очередь растепление пород. 8. Специфическая модель присутствия в округе, заключающаяся во «временном» пребывании населения.
---	--

<p>Сильные стороны:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Действие на территории округа программы «Арктическая ипотека». 2. Циркумпольный статус округа. 3. Наличие большого количества разведанных, но до настоящего времени не добываемых запасов. 4. Исторически сложившийся высокий уровень среднедушевых доходов. 5. Высокое качество среднего образования, способствующее развитию человеческого потенциала. 6. Принадлежность к Арктической зоне РФ и отражение отдельных агломераций в «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» в качестве опорных. 7. Наличие свободных рыночных ниш для субъектов МСП, в частности в сфере потребительских товаров. 8. Культурная самобытность, способная представлять интерес с точки зрения туризма. 	<p>Слабые стороны:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Недостаточное развитие транспортной системы региона как в автомобильной, так и в железнодорожной компоненте (при наличии наибольшего количества аэропортов в РФ в региональном разрезе). 2. Недостаточное развитие социальной инфраструктуры. 3. Недостаточная энергонезависимость региона. 4. Высокая доля затрат в строительстве ввиду логистических особенностей, обуславливающих низкую транспортную доступность. 5. Недостаточный уровень самообеспеченности продуктами питания в совокупности с высокой степенью дотационности ряда направлений сельского хозяйства. 6. Высокая степень износа основных фондов и относительно высокая доля ветхого жилья.
--	---

Источник: составлено автором

3.2 Формирование миссии и видения Ямало-Ненецкого автономного округа

После того как завершен анализ внешней и внутренней среды мы можем перейти к формированию первоочередных документов стратегии. Ввиду того, что в ЯНАО имеется утвержденная стратегия социально-экономического развития, мы считаем целесообразным отталкиваться от ее положений, приводя предложения по корректировке/дополнению/исключению пунктов – это позволит повысить практическую значимость предложений, не снижая вклад в развитие положений методологии стратегирования.

Как было отмечено во второй главе настоящего диссертационного исследования, существующие региональные стратегии не имеют единой методологии и в определенных моментах не имеют под собой научно обоснованного базиса. Стратегия развития ЯНАО в этом отношении имеет пространство для улучшений, хотя и без них представляет собой структурированный документ, обладающий логической стройностью и позволяющий при его последовательной реализации достигать поставленных стратегических целей.

В первую очередь в стратегии ЯНАО отсутствует сформулированная миссия. В разделе «Стратегическая доктрина» авторы стратегии формулируют стратегическую цель, которая звучит следующим образом «ЯНАО 2035 – комфортный регион для долговременного проживания»³²⁶. Данная конструкция подчеркивает ключевой аспект каждой стратегии – ориентацию на качество жизни. Однако для того, чтобы отвечать требованиям, который предъявляются к миссии как первоначальному документу стратегии необходимо в большей степени отразить, какие интересы будут реализовывать объект стратегирования – в рамках разработки концептуальной модели были сформулированы

---

³²⁶ Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года, утвержденная Постановлением Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.06.2021 № 478 – С. 110.

положения, на которых необходимо делать акцент при формировании миссии (Рисунок 34):

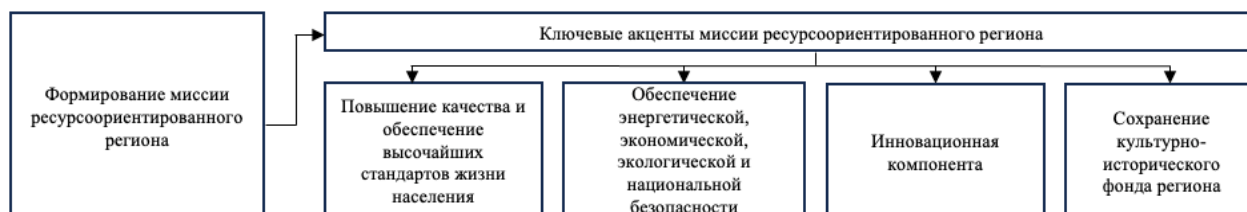

Рисунок 34 – Ключевые акценты при формулировании миссии ресурсоориентированного региона

Источник: составлено автором на базе теории стратегии и методологии стратегирования В.Л. Квинта

С учетом данных положений миссию Ямало-Ненецкого автономного округа предлагается сформулировать следующим образом:

Миссия Ямало-Ненецкого автономного округа заключается в формировании и поддержании социально-экономических и институциональных условий для устойчивого повышения качества жизни населения, развития человеческого потенциала и сохранения культурно-исторической самобытности. Ямало-Ненецкий автономный округ – ресурсоориентированный регион, открытый к созданию диверсифицированной структуры экономики, базирующейся на продуцировании и имплементации инноваций и передовых решений, а также построению долгосрочных партнерских отношений с регионами РФ и зарубежьем. Ямало-Ненецкий автономный округ ориентирован на обеспечение экономической, энергетической и экологической безопасности Российской Федерации и полноценную реализацию национальных интересов и приоритетов, в том числе в области всестороннего лидерства в Арктике.

Подобная формулировка будет отражать ориентацию на повышение качества жизни, необходимость стратегической диверсификации в целях минимизации чувствительности к внешним факторам (в частности конъюнктуры мирового рынка энергоносителей), а также на реализацию национальных интересов, локализованных в регионе.

Логическим продолжением миссии в стратегии должно являться видение, которое, как отмечает В.Л. Квинт «является одним из самых недопонятых элементов разработки стратегии»³²⁷. Данный документ должен расшифровывать философско-ценностные установки, отражающие аспекты социальной ответственности объекта стратегирования. В стратегии ЯНАО данный элемент в явном виде не выделяется, но при этом указываются стратегические приоритеты.

С методологической точки зрения приоритеты являются конечным продуктом видения, в связи с чем стратегия ЯНАО была бы более обоснованной с научной и методологической точки зрения при включении видения. Однако важно отметить преимущество существующей стратегии – оно заключается в том, что приоритеты ЯНАО сформулированы в привязке к документам верхнего уровня, среди которых:

- «Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»;
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации;
- Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации;
- Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.;
- Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г.;
- Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.;
- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.;
- Стратегия развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 г.;
- Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 г.;

---

³²⁷ Квинт В.Л. Концепция стратегирования. Т.1. – СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2022. – С. 61.

– Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 гг.;

– Стратегия развития здравоохранения в Российской Федерации до 2025 г.;

– Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г.,

а также в других долгосрочных отраслевых стратегиях, концепциях и доктринах, принятых и утвержденных на федеральном и региональном уровне»³²⁸. В контексте взаимосвязи с верхнеуровневыми документами в ЯНАО сформулировано 5 приоритетов, а именно:

1. **«Устойчивый экономический рост:** развитие приоритетных направлений экономики, предпринимательской активности населения, экспортной деятельности, потребительского рынка.

2. **Повышение качества жизни:** создание комфортных условий жизнедеятельности, развитие отраслей социальной сферы, повышение образовательного и культурного уровня населения.

3. **Сохранение и устойчивое развитие КМНС:** сохранение традиционных практик хозяйствования, этнокультурных особенностей и исторического наследия КМНС; обеспечение высокого качества образования, здравоохранения, доступности государственных услуг. Создание широкого набора вариантов выбора жизненного пути.

4. **Рациональное природопользование и обеспечение экологической безопасности:** адаптация к климатическим изменениям, рекультивация земель, предотвращение загрязнения и улучшение состояния природной среды, создание эффективной системы обращения с отходами, международное сотрудничество по вопросам экологии.

---

³²⁸ Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года, утвержденная Постановлением Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.06.2021 № 478 – С. 111.

5. **Эффективное управление регионом:** улучшение качества и адресности государственных услуг населению, упрощение доступа к ним за счет цифровизации; повышение обоснованности и открытости принятия управленческих решений с использованием единой интегральной информационной системы управления регионом и отраслевых систем управления; четкая приоритезация на основе постоянного диалога с бизнесом и обществом»³²⁹.

С методологической точки зрения корректнее и целесообразнее для целей дальнейшего использования сформировать конструкцию «Контуров стратегических приоритетов – стратегические приоритеты», которая призвана в первую очередь определять верхнеуровневое направление приоритезации, а затем декомпозировать это направление до уровня отдельных стратегических приоритетов. Кроме того, целесообразно отражать контуры стратегических приоритетов, начиная с качества жизни населения (как отражено в предлагаемой формулировке миссии), так как именно человек является центром стратегии.

Помимо этого, важно учитывать, что документы верхнего уровня актуализируются, что должно находить отражение в региональных стратегиях при обновлении: так, при пересмотре стратегии ЯНАО должно быть отражено изменение национальных целей, которые согласно Указу Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» звучат следующим образом:

1. «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи.
2. Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности.
3. Комфортная и безопасная среда для жизни.

---

³²⁹ Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года, утвержденная Постановлением Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.06.2021 № 478 – С. 111.

4. Экологическое благополучие.
5. Устойчивая и динамичная экономика.
6. Технологическое лидерство.
7. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы»³³⁰.

Учитывая изложенное, мы предлагаем сформулировать видение ЯНАО следующим образом: при последовательной реализации стратегии социально-экономического развития:

– качество жизни населения значительно превышает среднероссийский уровень за счет развитого здравоохранения (в том числе промышленной медицины в условиях Крайнего Севера³³¹ и обеспечения охраны здоровья КМНС с учетом современных технологий), обеспечения возможности получения высшего образования без покидания территории округа и расширения возможностей получения целевого образования с последующим трудоустройством (в том числе с применением современных технологических решений), перманентного нахождения на траектории естественного прироста и сохранения лидерских позиций по среднедушевым доходам;

– в структуре экономики ЯНАО превалирующую часть продолжает занимать добыча полезных ископаемых, однако в целях минимизации зависимости от внешних факторов в округе развиты и продолжают развиваться несырьевые сектора и частная инициатива (попытки искусственного ухода от сырьевой специализации бессмысленны и бесперспективны, в связи с чем в первую очередь необходимы результаты в части максимизации эффективности от использования природной ренты путем ее оптимального распределения. В наиболее лаконичном и содержательном виде данный тезис был

---

³³⁰ «Президент подписал Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (<http://kremlin.ru/events/president/news/73986>; дата обращения: 20.05.2024)

³³¹ *Меньшиков С.Н. и др.* Промышленная медицина как одно из приоритетных направлений корпоративной социальной ответственности газодобывающих предприятий в условиях Крайнего Севера // Газовая промышленность. – 2017. – № 4 (751). – С. 98–104.

сформулирован академиком А.Д. Некипеловым, который отметил, что «соскакивать с нефтяной иглы следует с ее же помощью»³³²);

– в округе создана и функционирует современная туристическая инфраструктура, обеспечивающая привлекательность как с точки зрения традиционного туризма, так и с позиции этнического, промышленного и экстремального туризма в круглогодичном режиме – регион занимает конкурентные позиции в туристической сфере;

– в округе ведется активная работа по сохранению и популяризации уникальной культуры КМНС за счет проведения культурно-массовых мероприятий и активного развития выставочно-ярмарочной деятельности;

– в округе создана и функционирует развитая транспортная инфраструктура, включающая сети автомобильных и железных дорог и речного транспорта, обеспечивающих круглогодичную безопасность движения, увеличение навигационного периода и пропускную способность, достаточную для закрепления позиций региона как крупного логистического узла на маршруте Северного Морского пути;

– в округе обеспечен высокий уровень городской и поселковой инфраструктуры: ведется перманентная работа по снижению доли аварийного и ветхого жилья, обеспечена достаточность парков общественного транспорта, обеспечено качество предоставления государственных услуг с учетом современных технологий на конкурентном уровне с иными регионами РФ;

– в округе развито сельское хозяйство, в частности животноводство и рыболовство (включая рыбоводство), а также созданы условия для развития растениеводства и овощеводства в условиях Крайнего Севера с применением современных технологий, что способствует продовольственной независимости;

– с учетом хрупкости экологии Арктики в округе созданы и функционируют современные методы мониторинга состояния окружающей

---

³³² Некипелов А.Д. О ресурсном проклятии и его влиянии на тактику и стратегию экономического развития // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2015. – № 2. – С. 209.

среды, институционально закреплён и реализуется комплекс мер по минимизации негативного воздействия на окружающую среду, что позволяет обеспечить недопущение нарушений биоразнообразия арктической экосистемы (принципиальная важность данного вопроса не только в контексте развития Северного Морского пути, но и в целом в экономике природопользования отражена в работах Заслуженного эколога РФ А.В. Мяскова^{333, 334}).

Представление видения в подобном формате позволит сформировать целевой образ будущего состояния региона с позиции интересов и ценностных установок. Следующим шагом является формирование контуров стратегических приоритетов.

3.3 Подходы к выбору стратегических приоритетов и оценке социально-экономических эффектов от их реализации

Согласно разработанной концептуальной модели стратегирования социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов блок стратегических приоритетов выглядит следующим образом (Рисунок 35).

Рассмотрим состав стратегических приоритетов, закреплённых в действующей стратегии, и дадим им оценку с точки зрения методологии стратегирования (согласно положениям Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года, утверждённой Постановлением Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.06.2021 № 478):

1. Устойчивый экономический рост:

- развитие топливно-энергетического комплекса;

---

³³³ Мясков А.В. и др. Системные особенности экологического мониторинга при формировании территориальных проектов северного морского пути // Мониторинг. Наука и технологии. – 2018. – № 5. – С. 7–14.

³³⁴ Петров И.В., Мясков А.В., Попов С.М., Зайцев С.П. Методические основы эколого-экономического обеспечения безотходного природопользования при реализации горнопромышленных проектов развития арктических территорий // Мониторинг. Наука и технологии. – 2018. – № 5. – С. 15–23.

Рисунок 35 – Структура блока формирования системы стратегических приоритетов ресурсоориентированного региона

Источник: составлено автором на базе теории стратегии и методологии стратегирования В.Л. Квинта

- развитие топливно-энергетического комплекса;
- развитие энергетического комплекса и систем коммунальной инфраструктуры;
- развитие транспортного комплекса;
- развитие промышленно-логистических узлов;
- развитие строительного комплекса;
- развитие агропромышленного комплекса;
- развитие туристского комплекса;
- развитие экспортной деятельности;
- развитие потребительского рынка.

2. Повышение качества жизни

- обеспечение социальной защиты;
- развитие системы здравоохранения;
- развитие системы образования;
- развитие культуры;
- развитие физической культуры и спорта;
- развитие жилищной сферы.

3. Сохранение и устойчивое развитие КМНС.

4. Рациональное природопользование и обеспечение экологической безопасности.

5. Эффективное управление регионом:

- цифровизация и развитие связи;
- развитие рынка труда и кадровое обеспечение экономики;
- стратегические направления демографической политики;
- стратегические направления молодежной политики;
- развитие малого и среднего предпринимательства;
- развитие науки и инноваций;
- развитие внешних связей;
- обеспечение безопасности;
- совершенствование контрольно-надзорной деятельности.

Обширный список направлений деятельности отражает многовекторное развитие ЯНАО, однако с точки зрения методологии имеется ряд принципиальных моментов, которые необходимо учесть (Таблица 30).

Таблица 30 – Стратегические приоритеты Ямало-Ненецкого автономного округа согласно действующей стратегии и предложения по доработке

№	Приоритет	Предложения и комментарии
	Устойчивый экономический рост	
1	Развитие топливно-энергетического комплекса	<p>1. Необходимо представить в виде контура стратегических приоритетов, сформулированного consistently приоритету стратегической диверсификации – «Создание диверсифицированной структуры экономики, обеспечивающей устойчивый долгосрочный рост».</p> <p>2. Подобный контур стратегических приоритетов некорректно и нецелесообразно указывать первым, так как центром стратегии является человек, поэтому в первую очередь необходимо отражать приоритет повышения качества жизни населения.</p> <p>Состав приоритетов соответствует необходимости стратегической диверсификации, однако требуется:</p> <p>1. Сформировать под каждый приоритет перечень конкурентных преимуществ (или обосновать потенциал их создания), способных обеспечить реализацию приоритета.</p> <p>2. Провести предварительный анализ эффективности реализации приоритетов с учетом потенциальных создаваемых социально-экономических эффектов. Ввиду ограниченности ресурсного обеспечения необходимо проранжировать пул приоритетов и сформировать перечень первоочередных приоритетов при условии того,</p>
2	Развитие энергетического комплекса и систем коммунальной инфраструктуры	
3	Развитие транспортного комплекса	
4	Развитие промышленно-логистических узлов	
5	Развитие строительного комплекса	
6	Развитие агропромышленного комплекса	

7	Развитие туристского комплекса	что приоритеты обеспечены не только финансовыми, но кадровыми ресурсами, а также обоснованы с точки зрения фактора времени.
8	Развитие экспортной деятельности	
9	Развитие потребительского рынка	
Повышение качества жизни		<p>Целесообразно представить в виде контура стратегических приоритетов и указывать его в первую очередь. Состав приоритетов в достаточной степени покрывает блок «качество жизни», однако необходимо:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Сформировать под каждый приоритет перечень конкурентных преимуществ (или обосновать потенциал их создания), способных обеспечить реализацию приоритета. 2. Провести предварительный анализ эффективности реализации приоритетов с учетом потенциальных создаваемых социально-экономических эффектов. Ввиду ограниченности ресурсного обеспечения необходимо проранжировать пул приоритетов и сформировать перечень первоочередных приоритетов при условии того, что приоритеты обеспечены не только финансовыми, но кадровыми ресурсами, а также обоснованы с точки зрения фактора времени. 3. Ввиду первоочередной важности данного блока необходимо разработать и внедрить транспарентную систему мониторинга реализации приоритета и гибкую систему управления изменениями.
1	Обеспечение социальной защиты	
2	Развитие системы здравоохранения	
3	Развитие системы образования	
4	Развитие культуры	
5	Развитие физической культуры и спорта	
6	Развитие жилищной сферы	
Сохранение и устойчивое развитие КМНС		Необходимо проработать возможность переформулирования в качестве контура стратегических приоритетов и переструктурировать заявленный в стратегии целевой блок в приоритеты. Данный блок должен быть синхронизирован с блоком «Повышение качества жизни».
Рациональное природопользование и обеспечение экологической безопасности		Экологическая безопасность является элементом более крупного контура – «Обеспечение стратегической безопасности», который необходимо выделять отдельно, выделяя из блока «Эффективное управление регионом».
Эффективное управление регионом		<p>Представленный блок перегружен, так как включает различные стратегические направления:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Цифровизация должна являться самостоятельным приоритетом ввиду актуальности с точки зрения глобальных, национальных и отраслевых тенденций и национальных стратегических интересов. 2. Развитие рынка труда необходимо выделить в отдельный контур приоритетов, так как вопрос кадрового обеспечения релевантен каждому из заявленных и перспективных стратегических направлений деятельности. 3. Демографический блок необходимо либо представлять в структуре блока «Повышение качества жизни», либо представлять отдельным контуром (с обеспечением синхронизации с блоком «Повышение качества жизни»). 4. Развитие малого и среднего предпринимательства целесообразно отражать в структуре блока «Создание диверсифицированной структуры экономики, обеспечивающей устойчивый долгосрочный рост».
1	Цифровизация и развитие связи	
2	Развитие рынка труда и кадровое обеспечение экономики	
3	Стратегические направления демографической политики	
4	Стратегические направления молодежной политики	
5	Развитие малого и среднего предпринимательства	
6	Развитие науки и инноваций	

7	Развитие внешних связей	<p>5. Обеспечение стратегической безопасности необходимо выделить в отдельный контур.</p> <p>6. Приоритеты, касающиеся совершенствования институциональной среды, необходимо выделить в отдельный контур.</p> <p>7. Сформировать под каждый приоритет перечень конкурентных преимуществ (или обосновать потенциал их создания), способных обеспечить реализацию приоритета.</p> <p>8. Провести предварительный анализ эффективности реализации приоритетов с учетом потенциальных создаваемых социально-экономических эффектов. Ввиду ограниченности ресурсного обеспечения необходимо проранжировать пул приоритетов и сформировать перечень первоочередных приоритетов при условии того, что приоритеты обеспечены не только финансовыми, но и кадровыми ресурсами, а также обоснованы с точки зрения фактора времени.</p>
8	Обеспечение безопасности	
9	Совершенствование контрольно-надзорной деятельности	

Источник: составлено автором с учетом положений Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года, утвержденной Постановлением Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.06.2021 № 478

Представленные изменения (Таблица 30) позволяют сформировать контуры стратегических приоритетов и представить их в следующем виде (Рисунок 36).

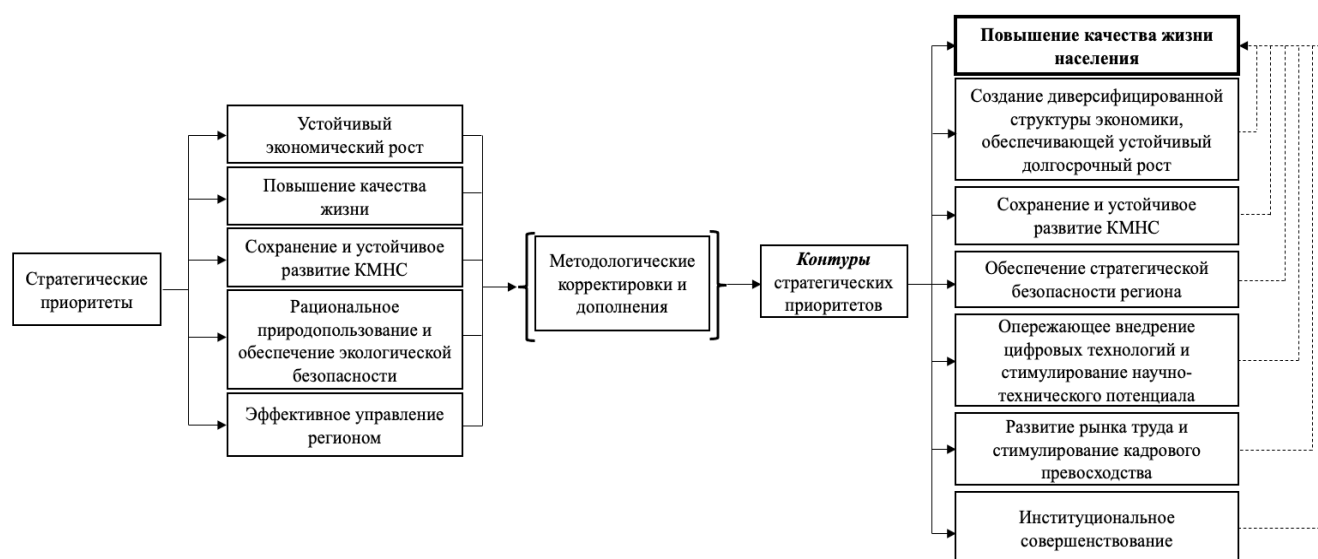

Рисунок 36 – Актуализация системы стратегических приоритетов Ямало-Ненецкого автономного округа

Источник: составлено автором

Представленные предложения отражают лишь верхний уровень системы стратегических приоритетов Ямало-Ненецкого округа, но при этом наиболее принципиальным условием является ориентация на повышение качества жизни населения – фактически каждый контур приоритетов так или иначе направлен

на качество жизни, что выражается посредством влияния на социально-экономические метрики и иные качественные и количественные показатели, но при этом контуры стратегических приоритетов характеризуются взаимовлиянием: развитие рынка труда невозможно без совершенствования институциональной среды, долгосрочный экономический рост невозможен без использования прорывных технологий, обеспечение экономической безопасности региона и снижение чувствительности к возмущениям внешней среды не достижимо без диверсификации структуры экономики – по этим причинам при выборе приоритетов необходимо смотреть на регион как на систему.

Для максимизации эффективности использования доступных ресурсов необходимо предварительно оценить социально-экономические эффекты. В наибольшей степени для оценки эффектов в Ямало-Ненецком округе подходит удельно-партикулярный подход, предполагающий низкую степень межконтурной конкуренции, так как сами контуры приоритетов взаимосвязаны и дополняют друг друга – продемонстрируем (Таблица 31), как он может использоваться для сформированных контуров стратегических приоритетов.

Таблица 31 – Применение удельно-партикулярного подхода для сформированных контуров стратегических приоритетов Ямало-Ненецкого автономного округа

Приоритет	Предлагаемый алгоритм расчета
<p>Повышение качества жизни</p>	<p>Для оценки предлагается использовать различные существующие интегральные показатели качества жизни населения, а для оценки приоритетных направлений использовать метод главных компонент, который позволит выявить веса каждого из факторов в компонентах, объясняющих наибольшую часть дисперсии интегрального показателя.</p>
<p>Создание диверсифицированной структуры экономики, обеспечивающей устойчивый долгосрочный рост</p>	<p>Для оценки возможно использование логит-модели, используя в качестве зависимой переменной рост ВРП на душу населения выше среднероссийских, а в качестве независимых переменных отраслевые индексы физического объема:</p> $P(y_i = 1) = \frac{1}{1 + e^{-(\beta_0 + \beta_1 x_1 + \dots + \beta_n x_n)}}$ <p>Таким образом мы сможем определить вероятность искомого роста ВРП и определить величину предельных эффектов по каждой из зависимых переменных, чтобы впоследствии определить «цену» единицы социально-экономического эффекта. В качестве</p>

	альтернативного варианта возможно использование множественных линейных регрессий в логарифмической форме для оценки коэффициентов эластичности зависимой переменной.
Сохранение и устойчивое развитие КМНС	Ключевым условием эффективности реализации данного приоритета (с учетом целесообразности трансформации в контур приоритетов согласно таблице 29) является эффективно сформированный и содержательный целевой блок с учетом бюджетной обеспеченности, а также информативной обратной связи от КМНС. В контексте удельно-партикулярного подхода необходимо выявить величину расходов по каждому из возможных мероприятий и инициатив, чтобы иметь возможность рассчитать их удельную «цену». В целом целесообразно создание интегрального показателя, логически близкого к индексам качества жизни населения, или рассмотрение возможности инкорпорирования данного блока в существующие индексы в качестве субиндекса.
Обеспечение стратегической безопасности региона	Данный контур содержит различные элементы системы стратегической безопасности: экологическая безопасность, продовольственная безопасность, экономическая безопасность, национальная безопасность. Принимая во внимание низкий уровень внутриконтурной конкуренции приоритезация осуществляется с учетом надрегиональных директив.
Опережающее внедрение цифровых технологий и стимулирование научного-технического потенциала	Для данного контура возможно использование множественных регрессий, однако наиболее содержательные выводы можно получить с использованием агент-ориентированного моделирования. В упрощенном виде возможно использование когнитивного моделирования и составление карт на базе нечеткой логики.
Развитие рынка труда и стимулирование кадрового превосходства	Использование регрессионного анализа для данного контура осложнено тем, что различные сферы производства предполагают различную трудо- и капиталоемкость, в связи с чем оценка эффективности приоритетов внутри контура должна осуществляться при использовании агент-ориентированного моделирования. Дополнительная информация может быть получена по итогам анализа показателей производительности труда.
Институциональное совершенствование	При достаточности и должном качестве статистических данных возможно использование множественных линейных (в том числе, логарифмических) регрессий или VAR-моделей для последующего построения функции импульсных откликов, где в качестве независимой переменной будет использоваться ВРП или ВРП на душу населения, а в качестве предикторов – статистические ряды, релевантные анализируемому приоритету. В качестве альтернативы, принимая во внимание непрерывность процесса институционального совершенствования (в том числе в других регионах) возможно использование исторических данных и применение метода разности разностей, что позволит оценить эффекты от произведенных изменений.

Источник: составлено автором

Данный этап становится отправной точкой для формирования целей (которые должны носить качественный характер), задач (которые должны носить количественный характер), стратегических сценариев, имеющих ряд

аспектов для ресурсоориентированных регионов, и тактического блока (Рисунок 37).

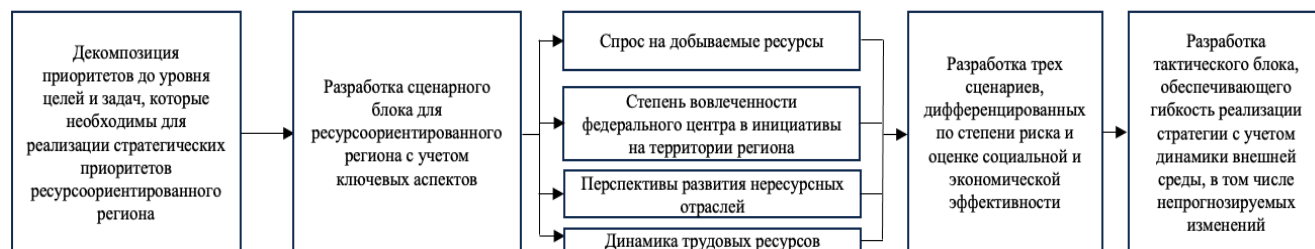

Рисунок 37 – Этапы формирования целей, задач, сценариев и тактического блока в ресурсоориентированном регионе

Источник: составлено автором на базе теории стратегии и методологии стратегирования В.Л. Квинта

В части процедуры формирования целей и задач на базе сформированных стратегических приоритетов ресурсоориентированные регионы не обладают принципиальными особенностями и должны соответствовать теории стратегии и методологии стратегирования. Отличительные особенности появляются на этапе формирования сценариев – ключевые аспекты, на базе которых должны формироваться сценарии представлены на рисунке (Рисунок 37), после чего формируется тактический блок, предполагающий гибкость реализации разработанной стратегии. По результатам разработки стратегии осуществляется ее реализация с учетом принципов стратегического управления, представляющего собой управление процессом стратегирования, то есть как разработки, так и реализации стратегии.

Актуализация действующей стратегии ЯНАО на базе представленных предложений позволит получить структурированный и обоснованный с точки зрения методологии стратегирования документ, что будет способствовать достижению долгосрочных результатов, а также обеспечению общественной и экономической эффективности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие ключевые выводы.

По результатам обобщения существующих подходов к изучению социально-экономического развития региональных экономических систем выявлено, что теория стратегии, являющаяся кросс-парадигмальной дисциплиной, обеспечивает интерпретацию и синтез различных факторов и особенностей регионального развития, в том числе в регионах с существенным природно-ресурсным потенциалом, что позволяет проводить комплексную оценку объекта стратегирования и способствует утилитарности стратегии как науки.

Систематизация подходов к региональной типологизации на базе ресурсных метрик показала, что типологии построены на базе различных критериев и определяют разные аспекты «ресурсности» экономических систем, что обусловило необходимость подготовки дефиниции «ресурсоориентированный регион», релевантной методологии стратегирования, семантически отличающейся от существующих и акцентирующей внимание на ресурсах как ограниченном во времени конкурентном преимуществе. Для формализации предложен алгоритм расчетов, базирующийся на отраслевых структурах ВРП, структуре региональной занятости и степени отраслевой концентрации и позволяющий выявить группу ресурсоориентированных регионов. Предложенный алгоритм является гибким с точки зрения увеличения количества анализируемых критериев, а также адаптации для иных региональных исследований.

Анализ действующих стратегий ресурсоориентированных регионов выявил отсутствие единой методологической базы и обусловил необходимость первоочередной разработки концептуальной модели стратегирования социально-экономического развития, которая может стать как научным

фундаментом стратегирования развития региональных систем, так и комплексом практических предложений для региональных стратегий ресурсоориентированных регионов.

В ходе разработки концептуальной модели были сформированы алгоритмы и инструменты анализа стратегических трендов, анализа внутренней среды и анализа интересов, сформулированы предложения по формированию первоочередных элементов стратегии и подходам к оценке стратегических приоритетов различными математическими и эконометрическими методами, что способствует совершенствованию методологии регионального стратегирования и может использоваться для иных объектов стратегирования.

Предложенные в исследовании инструменты и алгоритмы апробированы в ходе подготовки предложений по формированию первоочередных элементов и актуализации действующей стратегии социально-экономического развития ЯНАО, что может послужить основой для формирования структурированного и научно обоснованного практического документа, направленного на эффективную реализацию стратегических приоритетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ*Книги и прочие печатные материалы*

1. Абрамов Ю.А., Куйбарь В.И. Глобальная регионализация: к обоснованию понятия // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 1. – С. 242–250.
2. Авдеева З.К., Коврига С.В. Эвристический метод концептуальной структуризации знаний при формализации слабоструктурированных ситуаций на основе когнитивных карт // Управление большими системами: сборник трудов. – 2010. – № 31. – С. 6–34.
3. Аганбегян А.Г. Анализ и прогнозирование социально-экономического развития регионов (методические заметки) // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14. – № 4. – С. 15–28.
4. Аганбегян А.Г. О преодолении стагнации, рецессии и достижении пятипроцентного роста // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 2 (60). – С. 17–23.
5. Айвазян С.А. Методы эконометрики: учебник – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010. – 512 с.
6. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983 – 325 с.
7. Александров И.Г. Производственное районирование и его методология // Плановое хозяйство. – 1928. – Т. 4. – С. 46–58.
8. Алимуратов М.К., Новицкая А.М. Стратегические источники финансирования деятельности компании // Стратегирование: теория и практика. – 2023. – Т. 3. – № 1. — С. 97–107.
9. Алимуратов М.К. Элементы и этапы разработки региональных финансовых стратегий // Стратегирование: теория и практика. – 2022. – Т. 2. – № 2. – С. 199–211.
10. Анимица Е.Г., Иваницкий В.П., Пешина Э.В. В поисках новой парадигмы регионального развития. Екатеринбург: УрО РАН, 2005.

11. Арженовский И.В., Дахин А.В. Когнитивная регионология: опыт моделирования региональных социально-экономических процессов // Регионология. – 2020. – Т. 28. – № 3 (112). – С. 470–489.
12. Артамонов Н.В., Артамонов Д.В., Артамонов В.А. Кредитные циклы: эконометрический анализ и выводы для России // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 113–122.
13. Арсеньев К.И. Статистические очерки России. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1848. – 503 с.
14. Асаул А.Н., Балакина Г.Ф., Соян М.К. Современные парадигмы региональной экономики // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 4 (48). – С. 257-260.
15. Белан А.К., Шмат В.В. Анализ влияния ресурсных и нересурсных факторов на рост экономики Томской области с применением когнитивного подхода // Мир экономики и управления. – 2015. – Т. 15. – № 1. – С. 78–93.
16. Белоусова С.В. Ресурсные регионы: экономические возможности и финансовая справедливость // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2015. – № 6 (492). – С. 40–48.
17. Бодрунов С.Д. Мировые тренды экономического развития: роль и место России // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2023. – Т. 241. – № 3. – С. 52–60.
18. Бодрунов С.Д. Общая теория нономики. М.: Культурная революция, 2019. 504 с.
19. Бодрунов С.Д. Территории опережающего развития-важнейшее условие экономического роста России (на примере Уральского региона) // Управленец. – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 2–7.
20. Брехунцов А.М., Нестеров И.И., Грамматчикова Е.Г. Состояние и анализ развития ресурсной базы углеводородного сырья Ямало-Ненецкого автономного округа и шельфа Карского моря // Георесурсы. – 2023. – Т. 25. – № 1. – С. 15–23.

21. Вебер А. Теория размещения производства / перевод с немецкого Н. Морозова. М. : Книга, 1929 – 223 с.
22. Власюк Л.И., Сиземов Д.Н., Дмитриева О.В. Стратегические приоритеты цифровой трансформации угольной отрасли Кузбасса // Экономика промышленности. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 328–338.
23. Власюк Л.И. Цифровое неравенство российских регионов: стратегические возможности и угрозы // Экономика промышленности. – 2023. – Т. 16. – № 1. – С. 59–68.
24. Власюк Л.И., Дёмина О.В. Эффективные регионы: критерии и классификация // Пространственная экономика. – 2012. – № 1. – С. 29–42.
25. Власюк Л.И. Стратегический приоритет экологизации экономики Кузбасса: фонд рекультивации земель // Управленческое консультирование. – 2021. – № 2 (146). – С. 69–78.
26. Гамидуллаева Л.А. Подходы к управлению инновационной системой региона // Теоретическая и прикладная экономика. – 2018. – №. 3. – С. 22–35.
27. Гамидуллаева Л.А., Ворновская А.А. Подход к определению «умной специализации» регионов с использованием технологии больших данных // *π-Economy*. – 2024. – Т. 17. – №. 2. – С. 67-85.
28. Гамидуллаева Л.А. Региональная экономическая устойчивость: библиометрический анализ исследований // *π-Economy*. – 2024. – Т. 17. – №. 1. – С. 70-87.
29. Герелишин Р.И. Анализ влияния стратегических трендов: методологический аспект и применение на региональном уровне // Управленческое консультирование. – 2024. – № 1. – С. 198–214.
30. Герелишин Р.И. Определение группы ресурсоориентированных регионов в системе разработки концепции стратегии регионального развития // Экономика промышленности/*Russian Journal of Industrial Economics*. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 194–205.

31. Герелишин Р.И. Подходы к оценке социально-экономических эффектов от реализации стратегических приоритетов в региональных экономических системах (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа // Экономический анализ: теория и практика. – 2024. – Т. 23. – № 10. – С. 1860–1877.
32. Герелишин Р.И. Преимущества стратегического подхода к экономико-социальному развитию регионов // Экономика и управление в XXI веке: новые вызовы и возможности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Саранск, 29—30 ноября 2019 г.) / редкол.: С.М. Вдовин (председатель) [и др.]; ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва». – Саранск: Издатель Афанасьев В.С., 2019 – С. 57–61.
33. Герелишин Р.И. Применение методологии стратегирования на региональном уровне: возможности и преимущества // Управленческое консультирование. – 2023. – № 4. – С. 93–107.
34. Герелишин Р.И. Ресурсоориентированные регионы: определение и подход к классификации // Теория и практика стратегирования: VII Международная научно-практическая конференция (21-22 февраля 2024 г.). Московский Университариум Стратега: сб. избранных научных статей и материалов конференции / под. науч. ред. В.Л. Квинта – Москва: Издательство МГУ, 2024 – (Серия «Экономическая и финансовая стратегия». Том XII) – С. 311–324.
35. Герелишин Р.И. Ресурсоориентированные регионы в стратегировании: алгоритм определения // Теория и практика стратегирования: VII Международная научно-практическая конференция (27 февраля 2024 г.). Индустриальный Университариум Стратега: сб. избранных научных статей и материалов конференции / под. науч. ред. В.Л. Квинта – Москва: Издательский Дом НИТУ МИСИС, 2024 – (Серия «Экономическая и финансовая стратегия». Том XIII) – С. 104–111.
36. Герелишин Р.И. Роль ресурсоориентированных регионов в стратегировании развития Арктической зоны России // Теория и практика

- стратегирования: VII Международная научно-практическая конференция (30-31 мая 2024 г.). Арктический Университариум Стратега: сб. избранных научных статей и материалов конференции / под. науч. ред. В.Л. Квинта – Мурманск-Апатиты: Издательство Кольского научного центра, 2024 – (Серия «Экономическая и финансовая стратегия». Том XV) – С. 81–90.
37. Герелишин Р.И. Стратегирование в контексте теорий региональной экономики // Теория и практика стратегирования: VI Международная научно-практическая конференция (27–28 февраля 2023 г.). Московский Университариум Стратега: сб. избранных научных статей и материалов конференции / под. науч. ред. В.Л. Квинта. – Москва: Издательство МГУ, 2024 – (Серия «Экономическая и финансовая стратегия». Том IX) – С. 277–286.
38. Герелишин Р.И. Стратегирование экономического развития в ресурсных странах и регионах: теоретическое осмысление // Экономическое возрождение России. 2023. № 3(77). С. 104–118.
39. Герелишин Р.И. Стратегирование социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов (на материалах Ямало-Ненецкого автономного округа): монография / Р.И. Герелишин; под науч. ред. В.Л. Квинта. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2024. – 226 с. – (Библиотека стратега).
40. Герелишин Р.И. Этапы разработки концептуальной модели стратегирования социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов // Стратегирование: теория и практика. – 2024. – Т. 4. – № 3. – С. 326-340.
41. Герелишин Р.И. Эффект ресурсной колеи как сдерживающий фактор стратегического развития регионов РФ // Современные проблемы социально-экономических систем в условиях глобализации: сборник научных трудов X Международной научно-практической конференции,

- посвященной празднованию 20-летия Института экономики НИУ БелГУ. — Белгород: Издательский дом БелГУ, 2017. — С. 348–353.
42. Герелишина А.К. Методология формирования инновационного рейтинга регионов России // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2022. – Т. 19. – № 1 (121). – С. 62–71.
  43. Гнатенко А.И. Теоретико-концептуальные подходы к определению понятия «регион» в государственном управлении // Вопросы теории и методологии управления. – 2013. – Выпуск № 3 (11). – С. 27–34.
  44. Гонтарь Ю.А. Асимметрия экономического развития регионов: Современные проблемы. Стратегия регулирования. – Ставрополь: Кн. изд-во, 2001. – 213с.
  45. Гранберг А.Г. и др. Воздействие мирового кризиса на стратегию пространственного социально-экономического развития Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 4. – С. 69–101.
  46. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. – 2-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 495 с.
  47. Гранберг А.Г., Суслов В.И., Суспицын С.А. Экономико-математические исследования многорегиональных систем // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 2. – С. 120–150.
  48. Гуляев П.В. Типология ресурсных регионов // Современная научная мысль. – 2019. – № 1. – С. 170–176.
  49. Джеймс П., Мартин Д. Все возможные миры // М.: Прогресс. – 1988. – Т. 22. – 672 с.
  50. Долятовский В.А. Зарубежный опыт комплексного развития регионов // Регионология. – 1994. – № 2-3. – С. 149–156.
  51. Жихарева А.К. Инновационные рейтинги российских регионов: методологические особенности их формирования и практика применения // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2020. – № 2. – С. 121–136.

52. Журавлев Д.М. Региональная социально-экономическая система: устойчивость и конкурентоспособность // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2018. – № 10(116). – 13 с.
53. Журавлев Д.М., Троценко А.Н., Чаадаев В.К. Методология и инструментарий стратегирования социально-экономического развития региона // Экономика промышленности. – 2022. – № 2. – С. 131–142.
54. Журавлев Д.М., Чаадаев В.К. Моделирование процессов сложной социально-экономической системы при выборе стратегических приоритетов развития // Стратегирование: теория и практика. – 2023. – Т. 3. – № 1. – С. 1–20.
55. Журавлев Д.М., Чаадаев В.К. Стратегические инструменты роста промышленного сектора экономики в условиях шестого большого цикла Кондратьева // Экономика промышленности/Russian Journal of Industrial Economics. – 2023. – Т. 16. – №. 3. – С. 253-262.
56. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Региональное неравенство в крупных постсоветских странах // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2011. – № 1. – С. 17–30.
57. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах: пер. с англ. – Прогресс, 1966. 659 с.
58. Изотов Д.А. Новая экономическая география: границы возможностей // Пространственная экономика. – 2013. – № 3. – С. 124–160.
59. Ильина И.Н. Перспективы развития сырьевых регионов РФ в документах стратегического планирования // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – № 2. – С. 83–102.
60. Исаев А.Г. Экономический рост российских регионов: экзогенные и эндогенные источники / отв. ред. Е.А. Коломак; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2022. – 208 с.
61. Каган Е.С., Гоосен Е.В. Ресурсные регионы: качественные и количественные критерии выделения // Научно-технические технологии

- разработки и использования минеральных ресурсов. – 2017. – № 3. – С. 163–170.
62. Картаев Ф.С. Введение в эконометрику. – Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова Москва, 2019. – 472 с.
63. Квинт В.Л. Концепция стратегирования. Т.1. – СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2022. – 132 с.: ил. – (Библиотека стратега).
64. Квинт В.Л. Стратегическое лидерство Амира Тимура: комментарии к Уложению / В.Л. Квинт (предисл., коммент.). СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2021. 204 с. (Серия «Библиотека стратега»).
65. Квинт В.Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М.: Бизнес Атлас, 2012. 626 с.
66. Квинт В.Л. Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России // Экономика промышленности/Russian Journal of Industrial Economics. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 290–299.
67. Квинт В.Л., Новикова И.В., Алимуратов М.К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. – 2021. – Т. 27. – № 11 (193). – С. 900–909.
68. Квинт В.Л., Новикова И.В., Алимуратов М.К., Сасаев Н.И. Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики // Управленческое консультирование. – 2022. – № 9 (165). – С. 57–67.
69. Квинт В.Л., Окрепилов В.В. Качество жизни и ценности в национальных стратегиях развития // Вестник Российской академии наук. – 2014. – Т. 84. – № 5. – С. 412–425.
70. Кожурин Ф.Д. Совершенствование регионального управления. М.: Экономика, 1990 – 122 с.
71. Козырев А.А. Исследуя методологические основы стратегирования социально-экономического развития // Экономика промышленности/

- Russian Journal of Industrial Economics. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 434–447.
72. Козырев А.А. Концептуальная схема исследований теории и методологии стратегии // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 2 (72). – С. 110–122.
73. Козырев А. А. Регионально-отраслевое стратегирование экономического и социального развития // Теория и практика стратегирования : Сборник избранных научных статей и материалов IV Международной научно-практической конференции, Москва, 18 февраля 2021 года. – Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова" Издательский Дом (типография), 2021. – С. 78-85.
74. Кондратьев В.Б. и др. Ресурсная модель модернизации экономики: возможности и ограничения. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – С. 65.
75. Кондратьев Н.Д. Большие циклы экономической конъюнктуры // Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика. – 2002. – С. 341–400.
76. Курбатова М.В. и др. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // Terra Economicus. – 2019. – Т. 17. – № 3. – С. 89–106.
77. Лапаева М.Г., Лапаев С.П. Регион как пространственная социально-экономическая система государства // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 8 (144). – С. 133–143.
78. Левин С.Н., Саблин К.С., Каган Е.С. Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). – 2015. – Т. 7. – № 3. – С. 92.
79. Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. 2013. Выпуск № 1 (11). С. 59–66.
80. Лёш А. Пространственная организация хозяйства. – М.: Наука, 2007. – 662 с.
81. Макаров В.Л., Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю., Бахтизин А.Р., Нанавян А.М. Оценка эффективности регионов РФ с учетом

- интеллектуального капитала, характеристик готовности к инновациям, уровня благосостояния и качества жизни населения // Экономика региона. – 2014. – № 4. – С. 9–30.
82. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Долгосрочное демографическое прогнозирование в новых реалиях // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 235. – № 3. – С. 85–94.
83. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д. Агент-ориентированная социально-эколого-экономическая модель региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 3 (288). – С. 2–11.
84. Маленков Ю.А. Развитие российских методов стратегического анализа и целесообразность замены SWOT-модели // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 1(75). – С. 24–34.
85. Маршалова А.С., Новоселов А.С. Основы теории регионального воспроизводства. – Москва, 1998. – С. 14.
86. Межевич Н.М. Определение категории «регион» в современном научном дискурсе // Псковский регионологический журнал. – 2006. – № 2. – С. 3–21.
87. Меньшиков С.Н. и др. Промышленная медицина как одно из приоритетных направлений корпоративной социальной ответственности газодобывающих предприятий в условиях Крайнего Севера // Газовая промышленность. – 2017. – № 4 (751). – С. 98–104.
88. Мидов А.З. Стратегирование выхода региона из дотационного экономического состояния на примере Кабардино-Балкарской Республики // Стратегирование: теория и практика. – 2022. – Т. 2. – № 3. – С. 334–345.
89. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. – 2010. – № 3 (50). – С. 7–26.
90. Мирзоев Р.С. Межрегиональные взаимодействия в российском экономическом пространстве // Вестник Волгоградского

- государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. – 2011. – Т. 3. – № 1. – С. 96–101.
91. Михеева Н.Н. Двухсекторная модель развития ресурсодобывающих регионов // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 2. – С. 23–42.
92. Мусаев Р.А., Панкратов А.А., Астапов К.Л. Кластерный подход к стратегическому планированию на региональном уровне в Российской Федерации // Управленческое консультирование. – 2020. – №. 11 (143). – С. 99-118.
93. Мясков А.В. и др. Системные особенности экологического мониторинга при формировании территориальных проектов северного морского пути // Мониторинг. Наука и технологии. – 2018. – № 5. – С. 7–14.
94. Некипелов А.Д. О ресурсном проклятии и его влиянии на тактику и стратегию экономического развития // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2015. – № 2. – С. 209.
95. Некрасов Н.Н. Региональная экономика: теория, проблемы, Методы. М.: Экономика, 1978 – 344 с.
96. Никоноров С.М. Концепция Китайской Народной Республики по развитию Арктики // АРКТИКА 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. – 2021. – № 2. – С. 44–53.
97. Никоноров С.М. и др. Проблемы измерения устойчивости развития Арктического региона // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2019. – № 4. – С. 107–121.
98. Никоноров С.М. Применение элементов зелёного финансирования экопроектов в регионах АЗРФ // АРКТИКА 2035. – 2021. – № 4 (8) – С. 75–79.
99. Никоноров С.М. и др. Анализ и оценка потенциала развития топливно-энергетического комплекса региона (на примере Мурманской области) // АРКТИКА 2035. – 2022. – № 3 (11) – С. 41–50.

100. Новикова И.В. Стратегирование развития трудовых ресурсов: основные элементы и этапы // Стратегирование: теория и практика. – 2021. – Т. 1. – № 1. – С. 57–65.
101. Новикова И.В. Стратегическое управление трудовыми ресурсами предприятия // Экономика промышленности. – 2018. – № 4. – С. 318–326.
102. Новикова И.В. Стратегирование занятости населения как механизм минимизации ее неустойчивости // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – № 2 (208). – С. 71–77.
103. Окрепилов В.В. и др. Обеспечение устойчивого развития экономических агентов методами менеджмента качества в эпоху цифровизации // Экономическая наука современной России. – 2021. – № 2 (93). – С. 81–100.
104. Орлов В.П. Минерально-сырьевой комплекс в долгосрочной стратегии развития экономики России // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2007. – № 2. – С. 3–5.
105. Перру Ф. Экономика XX века // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. – 2000. – Т. 4. – С. 413.
106. Петров И.В., Мясков А.В., Попов С.М., Зайцев С.П. Методические основы эколого-экономического обеспечения безотходного природопользования при реализации горнопромышленных проектов развития арктических территорий // Мониторинг. Наука и технологии. – 2018. – № 5. – С. 15–23.
107. Польшнев А.О. Конкурентные возможности регионов. Методология исследования и пути ее повышения. – М.: КРАСАНД, 2010. – 208 с.
108. Польшнев А.О., Гришина И.В. Методические подходы к построению типологии регионов для разработки стратегии пространственного развития России // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7, № 1. С. 29–41.

109. Растворцева С.Н. Экономическая активность регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11. – № 1. – С. 84–99.
110. Растворцева С.Н., Манаева И.В. Тенденции и факторы современного развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15. – № 2. – С. 110–127.
111. Растворцева С.Н., Манаева И.В. Методический инструментарий формирования стратегических направлений регионально-отраслевого развития города // Экономика промышленности/Russian Journal of Industrial Economics. – 2020. – Т. 13. – №. 4. – С. 423-433.
112. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии. Под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015, 137 с.
113. Региональная экономика и пространственное развитие. В 2 т. Т. 1. Региональная экономика. Теория, модели и методы: учебник для бакалавриата и магистратуры под общ. ред. Л.Э. Лимонова. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 397 с. – Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс.
114. Региональные траектории социально-экономического развития / Г.П. Быстрой, А.В. Васильева, Е.В. Васильева [и др.]. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2013. – 184 с. – ISBN 978-5-94646-444-4.
115. Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. акад. Кулешова В.В. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – 308 с.
116. Садовничая А.В. Общественная и экономическая эффективность выставочно-ярмарочной деятельности: методология и практика // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1(59). – С. 76–85.
117. Самусенко С.А., Поподько Г.И., Зимнякова Т.С. Дефекты инновационных систем в ресурсных регионах // Региональная экономика: теория и практика. – 2019. – Т. 17. – № 2 (461). – С. 234–249.

118. Сасаев Н.И. Первичная оценка экономической эффективности стратегических направлений развития газовой отрасли России // Экономика и математические методы. – 2020. – Т. 56. – № 2. – С. 52–65.
119. Сасаев Н.И. Первичная оценка эффективности отраслевых стратегических приоритетов (на примере дальневосточной газовой отрасли) // Экономический анализ: теория и практика. – 2023. – Т. 22. – № 5(536). – С. 829–845.
120. Сасаев Н.И. Роль отраслевого стратегирования в период постнормальности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 3 (135). – С. 107–110.
121. Сасаев Н.И. Теоретико-методологические основы стратегического анализа трендов в отраслевом стратегировании // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2021. – № 4. – С. 5–15.
122. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Населенность Европейской России в зависимости от причин, обуславливающих распределение населения империи // Статистический временник Российской империи. – 1871. – Т. 2. – № 1. – С. 125–156.
123. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России // Вып. – 1880. Т.1. – № 2. – С. 4.
124. Сергунин А.А. Проблемы и возможности регионалистики // Полис, 1994, № 5, С. 149–150.
125. Спиридонов А.А., Фадеев А.М. Стратегическое управление рисками освоения арктических шельфовых месторождений // Экономика промышленности/Russian Journal of Industrial Economics. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 36–48.
126. Стратегирование экологического развития Кузбасса / под научной редакцией В.Л. Квинта – Кемерово: КемГУ, 2021. – 416 с.: ил. – (Библиотека «Стратегия Кузбасса»).
127. Стратегирование отрасли туризма и выставочно-ярмарочной деятельности в Кузбассе: монография / под научной редакцией

- В.Л. Квинта. – Кемерово: КемГУ, 2021. – 371 с.: ил. – (Библиотека «Стратегия Кузбасса»).
128. Троицкий М.А. Глобальный регионализм и внешняя политика России // Свободная мысль. 2009. № 11. С. 35–46.
129. Тюнен И.Г. Изолированное государство. М.: Экономическая жизнь, 1926. – 326 с.
130. Фадеев А.М. Стратегические приоритеты обеспечения технологической независимости при реализации энергетических проектов в Арктике // Стратегирование: теория и практика. – 2022. – Т. 2. – № 1. – С. 88–105.
131. Фадеев А.М., Череповицын А.Е., Ларичкин Д.Ф. Стратегическое управление нефтегазовым комплексом в Арктике: монография / А.М. Фадеев, А.Е. Череповицын, Д.Ф. Ларичкин. – Апатиты: КНЦ РАН. – 2019. – 289 с.
132. Фетисов Г.Г., Орешин В.П. Региональная экономика. – Москва: ИНФРА-М. 2006. – С. 39.
133. Хабекова М.К. Стратегирование развития и реализации финансовых технологий в национальных инновационных системах // Управленческое консультирование. – 2022. – № 6. – С. 88–97.
134. Чхотуа И.З. Стратегические приоритеты развития горнолыжного туризма в мире и России // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 2(72). – С. 123–136.
135. Чхотуа И.З., Власюк Л.И. Стратегический анализ конкурентных преимуществ региона в контексте развития промышленного туризма // Стратегирование: теория и практика. – 2021. – Т. 1. – № 2. – С. 190–205.
136. Чхотуа И.З., Власюк Л.И., Задорожная Г.В. Развитие промышленного туризма в регионах России: стратегический анализ // Экономическое возрождение России. – 2021. – № 4 (70). – С. 156–174.
137. Чхотуа И.З., Мурадов А.А. Глобальные и национальные тренды развития туризма в современных условиях // Стратегирование: теория и практика. – 2023. – Т. 3. – № 2. – С. 207–217.

138. Чхотуа И.З., Садовничая А.В. Трансграничность как стратегический фактор развития туризма и выставочное-ярмарочной деятельности на Дальнем Востоке России // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 2 (76). – С. 119–134.
139. Шагас Н.Л., Туманова Е.А. Макроэкономика-2: Учебник. – М.: ТЕИС, 2006. – 427 с.
140. Шаклеина М.В., Шаклеин К.И. Построение концептуальной модели развития отрасли и оценка системообразующего эффекта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11. – № 3. – С. 145–161.
141. Шамахов В.А., Ковалев А.А. Особенности политики безопасности Арктического региона: повестка 2019 года // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 30–40.
142. Шамахов В.А., Межевич Н.М. Тенденции развития в глобальной экономике как предпосылка для изменений на рынке труда // Управленческое консультирование. – 2019. – №. 5 (125). – С. 9-17.
143. Шнипер Р.И. Регион: экономические методы управления. – Наука, 1991.
144. Шнипер Р.И. Региональные предплановые исследования: (Экономический аспект). – Наука. Сиб. Отд-ние, 1978.
145. Шувалов В.Е. Экономико-географическое районирование в контексте модернизации российского общества // Институциональная модернизация российской экономики: территориальный аспект. – 2004. – С. 172–187.
146. Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 1. СПб. Экономическая школа, 2004, 496 с.
147. Щербина В.В. Социальные теории организации: Словарь. М.: Инфра-М, 2000. – 264 с.
148. Adenauer I., Vagassky L. Aid and the real exchange rate: Dutch disease effects in African countries // Intereconomics. – 1998. – Т. 33. – № 4. – P. 177–185.

149. Aganbegyan A. et al. Целевая направленность и системный подход к разработке концепции стратегии развития региона (Target Orientation and Systematic Approach to the Development of the Concept of the Regional Development Strategy) // Available at SSRN 3677906. – 2020.
150. Alexeev M., Conrad R. The Elusive Curse of Oil // The review of Economics and Statistics. – 2009. – Т. 91. – № 3. – P. 586-598.
151. Algieri B. The Dutch disease: evidences from Russia // Economic Change and Restructuring. – 2011. – Т. 44. – № 3. – P. 243–277.
152. Alhashel B. Sovereign wealth funds: A literature review // Journal of Economics and Business. – 2015. – Т. 78. – P. 1–13.
153. Alonso W. Location and Land Use: Toward a general theory of land rent // Harvard University Press. – 1964. – 204 p.
154. Amiti M., Pissarides C.A. Trade and industrial location with heterogeneous labor // Journal of International Economics. – 2005. – Т. 67. – № 2. – P. 392–412.
155. Armstrong, H., Taylor, J. Regional Economics and Policy (3rd edition). Oxford: Blackwell, 2000.
156. Arrow K.G. The Economic Implications of Learning by Doing // Review of Economic Studies. – 1962. – Т. 29. – P. 155–173.
157. Ashenfelter O.C., Card D. Using the longitudinal structure of earnings to estimate the effect of training programs. – 1984.
158. Auty R.M. et al. (ed.). Resource abundance and economic development. – Oxford university press, 2001.
159. Auty R. Sustaining development in mineral economies: the resource curse thesis. – Routledge, 2002.
160. Badeeb R.A. et al. Innovation dynamics in the natural resource curse hypothesis: A new perspective from BRICS countries // Resources Policy. – 2023. – Т. 81. – P. 103337.

161. Baldwin R.E., Okubo T. Heterogeneous firms, agglomeration and economic geography: spatial selection and sorting // *Journal of economic geography*. – 2006. – Т. 6. – № 3. – P. 323–346.
162. Barro R.J., Sala-i-Martin X. Convergence // *Journal of political Economy*. – 1992. – Т. 100. – № 2. – P. 223–251.
163. Blainey G. The tyranny of distance: how distance shaped Australia's history. – 1966.
164. Borts G.H., Stein J.L. Economic growth in a free market. New York: Columbia University Press, 1964.
165. Boudeville J.R. Problems of regional economic planning. – Edinburgh: Edinburgh UP, 1966.
166. Bousquet F. (ed.). Companion modeling and multi-agent systems for integrated natural resource management in Asia. – Int. Rice Res. Inst., 2005.
167. Brunnschweiler C.N. Cursing the blessings? Natural resource abundance, institutions, and economic growth // *World development*. – 2008. – Т. 36. – № 3. – P. 399–419.
168. Bruno M. Adjustment and Structural Change under Supply Shocks // *The Scandinavian Journal of Economics*. – 1982. – P. 199–221.
169. Bruno M., Sachs J. Energy and resource allocation: a dynamic model of the «Dutch Disease» // *The Review of Economic Studies*. – 1982. – Т. 49. – № 5. – P. 845–859.
170. Cairncross F. The death of distance: How the communications revolution is changing our lives (Boston, MA: Harvard Business School Press). – 1997.
171. Capello R. Regional Economics. London: Routledge, 2006. P. 111. Ссылками на: *North. D. Location Theory and Regional Economic Growth*// *Journal of Political Economy*. 1955. Vol. 63. P. 243–258; *Weimer A.M. and Hoyt H. Principles of Urban real estate*. New York: The Ronald Press Co., New York. 1939; *Hoyt. H. Homer Hoyt on the Development of Economic Base Concept* // *Land Economics*. 1954. P. 182–187.

172. Card D., Krueger A.B. Minimum wages and employment: A case study of the fast food industry in New Jersey and Pennsylvania. – 1993.
173. Christaller W. Central places in southern Germany. – Prentice Hall, 1966. – 130 p.
174. Converse P.D. New Laws of Retail Gravitation *Journal of Marketing* Vol. 14. – 1949.
175. Corden W.M. Booming sector and Dutch disease economics: survey and consolidation // *Oxford economic Papers*. – 1984. – T. 36. – № 3. – P. 359–380.
176. Corden W.M., Neary J.P. Booming sector and de-industrialisation in a small open economy // *The economic journal*. – 1982. – T. 92. – № 368. – P. 825–848.
177. Cust J., Poelhekke S. The local economic impacts of natural resource extraction // *Annu. Rev. Resour. Econ.* – 2015. – T. 7. – № 1. – P. 251–268.
178. d'Aspremont C., Gabszewicz J. J., Thisse J. F. On Hotelling's «Stability in competition» // *Econometrica: Journal of the Econometric Society*. – 1979. – P. 1145–1150.
179. Dasgupta P., Eastwood R., Heal G. Resource management in a trading economy // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1978. – P. 297–306.
180. Dasgupta P., Maskin E. The existence of equilibrium in discontinuous economic games, I: Theory // *Review of Economic Studies*. – 1986. – T. 53. – № 1. – P. 1–26.
181. De Bruyne K. et al. The location of economic activity. First versus second nature core-periphery theories // *Review of Business and Economic Literature*. – 2006. – T. 51. – № 1. – P. 75–104.
182. Devarajan S., Do Q.T. Taxation, accountability, and cash transfers: Breaking the resource curse // *Journal of Public Economics*. – 2023. – T. 218. – P. 104816.

183. Dixit A.K., Stiglitz J.E. Monopolistic competition and optimum product diversity // *The American economic review*. – 1977. – T. 67. – № 3. – P. 297–308.
184. Dow S.C. The capital account and regional balance of payments problems // *Urban studies*. – 1986. – T. 23. – № 3. – P. 173–184.
185. Dwumfour R.A., Ntow-Gyamfi M. Natural resources, financial development and institutional quality in Africa: is there a resource curse? // *Resources Policy*. – 2018. – T. 59. – P. 411–426.
186. Dwumfour R.A., Agbloyor E.K., Abor J.Y. Correlates of poverty in Africa: Exploring the roles of remittances, financial development, and natural resources // *International Journal of Social Economics*. – 2017. – T. 44. – № 12. – P. 2033–2051.
187. Eisgruber L. The resource curse: analysis of the applicability to the large-scale export of electricity from renewable resources // *Energy Policy*. – 2013. – T. 57. – P. 429–440.
188. Fardmanesh M. Dutch disease economics and oil syndrome: An empirical study // *World Development*. – 1991. – T. 19. – № 6. – P. 711–717.
189. Friedman T.L. *The world is flat [updated and expanded]: A brief history of the twenty-first century*. – Macmillan, 2006.
190. Fujita M. A monopolistic competition model of spatial agglomeration: Differentiated product approach // *Regional science and urban economics*. – 1988. – T. 18. – № 1. – P. 87–124.
191. Fujita M., Mori T. *Frontiers of the new economic geography* // *Papers in Regional Science*. – 2005. – T. 84. – № 3. – P. 377–405.
192. Gelb A.H. *Capital-importing oil exporters: adjustment issues and policy choices* [Monograph]. – 1981.
193. Ghali M., Renaud B. Regional investment and regional growth: some empirical evidence // *Southern economic journal*. – 1971. – P. 219–229.

194. Gylfason T., Herbertsson T.T., Zoega G. A mixed blessing: Natural resources and economic growth. Centre for Economic Policy Research. – Discussion Paper 1668, 1997.
195. Hartman L., Seckler D. Toward the application of dynamic growth theory to regions // *Journal of regional science*. 1967. Vol. 7. Issue 2. P. 167–173.
196. Hartman L.M. The Input-output model and regional water management // *Journal of Farm Economics*. – 1965. – Т. 47. – № 5. – P. 1583–1591.
197. Head K., Mayer T. Gravity equations: Workhorse, toolkit, and cookbook // *Handbook of international economics*. – Elsevier, 2014. – Т. 4. – P. 131–195.
198. Hirschman A.O. The strategy of economic development. – Yale University Press, 1958.
199. Hotelling H. Stability in Competition // *The Economic Journal*. – 1929. – V. 39. – № 153. – P. 41–57.
200. Ingram J.C. State and regional payments mechanisms // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1959. – Т. 73. – № 4. – P. 619–632.
201. Innis H.A. The Cod Fisheries: The History of an International Economy. Toronto: University of Toronto Press, 1954.
202. Ito K. Dutch disease and Russia // *International economics*. – 2017. – Т. 151. – P. 66–70.
203. Kaldor N. The case for regional policies // *Scottish journal of political economy*. – 1970. – Т. 17. – № 3. – P. 337–348.
204. Karl T.L. The paradox of plenty: Oil booms and petro-states. *Studies in international political economy* (Т. 26) – University of California Press, 1997. – 342 p.
205. Khvorostyanaya A.S. Strategizing the sovereignty of domestic brands of light industry and the fashion industry // *Экономическое возрождение России*. – 2023. – № 1 (75). – P. 149–162.
206. Kitchin J. Cycles and trends in economic factors // *The Review of economic statistics*. – 1923. – P. 10–16.

207. Krugman P. Increasing returns and economic geography // *Journal of political economy*. – 1991. – T. 99. – № 3. – P. 483–499.
208. Krugman P. The narrow moving band, the Dutch disease, and the competitive consequences of Mrs. Thatcher: Notes on trade in the presence of dynamic scale economies // *Journal of development Economics*. – 1987. – T. 27. – № 1-2. – P. 41–55.
209. Kuznets S.S. *Secular movements in production and prices: their nature and their bearing upon cyclical fluctuations* // Boston: Houghton Mifflin, 1930.
210. Kvint V. L. *Strategy for the Global Market: Theory and Practical applications*. New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2016. 519 p.
211. Lasuen J.R. On growth poles // *Urban studies*. – 1969. – T. 6. – № 2. – P. 137–161.
212. Launhardt W. *Mathematical Principles of Economics* / translated by H. Schmidt and edited by J. Creedy. Aldershot : Edward Elgar, 1993.
213. Lederman D., Maloney W. *Trade structure and growth*. World Bank Policy Research Working Paper N 3025 // The World Bank, Washington, DC, USA. – 2003.
214. Leite M.C., Weidmann J. *Does mother nature corrupt? Natural resources, corruption, and economic growth*. – International Monetary Fund, 1999.
215. Leonard A. et al. The resource curse in renewable energy: A framework for risk assessment // *Energy Strategy Reviews*. – 2022. – T. 41. – P. 100841.
216. Lewis W.C. A critical examination of the export-base theory of urban-regional growth // *The Annals of Regional Science*. – 1972. – T. 6. – № 2. – P. 15–25.
217. Liu K. et al. Investigating the resource curse: Evidence from MENA and N-11 countries // *Resources Policy*. – 2023. – T. 80. – P. 103215.
218. Lloyd S. Least squares quantization in PCM // *IEEE transactions on information theory*. – 1982. – T. 28. – № 2. – P. 129–137.
219. MacArthur R. Fluctuations of animal populations and a measure of community stability // *ecology*. – 1955. – T. 36. – № 3. – P. 533–536.

220. Manaeva I., Rastvortseva S., Kanishcheva A. Evaluation of interrelatedness of cities in the territorial space of Russia // *Journal of Economic Structures*. – 2022. – T. 11. – № 1. – P. 1–18.
221. Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. A contribution to the empirics of economic growth // *The quarterly journal of economics*. – 1992. – T. 107. – № 2. – P. 407–437.
222. Matsuyama K., Takahashi T. Self-defeating regional concentration // *The Review of Economic Studies*. – 1998. – T. 65. – № 2. – P. 211–234.
223. Mehlum H., Moene K., Torvik R. Institutions and the resource curse // *The economic journal*. – 2006. – T. 116. – № 508. – P. 1–20.
224. Menegaki A.N. An antidote to the resource curse: The blessing of renewable energy // *International Journal of Energy Economics and Policy*. – 2013. – T. 3. – № 4. – P. 321–332.
225. Meyer C., Cohen D., Nair S. Swatting at SWOT // *Academy of Management Proceedings*. – Briarcliff Manor, NY 10510: Academy of Management, 2016. – T. 2016. – № 1. – P. 17447.
226. Mironov V.V., Petronevich A.V. Discovering the signs of Dutch disease in Russia // *Resources Policy*. – 2015. – T. 46. – P. 97–112.
227. Mori T., Turrini A. Skills, agglomeration and segmentation // *European Economic Review*. – 2005. – T. 49. – № 1. – P. 201–225.
228. Mossay P. A theory of rational spatial agglomerations // *Regional Science and Urban Economics*. – 2013. – T. 43. – № 2. – P. 385–394.
229. Msann G., Karthiayani V. P. Resource curse and growth challenges in MENA oil exporter countries: A case for governance reforms in the post Arab Spring uprisings context // *Regional Science Policy & Practice*. – 2023. – T. 15. – № 5. – P. 992–1008.
230. Mueller J.T. Defining dependence: The natural resource community typology // *Rural Sociology*. – 2021. – T. 86. – № 2. – P. 260–300.

231. Murata Y. Product diversity, taste heterogeneity, and geographic distribution of economic activities: market vs. non-market interactions // *Journal of Urban Economics*. – 2003. – T. 53. – № 1. – P. 126–144.
232. Myrdal G., Sitohang P. Economic theory and under-developed regions. – 1957.
233. Neumayer E. Does the «resource curse» hold for growth in genuine income as well? // *World development*. – 2004. – T. 32. – № 10. – P. 1627–1640.
234. Oomes N., Kalcheva K. Diagnosing Dutch disease: does Russia have the symptoms? – *BOFIT Discussion Papers*, 2007. – № 7/2007.
235. Ottaviano G., Tabuchi T., Thisse J.F. Agglomeration and trade revisited // *International economic review*. – 2002. – P. 409–435.
236. Overland I. The geopolitics of renewable energy: Debunking four emerging myths // *Energy Research & Social Science*. – 2019. – T. 49. – P. 36–40.
237. Oyama D. Agglomeration under forward-looking expectations: Potentials and global stability // *Regional Science and Urban Economics*. – 2009. – T. 39. – № 6. – P. 696–713.
238. Pegg S. Is there a Dutch disease in Botswana? // *Resources Policy*. – 2010. – T. 35. – № 1. – P. 14–19.
239. Phelps E. The Golden Rule of Accumulation: a Fable for Growthmen; *The American Economic Review*, Vol. 51, № 4, pp. 638–643, 1961
240. Porter M.E. *Competitive advantage of nations: creating and sustaining superior performance*. – Simon and Schuster, 2011.
241. Pottier P. Axes de communication et développement économique // *Revue économique*. – 1963. – T. 14. – № 1. – P. 58–132.
242. Prebisch R. *The economic development of Latin America and its principal problems*. – 1949.
243. Reilly W.J. *The law of retail gravitation*. NY, Knickerbocker Press. – 1931.
244. Romer P.M. Endogenous technological change // *Journal of political Economy*. – 1990. – T. 98. – № 5, Part 2. – P. 71–102.
245. Romer P.M. Increasing returns and long-run growth // *Journal of political economy*. – 1986. – T. 94. – № 5. – P. 1002–1037.

246. Ross M.L. What have we learned about the resource curse? // *Annual review of political science*. – 2015. – T. 18. – P. 239–259.
247. Sachs J.D. et al. Economic reform and the process of global integration // *Brookings papers on economic activity*. – 1995. – T. 1995. – № 1. – P. 1–118.
248. Sachs J.D., Warner A. Natural resource abundance and economic growth. – 1995.
249. Sala-i-Martin X., Subramanian A. Addressing the natural resource curse: An illustration from Nigeria // *Journal of African Economies*. – 2013. – T. 22. – № 4. – P. 570-615.
250. Shannon C.E. A mathematical theory of communication // *The Bell system technical journal*. – 1948. – T. 27. – № 3. – P. 379–423.
251. Sims C.A. Macroeconomics and reality // *Econometrica: journal of the Econometric Society*. – 1980. – P. 1–48.
252. Singer H. Comments to the terms of trade and economic development // *Review of Economics and Statistics*. – 1950. – T. 40. – № 1. – P. 84–89.
253. Sirkin G. The theory of the regional economic base // *The Review of Economics and Statistics*. – 1959. – P. 426–429.
254. Smith K. Innovation and growth in resource-based economies // *Growth*. – 2007. – № 58. – P. 50–57.
255. Solow R.M. Technical Change and the Aggregate Production Function // *The Review of Economics and Statistics*. — 1957. — August Vol. 39, № 3. — P. 312–320.
256. Stijns J.P.C. Natural resource abundance and economic growth revisited // *Resources policy*. – 2005. – T. 30. – № 2. – P. 107–130.
257. Syrquin M. et al. *Patterns of Development, 1950 to 1983*. – Washington, DC: World Bank, 1989. – № 41.
258. Tabuchi T., Thisse J.F. Asymmetric equilibria in spatial competition // *International Journal of Industrial Organization*. – 1995. – T. 13. – № 2. – P. 213–227.

259. Thirlwall A.P. Regional problems are «balance-of-payments» problems // *Regional studies*. – 2007. – T. 41. – № 1. – P. 89–95.
260. Tiebout C.M. Exports and regional economic growth // *Journal of political economy*. – 1956. – T. 64. – № 2. – P. 160–164.
261. Torvik R. Learning by doing and the Dutch disease // *European economic review*. – 2001. – T. 45. – № 2. – P. 285–306.
262. Umar M. et al. The impact of resource curse on banking efficiency: Evidence from twelve oil producing countries // *Resources Policy*. – 2021. – T. 72. – P. 102080.
263. Usui N. Dutch disease and policy adjustments to the oil boom: a comparative study of Indonesia and Mexico // *Resources policy*. – 1997. – T. 23. – № 4. – P. 151–162.
264. Vakulchuk R., Overland I., Scholten D. Renewable energy and geopolitics: A review // *Renewable and sustainable energy reviews*. – 2020. – T. 122. – P. 109547.
265. Van der Ploeg F., Poelhekke S. Volatility and the natural resource curse // *Oxford economic papers*. – 2009. – T. 61. – № 4. – P. 727–760.
266. Venables A.J. Equilibrium locations of vertically linked industries // *International economic review*. – 1996. – P. 341–359.
267. Wijnbergen S. The «Dutch Disease»: a disease after all? // *The economic journal*. – 1984. – T. 94. – № 373. – P. 41–55.
268. Wood A., Berge K. Exporting manufactures: human resources, natural resources, and trade policy // *The Journal of Development Studies*. – 1997. – T. 34. – № 1. – P. 35–59.
269. World Bank, «Expanding the Measure of Wealth: Indicators of Environmentally Sustainable Development», *Environmentally Sustainable Development Studies and Monographs Series, № 17*, World Bank, Washington DC, 1997.
270. World Bank. 2005. *Where is the Wealth of Nations? Measuring Capital for the 21st Century*. Washington, DC.

271. Yi G.J.L. Towards the application of dynamic growth theory to regions: generalizations and comments // *Journal of Regional Science*. – 1976. – Т. 16. – № 1. – P. 117–124.
272. Younger S.D. Aid and the Dutch disease: macroeconomic management when everybody loves you // *World Development*. – 1992. – Т. 20. – № 11. – P. 1587–1597.

Электронные ресурсы

273. ЕМИСС. Реальные денежные доходы ([https:// fedstat.ru/indicator/31422](https://fedstat.ru/indicator/31422); дата обращения: 24.06.2025).
274. ЕМИСС. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума ([https:// fedstat.ru/indicator/33460](https://fedstat.ru/indicator/33460); дата обращения: 24.06.2025).
275. «Стратегия социально-экономического развития Ненецкого автономного округа до 2030 года» ([https:// dfei.adm-nao.ru/strategicheskoe-planirovanie/proekt-strategii-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-neneckogo-avtonomn/](https://dfei.adm-nao.ru/strategicheskoe-planirovanie/proekt-strategii-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-neneckogo-avtonomn/))
276. «Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года» (утв. Постановлением Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.06.2021 № 478) [Электронный ресурс]. URL: [http:// publication.pravo.gov.ru/Document/View/8900202106290006?ysclid=lzr7txuskj88168127&index=1](http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8900202106290006?ysclid=lzr7txuskj88168127&index=1)
277. «Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2050 года» ([https:// ugra2050.myopenugra.ru/strategy/](https://ugra2050.myopenugra.ru/strategy/))
278. «Скорректированная стратегия социально-экономического развития Магаданской области до 2030 года» ([https:// www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskoe](https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskoe)

- kogo_razvitiya_subektov_rf/proekty_strategiy_subektov_rf/skorrektirovannaya_strategiya_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_magadanskoj_oblasti_d_o_2030_goda.html)
279. «Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия)» ([https:// investyakutia.ru/about/strategy-for-socio-economic-development/](https://investyakutia.ru/about/strategy-for-socio-economic-development/))
280. ««Газпром» в 2023 году увеличил поставки газа в Китай в 1,5 раза» ([https:// tass.ru/ekonomika/19670859](https://tass.ru/ekonomika/19670859); дата обращения: 20.05.2024).
281. «В БРИКС заявили, что страны ассоциации обгонят G7 по объему ВВП к 2028 году» ([https:// tass.ru/ekonomika/19973775](https://tass.ru/ekonomika/19973775); дата обращения: 20.05.2024).
282. Банк России. «Региональная экономика: комментарии ГУ» (№ 22, сентябрь 2023 года) ([https:// www.cbr.ru/Collection/Collection/File/46309/report_01092023.pdf](https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/46309/report_01092023.pdf); дата обращения: 20.05.2024)
283. «Дмитрий Артюхов провел совещание по развитию туристического кластера на Ямале» ([https:// yanao.ru/press-tsentr/novosti/dmitriy-artyukhov-provel-soveshchanie-po-razvitiyu-turisticheskogo-klastera-na-yamale/](https://yanao.ru/press-tsentr/novosti/dmitriy-artyukhov-provel-soveshchanie-po-razvitiyu-turisticheskogo-klastera-na-yamale/); дата обращения: 20.05.2024).
284. «Доклад об экологической ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе в 2021 году» ([https:// yanao.ru/dokumenty/93506/](https://yanao.ru/dokumenty/93506/); дата обращения: 20.05.2024).
285. «Дружелюбная эконометрика» ([https:// books.econ.msu.ru/Introduction-to-Econometrics/chap11/11.2/](https://books.econ.msu.ru/Introduction-to-Econometrics/chap11/11.2/); дата обращения: 20.05.2024).
286. «Инфляция и ключевая ставка Банка России» (https://cbr.ru/hd_base/infl/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.01.2018&UniDbQuery.To=24.06.2025; дата обращения: 24.06.2025).
287. «Краткая ежеквартальная информация об исполнении федерального бюджета (млрд. руб., накоплено с начала года)» (https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute?id_57=80039-kratkaya_

- ezhekvartalnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_mlrd._rub._nakopleno_s_nachala_goda; дата обращения: 24.06.2025).
288. «Минэкономразвития России подготовило новую экономическую стратегию БРИКС до 2025 года» (https://www.economy.gov.ru/material/departments/d30/obzory_i_analitika/minekonomrazvitiya_rossii_podgotovilo_novuyu_ekonomicheskuyu_strategiyu_briks_do_2025_goda.html; дата обращения: 20.05.2024).
289. «На Ямале утвержден бюджет на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов» (https://www.yamalfin.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5298:-2024-2025-2026-&catid=31:2010-05-27-04-54-39&Itemid=71; дата обращения: 20.05.2024).
290. «Национальные проекты» (<http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/>; дата обращения: 20.05.2024).
291. «Обзор СМИ. Зафиксирован новый рекорд грузоперевозок по Северному морскому пути. Перевезено 35 млн. тонн грузов» (<https://www.rosnedra.gov.ru/article/15729>; дата обращения: 20.05.2024).
292. «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» (<http://www.scrf.gov.ru/security/economic/Arctic2035/>; дата обращения: 20.05.2024).
293. «Перспективы мировой экономики» (<https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/global-economic-prospects>; дата обращения: 20.05.2024).
294. «Правительство РФ утвердило перечень опорных городов и районов для развития Арктики» (<https://arctic-russia.ru/news/pravitelstvo-rf-utverdilo-perechen-opornyx-gorodov-i-rayonov-dlya-razvitiya-arktiki/>; дата обращения: 20.05.2024).
295. «Президент подписал Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (<http://kremlin.ru/events/president/news/73986>; дата обращения: 20.05.2024).
296. «Регионы России. Социально-экономические показатели» (<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; дата обращения: 24.06.2025).

297. «Регионы России. Социально-экономические показатели – 2021 г.» (https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm; дата обращения: 24.06.2025).
298. «Росстат – Национальные счета» (<https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>; дата обращения: 19.06.2025).
299. «Россия и Иран договорились о строительстве новой железной дороги в рамках проекта «Север-Юг» (<https://rg.ru/2023/05/17/mumbai-stanet-blizhe.html>; дата обращения: 20.05.2024).
300. «Россия стала мировым лидером по количеству введенных против нее санкций» (<https://www.forbes.ru/society/458287-rossia-stala-mirovym-liderom-po-kolicestvu-vvedennyh-protiv-nee-sankcij>; дата обращения: 20.05.2024).
301. «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р» (https://economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie_ot_13_fevralya_2019_g_207_r.html; дата обращения: 20.05.2024).
302. «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (http://www.scrf.gov.ru/security/economic/Arctic_stratery/; дата обращения: 20.05.2024).
303. «Территория полуприцепов. Нужна ли России стратегия пространственного развития?» (<https://www.kommersant.ru/doc/3908584>)
304. «Транзит по Севморпути в 2023 году достиг рекорда в 2.1 млн. тонн» (<https://www.interfax.ru/business/930429>; дата обращения: 20.05.2024).
305. «Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 № 296» (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/38377>; дата обращения: 20.05.2024).
306. «Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2019 № 220» (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/44231>; дата обращения: 20.05.2024).

307. «Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645» (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972>; дата обращения: 20.05.2024).
308. Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу ([https:// 72.rosstat.gov.ru/](https://72.rosstat.gov.ru/)).
309. «Цели в области устойчивого развития» ([https:// www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/](https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/); дата обращения: 20.05.2024).
310. Единый портал бюджетной системы РФ «Электронный бюджет» ([https:// budget.gov.ru/Регионы/Бюджетная-обеспеченность-субъектов-РФ?regionId=45000000](https://budget.gov.ru/Регионы/Бюджетная-обеспеченность-субъектов-РФ?regionId=45000000))
311. «County typology codes» ([https:// www.ers.usda.gov/data-products/county-typology-codes/county-typology-codes](https://www.ers.usda.gov/data-products/county-typology-codes/county-typology-codes); дата обращения: 20.05.2024).
312. InvestFunds. Независимый источник данных для частного инвестора в России ([https:// investfunds.ru/indexes/624/](https://investfunds.ru/indexes/624/); дата обращения: 24.06.2025).
313. OECD Economic outlook, Interim report February 2024: Strengthening the foundations for growth ([https:// www.oecd-ilibrary.org/sites/0fd73462-en/index.html?itemId=/content/publication/0fd73462-en](https://www.oecd-ilibrary.org/sites/0fd73462-en/index.html?itemId=/content/publication/0fd73462-en))

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВ

Рисунок 1 – Этапы разработки стратегии развития ресурсоориентированного региона.....	67
Рисунок 2 – Диаграмма рассеяния стандартизированных значений по предлагаемому алгоритму по регионам РФ в 2020 году	85
Рисунок 3 – Распределение регионов РФ по доле вида деятельности «Добыча полезных ископаемых» в структуре ВРП и структуре региональной занятости..	87
Рисунок 4 – Диаграммы рассеяния стандартизированных значений по предлагаемому алгоритму по регионам РФ в 2020 и 2023 гг.	88
Рисунок 5 – Различия в группе ресурсоориентированных регионов в 2020 и 2023 гг.	89
Рисунок 6 – Определение оптимального количества кластеров.....	90
Рисунок 7 – Разделение на кластеры по двум параметрам	91
Рисунок 8 – Кластеризация регионов РФ по параметрам S1 – S18 (по данным 2021 года)	93
Рисунок 9 – Коррелограмма метрик по регионам РФ.....	93
Рисунок 10 – Кластеризация регионов без параметров S1, S6, S12 (3 кластера)..	94
Рисунок 11 – Кластеризация регионов без параметров S1, S6, S12 (4 кластера)..	94
Рисунок 12 – Лепестковая диаграмма ресурсоориентированных регионов без параметров S1, S6, S12.....	98
Рисунок 13 – Лепестковая диаграмма случайного набора регионов из группы не отнесенных к ресурсоориентированным без параметров S1, S6, S12.....	98
Рисунок 14 – Схематическое отражение группировки трендов по признаку «масштаб влияния – сфера влияния»	110
Рисунок 15 – Классификация трендов с учетом анализа на релевантность	111
Рисунок 16 – Схема анализа каналов влияния и трансмиссионных механизмов при анализе трендов	113
Рисунок 17 – Концептуальная схема анализа внутренней среды ресурсоориентированного региона.....	117
Рисунок 18 – Иерархия интересов в ресурсоориентированных регионах	120
Рисунок 19 – Схема реализации удельно-партикулярного подхода к оценке эффективности реализации приоритетов.....	136

Рисунок 20 – Схема реализации интегрально-инклюзивного подхода к оценке эффективности реализации приоритетов	137
Рисунок 21 – Концептуальная модель стратегирования социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов.....	142
Рисунок 22 – Динамика цен на нефть марки Brent (долл. США/баррель).....	146
Рисунок 23 – Динамика ключевой ставки и инфляции в РФ	151
Рисунок 24 – Динамика индекса реальных денежных доходов.....	157
Рисунок 25 – Показатели доли населения с доходами ниже прожиточного минимума	158
Рисунок 26 – Обзорная карта месторождений углеводородного сырья ЯНАО и шельфа Карского моря (на 01.01.2023)	159
Рисунок 27 – Динамика отдельных показателей в непромышленном секторе ...	160
Рисунок 28 – Прогноз роста ВВП по версии ОЭСР	162
Рисунок 29 – Динамика ВРП ЯНАО.....	164
Рисунок 30 – Отраслевая структура ВДС ЯНАО.....	164
Рисунок 31 – Возрастная структура населения ЯНАО.....	164
Рисунок 32 – Доли населения в различных группах по доходам	164
Рисунок 33 – Уровень бюджетной обеспеченности регионов РФ.....	165
Рисунок 34 – Ключевые акценты при формулировании миссии ресурсоориентированного региона.....	170
Рисунок 35 – Структура блока формирования системы стратегических приоритетов ресурсоориентированного региона	177
Рисунок 36 – Актуализация системы стратегических приоритетов.....	180
Рисунок 37 – Этапы формирования целей, задач, сценариев и тактического блока в ресурсоориентированном регионе	183

ПЕРЕЧЕНЬ ТАБЛИЦ

Таблица 1 – Характеристики ресурсных регионов	52
Таблица 2 – Исторические отрасли и современные специализации	52
Таблица 3 – Стратегические аспекты различных подходов к анализу социально-экономического развития регионов.....	70
Таблица 4 – Ключевые положения из экономической теории в области ресурсных стран и регионов и их релевантность методологии стратегирования.....	72
Таблица 5 – Применение количественных и качественных региональных метрик в процессах стратегирования	76
Таблица 6 – Подходы к типологизации ресурсных регионов.....	79
Таблица 7 – Результаты расчетов векторных расстояний для определения ресурсоориентированных регионов.....	86
Таблица 8 – Описательные статистики по регионам РФ в разрезе долей вида деятельности «Добыча полезных ископаемых» в структуре ВРП и структуре занятости	88
Таблица 9 – Различия в группе ресурсоориентированных регионов в 2020 и 2023 гг.....	89
Таблица 10 – Статистические показатели регионов для кластеризации	92
Таблица 11 – Перспективные и неперспективные отрасли экономической специализации ресурсоориентированных регионов согласно «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года».....	99
Таблица 12 – Первичный анализ стратегий социально-экономического развития ресурсоориентированных регионов с точки зрения теории стратегии и методологии стратегирования.....	103
Таблица 13 – Принципиальные моменты при анализе трендов	112
Таблица 14 – Табличный формат представления результатов анализа влияния тренда на объект стратегирования.....	114
Таблица 15 – Особенности анализа трендов в процессе стратегирования развития ресурсоориентированных регионов.....	115
Таблица 16 – Матричная форма анализа стратегических интересов	124
Таблица 17 – Табличная форма анализа стратегических интересов	125

Таблица 18 – Инструментарий оценки эффектов от реализации стратегических приоритетов.....	132
Таблица 19 – Различия в оценках эффектов от реализации стратегических приоритетов на разных этапах процесса стратегирования	134
Таблица 20 – Сравнительные характеристики подходов к оценке социально-экономической эффективности приоритетов и их учет в модели межпериодного выбора.....	140
Таблица 21 – Динамика ВВП отдельных макрорегионов (трлн долл. США, в постоянных ценах 2015 года).....	144
Таблица 22 – Структура доходов Федерального бюджета РФ (млрд руб.)	146
Таблица 23 – Декомпозиция глобального тренда «Повышенные цены на нефть ввиду турбулентности мирового рынка, обусловленной, политической напряженностью»	148
Таблица 24 – Декомпозиция глобального тренда «Усиление санкционного давления недружественных стран в отношении Российской Федерации».....	149
Таблица 25 – Декомпозиция глобального тренда «Сдвиг центра экономической активности в Азиатско-Тихоокеанский регион».....	150
Таблица 26 – Декомпозиция национального тренда «Дефицит трудовых ресурсов, в том числе высококвалифицированных».....	154
Таблица 27 – Декомпозиция национального тренда «Высокие процентные ставки в национальной экономике».....	155
Таблица 28 – Декомпозиция национального тренда «Интенсификация процессов импортозамещения»	156
Таблица 29 – OTSW-матрица Ямало-Ненецкого автономного округа	167
Таблица 30 – Стратегические приоритеты Ямало-Ненецкого автономного округа согласно действующей стратегии и предложения по доработке.....	178
Таблица 31 – Применение удельно-партикулярного подхода для сформированных контуров стратегических приоритетов Ямало-Ненецкого автономного округа.	181